
Часть IV

НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ, ИСПЕЛИВШЕЙ РОССИЮ

Глава 12

СТОЛИЦА ДОНА НОВОЧЕРКАССК. ВО ГЛАВЕ БЕЛОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

В донской столице Новочеркасске к приезду Корнилова уже действовала «Алексеевская организация», ставшая основой будущей белой Добровольческой организации. Бывший Верховный главнокомандующий России генерал Алексеев прибыл на Дон несколько раньше. Отправляясь туда, он отдал приказание членам созданной им в Петрограде, Москве и ряде дру-

гих городов подпольной белогвардейской, преимущественно офицерской организации пробираться на свободный от большевиков Дон, к атаману Каледину.

Прибыв в Новочеркасск, генерал Алексеев обосновался в двухэтажном кирпичном доме № 39 на Барачной улице — в бывшем военном госпитале. Там он стал формировать первый добровольческий отряд из офицеров, юнкеров, кадет и других волонтеров. К началу декабря 1917 года под его командованием находилось уже около 300 вооруженных добровольцев. Оружие (винтовки, пулеметы и патроны) им предоставил с войсковых складов донской атаман.

В самом начале своего пребывания на Дону генерал Алексеев «определяется в новой стратегии» Белого движения. Составляется план ближайших действий. С доверенным человеком в Могилев отправляется письмо на имя генерал-майора Михаила Константиновича Дитерихса, соратника по Юго-Восточному фронту и сослуживцу по штабу Ставки:

«...Дело спасения государства должно где-либо зародиться и развиваться. Само собой ничего не произойдет...

Только энергичная, честная работа всех, сохранивших совесть и способность работать, может дать результаты...

Слабых мест у нас много, а средств мало, давайте группировать средства главным образом на юго-восток, проявим всю энергию, стойкость...

Откуда-то должно идти спасение от окончательной гибели, политической и экономической. Юго-восток имеет данные дать источники такого спасения. Но его нужно поддерживать, спасти самого от потрясения. Вооружимся мужеством, терпением, спокойствием сбора сил и выжиданием...»

Алексеев надеется, что это послание обязательно попадет к «быховским узникам», судьба которых его сильно тревожила. Дитерихс действительно сумел передать алексеевское послание генералу Корнилову и другим арестованным.

Зная, что Юг становится прибежищем большого числа офицеров-корниловцев, по разным причинам оставивших свои части, генерал Алексеев пишет статью для новочеркасской газеты «Вольный Дон». С ее страниц он обращается к армейскому офицерству со страстным призывом «спасения Родины»:

«Русская государственность будет создаваться здесь. Обломки старого русского государства, ныне рухнувшего под небывалым шквалом, постепенно будут прибиваться к здоровому государственному ядру юго-востока...»

Тех, кто тогда рвался на вольный Дон, в истории Гражданской войны в России назовут «первопоходниками». О них историк белой эмиграции А.А. Керсновский скажет такие слова:

«...Кроме виновников русская революция знала еще и героев. В Содоме не нашлось и трех праведников. В России семнадцатого года их были тысячи.

Этими праведниками всероссийского Содома были офицеры русской армии и увлеченная ими русская учащая молодежь. Только они вышли из огневого испытания не истлевшими, прошли через кровь не запятнанными и через грязь не замаранными.

Петровская армия отошла в вечность. И с последним ее дыханием забилося сердце Добровольческой армии. Русская армия продолжала жить...»

С помощью атамана Каледина генералу Алексееву удалось получить помещение для белых воинских формирований. Так у добровольцев в Новочеркасске по адресу: улица Барочная, дом номер 2 (на углу с Платовским проспектом) появилось помещение, сразу же превращенное в «замаскированное» офицерское общежитие № 1 на 250 человек.

Этот дом и стал колыбелью Добровольческой армии. Штаб генерала Алексеева размещался на той же Барочной улице, в доме номер 56.

Первое добровольческое воинское формирование было создано уже 4 ноября, на третий день после приезда генерала Алексеева в столицу донского казачества. Это была Сводно-офицерская рота, в которой числились и юнкера. Ротой командовал убежденный монархист штабс-капитан Василий Дмитриевич Парфенов, служивший ранее в лейб-гвардии Измайловском полку. На фронт Первой мировой войны пошел добровольцем, заслужив воинской доблестью первый офицерский чин. Фронтные рекомендации у него были выше всяких похвал.

К середине ноября в Новочеркасске уже находилось 180 человек добровольцев. Большинство из них называли себя «кор-

ниловцами». С этого времени запись в Алексеевскую военную организацию на Дону велась уже официально, без «сокрытия».

Путь в Новочеркасск у всех был разный. О том, как конце 1917 года отправлялись добровольцы на Дон, рассказал в «Записках юнкера 1917 года» Иван Лисенко из петроградского Константиновского артиллерийского училища, участник октябрьских боев:

«...Училище доживало последние дни. Юнкера несли все внутренние наряды и уборку лошадей. Производилась сменная езда. Солдаты ничего не делали, митинговали и формировали батарею для посылки в Москву, где еще дрались. Наконец перед фронтом училища генералом Бутыркиным был прочитан декрет Совнаркома о расформировании училища. Причем юнкера, достигшие призывного возраста, должны были отправиться в части, а остальные по домам. Генерал Бутыркин со слезами благодарил нас и говорил, что мы с честью держались до конца. Бесконечно грустно и тяжело было на душе.

В училище юнкер Янишевский сообщил мне, что идет запись юнкеров и офицеров для отправки в Новочеркасск, где генерал Алексеев будет вместе с атаманом Калединым формировать добровольческие части или вливать добровольцев в казачьи полки, и что формирование явится кадром для восстановления армии.

Запись и выдачу денег производил юнкер Мино. Мы медленно же записались, получив деньги и удостоверения, что мы казаки Донской области, окончившие агитаторские курсы. Удостоверения были на бланках Союза казачьих войск. Последние дни в училище проходили в сборах и приготовлениях к отъезду, записалось около 150 юнкеров. С увлечением рвались красные плакаты на лампы, а вечером 10 ноября наша партия, 20 юнкеров, выехала с Николаевского вокзала, имея льготные билеты до Новочеркасска и словесное приказание явиться на Барочную улицу, номер 54...»

Свидетельство того, как пробирались на Дон руководители «корниловского мятежа» и волонтеры Белого движения, оставил в своих «Воспоминаниях» генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский, один из «быховских узников», чьи организаторские способности генштабиста высоко ценил Корнилов:

«...Я поехал через Рязань и Воронеж в Новочеркасск.

Этот переезд был для меня очень тяжелым. Вагон был страшно переполнен, и я от Москвы до станции Лисок, то есть более 36 часов, принужден был стоять, не имея возможности ни разу присесть.

В вагоне, в котором я помещался, ехало человек 10 молодежи в солдатской форме. Всю дорогу они держали себя довольно разнузданно, но манера себя держать не соответствовала их физиономиям, и мне казалось, что они умышленно себя держат как распушенные солдаты и явно шаржируют.

Так как в Лисках (на границе Донской области) они остались в вагоне, то для меня стало ясно, что это юнкера какого-нибудь военного училища или молодые офицеры, пробирающиеся на Дон.

После отхода поезда от станции Лиски эта молодежь стала устраиваться на освободившихся местах. Я подошел к одной из групп и попросил уступить мне верхнее место.

— А ты кто такой? — услышал я от одного из них в ответ на мою просьбу.

Я тогда сказал:

— Ну вот что, господа, теперь вы можете уже смело перейти на настоящий тон и перестать разыгрывать из себя дезертиров с фронта. Последняя категория и та сбавляет тон на донской территории. Я — генерал, очень устал и прошу мне уступить место.

Картина сразу изменилась. Они помогли мне устроиться на верхнем месте, и я с удовольствием улегся. Ноги мои от продолжительного стояния опухли и были как колоды...»

В пределы Донской области вело шесть железнодорожных линий. С севера: Москва — Воронеж — Новочеркасск; с запада: Харьков — Лихая — Новочеркасск и Синельниково — Ростов; с юга — Владикавказская и с востока две линии от Царицына, с пересадками на станции Лихая и на станции Тихорецкая. Передвижения добровольцев должны были неизбежно вызвать интерес революционных властей.

Вначале местные Советы осуществляли слабый, поверхностный контроль, который в дальнейшем был ужесточен. Проводился он красногвардейцами местных отрядов. Вооруженные патрули, осуществлявшие проверку пассажирских поез-

дов, обращали внимание на одежду, военную выправку, манеру говорить...

Едушим на Дон добровольцам надо было быть готовым ко всему.

Совет народных комиссаров в конце 1917 года был озабочен упрочением собственной власти в столице, где политические страсти все не утихали. Местные Советы в ноябре и даже декабре месяце не имели строжайших предписаний от имени В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого о введении «революционного контроля» на железных дорогах, которые вели на Дон. И им приходилось по «своему разумению» проводить «зачистку» станций и поездов «от контрреволюционного элемента».

Благодаря такой неразберихе в Новочеркасск из Петрограда смог, например, пробраться маленькими группами весь старший курс Константиновского артиллерийского училища, известного своей привязанностью к идеям корниловщины. С сотней с лишним юнкеров не оказалось ни одного их курсового офицера. Видимо, у них было своеобразное представление о своем долге, о своих правах и обязанностях.

Современников поражало то, что на вольный Дон рвалась прежде всего военная молодежь, не обремененная семейными обязанностями, с болью в душе воспринявшая развал русской армии и «падение» Российской державы. Журналист Б. Суворин, свидетель создания Добровольческой армии, описал такой случай своей жизни в Новочеркасске:

«...Как то раз я вышел из гостиницы. В гору поднималась кучка кадет. Старшему было не больше 17 лет, другим лет 14—15. Они нерешительно подошли к гостинице и, не доверяя «штатскому» («вольному», как говорили солдаты), стали рассматривать список живущих в гостинице. Я вернулся и спросил их:

— Что вам нужно, молодые люди?

Кадеты, посмотрев на меня, почему-то назвали первое попавшееся имя, которого, конечно, не было в списке проживавшего в гостинице:

— Мы ищем господина Хорькова.

Тогда я спросил их в открытую:

— А вы разве не ищите армию генерала Алексева?

Глаза кадет, по виду старшекласников, загорелись «прекрасным молодым блеском». Они молча смотрели на меня. Впереди меня стоял мальчик в знакомом мне мундире. Я спросил его:

— Вы кадет Михайловского Воронежского корпуса? Мой отец был кадетом первого выпуска вашего корпуса.

От этого вопроса «лед недоверия» ко мне со стороны юношей сразу растаял. Кадет-михайловец ответил:

— Так точно!

Сразу же заговорили другие его товарищи:

— А я из Орловского корпуса.

— А мы вот вдвоем из второго Московского...

После этого кадеты весело сознались, что приехали в Новочеркасск из разных мест России, как-то разом встретились на местном вокзале и теперь желают поступить в Добровольческую армию генерала Алексеева...»

Добровольцы прибывали в Новочеркасск ежедневно. Во второй половине ноября алексеевцы (треть их составляли офицеры) имели уже три формирования. Помимо Сводно-офицерской роты были созданы Юнкерский батальон (сперва отдельная рота) и Сводная Михайловско-Константиновская батарея, основу которой составили юнкера двух петроградских артиллерийских училищ — Константиновского и родного генералу Корнилову Михайловского.

Начала формироваться Георгиевская рота (в середине ноября в ней числилось до 60 человек, преимущественно нижних чинов — георгиевских кавалеров).

Одновременно шла запись в белую студенческую дружину. Она пополнялась ростовской и новочеркасской учащейся молодежью. Основу дружины, которая в скором времени превратится в Студенческий батальон, составили 180 человек Ростовского среднего коммерческого училища — три его старших класса.

В мемуарах белоэмигрантов сохранились свидетельства того, как проводилась агитация среди ростовской учащейся молодежи в Добровольческую армию:

«...Офицеры пришли в среднее коммерческое училище, которое они окончили 2—3 года назад и объясняют директору свою миссию: призвать молодежь к защите Родины, Дона,

Ростова, семьи, Церкви. Наконец — к защите самой школы. Директор колеблется и вызывает инспектора и священника. Священник, не раздумывая, твердо заявляет:

— Вы хотите звать молодежь на убийство? — и требует, чтобы офицеры оставили свою мысль.

Директор поддерживает священника особым доводом:

— Если уйдут старшие ученики, с кем останется училище?

Инспектор молчал.

Офицеры возражали, утверждая, что их доводы в настоящее время совсем не убедительны, так как красная власть разрушает все законы Божеские и человеческие, все традиции... Семью, школу.

Наконец, уступив настойчивости офицеров, начальство училища дало им разрешение переговорить с учениками.

Для молодежи не нужно было много слов, не нужно было красноречие, чтобы, обратившись к внутреннему, сокровенному, святому ее чувству, увлечь ее на служение и неизбежные жертвы для Родины. Три старших класса коммерческого училища записались добровольцами в армию...»

Первые формирования Добровольческой армии, как отдельные воинские части, росли быстро. Сводно-офицерская рота, сформированная 4 ноября, уже 15-го числа выделила из своего состава Юнкерскую роту. Местом проживания ей выделили лазарет № 23 на Грушевой улице, поскольку лазарет на Барочной улице был переполнен.

К этому времени в обеих ротах — Офицерской и Юнкерской было приблизительно равное число бойцов, по 150 человек. Командовать первой генерал Алексеев назначил боевого фронтовика-корниловца штабс-капитана Некрашевича, погибшего в марте 1918 года при штурме Екатеринодара.

Юнкерской ротой, развернутой вскоре в батальон, командовал штабс-капитан Василий Парфенов, личность героическая. Перед тем как получить производство в офицеры, доброволец команды конных разведчиков лейб-гвардии Измайловского полка был награжден Георгиевскими крестами всех четырех степеней. На фронте он своей солидарности с «корниловщиной» не скрывал. Откровенный монархист, он оказался деятельным участником подпольной Алексеевской военной организации. Погиб полковник Парфенов, назначен-

ный командиром пехотного полка врангелевской русской армии, летом 1920 года в Крыму.

Парфеновская рота первоначально состояла из четырех взводов. Первый составили юнкера пехотных училищ, главным образом из столичного Павловского. Второй взвод состоял из юнкеров артиллерийских училищ, третий («флотский») — из гардемарин и морских кадет, четвертый — из кадет и учащейся молодежи. Но в таком составе Юнкерская рота просуществовала всего четыре дня.

19 ноября в Новочеркасск прибыло около сотни юнкеров столичных Константиновского и Михайловского артиллерийских училищ. Они принимали самое активное участие в октябрьских событиях в Петрограде и оружия в борьбе с Советской властью слагать не собирались. По решению генерала М.В. Алексеева из Юнкерской роты был выделен второй взвод, который вместе с прибывшими добровольцами образовал особую часть — Сводную Михайловско-Константиновскую батарею, получившую свое название по артиллерийским училищам Петрограда.

Вооруженная только трехлинейными винтовками, батарея, пока еще не имевшая ни одного орудия, насчитывала до 250 человек. 60 юнкеров были михайловцами, остальные — константиновцами. Сводной батареей стал командовать штабс-капитан Николай Шаколи, курсовой командир Михайловского артиллерийского училища. Это был единственный курсовой офицер из двух училищ, последовавший на Дон за своими воспитанниками и подтвердивший свою запись в Алексеевскую военную организацию делом.

Отделившись, Сводная Михайловско-Константиновская батарея разместилась в здании Платовской гимназии. А Юнкерская рота, отдавшая ей свой взвод артиллеристов, уже через несколько дней снова выросла до 150 человек и была развернута в трехротный Юнкерский батальон. Две ее роты были юнкерские, а третья называлась Кадетской.

Уже после гибели Корнилова все три первые части Добровольческой армии, создаваемой его единомышленником генералом М.В. Алексеевым, организационно слившись, образуют Офицерскую дивизию генерала Маркова. Но это произойдет не на Дону, а во время боев на Кубани. Георгиевская же рота позднее волеется в Корниловский полк...

Подавляющее большинство добровольцев прибывали на Дон без оружия. Поэтому вопрос об оружии для них стал сразу. Только часть офицеров-добровольцев имела личное оружие. Атаман Каледин заверил генерала Алексеева, обратившегося с просьбой помочь вооружить членов его военной организации в том, что Донское правительство и он лично такую помощь белым волонтерам окажет без проволочек.

Атаман Войска Донского сдержал свое слово. Он помогал добровольцам, своим потенциальным союзникам в отстаивании вольного Дона от большевиков «самым широким способом». Вот всего лишь две справки о том, как вооружались в Новочеркасске первые прибывшие туда алексеевцы:

«8 ноября из арсенала было получено для общежития № 1 24 винтовки, по 30 патронов на каждую, в общежитии же насчитывалось к этому дню 41 человек».

«10 ноября через артиллерийское управление было проведено разрешение атамана на выдачу организации 274 винтовок, по 120 патронов на каждую, а также 18 револьверов (в револьверах была острая нужда и в частях Войска Донского), каковые и были получены».

Но это было еще не все. В эти же дни атаман А.М. Каледин обещал передать алексеевской организации половину пулеметов, которые были отобраны у гарнизона Хутунка (там стояли запасные пехотные полки) при его разоружении. Но, несмотря на бдительный надзор, хутунским большевикам удалось скрытно увести пулеметы еще до начала разоружения в близкий Ростов. Там пулеметы были надежно спрятаны.

После разоружения калединскими казаками гарнизона Хутунка в середине ноября винтовки и патроны доставлялись алексеевцам подводами и автомобилями в количестве, далеко превышающем потребности наличного состава. Это делалось по прямому распоряжению атамана Каледина. Поэтому к началу первых боев с красновардейскими отрядами добровольцы оказались хорошо вооружены винтовками. После разоружения запасных пехотных полков в Хутунке у добровольцев появились первые ручные гранаты.

Оружие добывалось и другими путями. В первых числах ноября военным комендантом станции Шахтная поручиком Федоровым по собственной инициативе было роздано проезжа-

ющим на Дон под знамена генерала Алексеева офицерам-корниловцам 120 винтовок и около двух с половиной тысяч патронов. Это вызвало негодование атамана Каледина в связи с тем, что передача оружия добровольцам совершалась открыто, на глазах у всех.

Атаман Алексей Максимович Каледин продолжал вооружать нарождавшуюся белую армию до последних своих дней. 17 ноября в распоряжение особой команды добровольцев был передан броневой автомобильный дивизион, имевший несколько двухпулеметных и однопушечных броневиков. Однако материальная часть их оказалась изношенной, и бронемшины часто выходили из строя.

К 18 ноября весь личный на тот день состав формируемой Добровольческой армии — около 800 бойцов — был вооружен. Винтовок хватало и для формирующейся белой студенческой дружины, и на прибывающих каждодневно добровольцев.

Войска Красной армии, посылаемые против Дона с конца 1917 года, были вооружены намного лучше добровольцев и казаков-калединцев. Прежде всего у них были артиллерия и пулеметы.

...Прибывавшие на Дон белогвардейцы столкнулись с немалыми трудностями. Все вновь прибывшие в Новочеркасск подписывали особые заявления о своем желании служить добровольцами в течение ближайших четырех месяцев. Денежного оклада первое время не полагалось. Все «армейское» содержание ограничивалось лишь пайком, о скудности которого говорить не полагалось.

Затем добровольцам стали выплачивать в качестве жалования (по тому времени действительно «нищенского») небольшие денежные суммы ассигнациями в размере от ста до 270 рублей офицерам, от 30 до 150 рублей солдатам. Кроме того, тем добровольцам, которые привезли с собой семьи, начислялась небольшая, чисто символическая, надбавка.

Один из ближайших помощников Алексеева в те «новочеркасские дни» Л.В. Половцев, написавший в эмиграции воспоминания о Гражданской войне в России — «Рыцари тернового венца», — так рассказывает о первых днях зарождения белой Добровольческой армии:

«Ближайшими сотрудниками ген. Алексеева были в то время: его адъютант рот. Шапрон, начальник штаба полк. Веденяпин, подп. Лисовой и кап. Шатилов; начальник строевой части, бежавший из быховской тюрьмы ген. граф И.Г. Эрдели; начальник хозяйственной части — член Госдумы Л.В. Половцев (автор воспоминаний. — *А.Ш.*), по политическим вопросам — член Госдумы Н.Н. Львов, С. С. Щетинин и А.А. Ладыженский.

В Ростове и Таганроге работал председатель общества заводчиков и фабрикантов В.А. Лебедев.

Для сбора добровольцев с фронта в Киеве была создана особая организация, во главе которой стоял ген.-кав. А.М. Драгомиров и член Госдумы В.В. Шульгин.

На первый призыв ген. Алексеева отозвалось около 50 офицеров и юнкеров, бежавших в Новочеркасск из Петрограда и Москвы после октябрьских стычек с большевиками. Из них были составлены кадры первых воинских частей: офицерского и юнкерского батальонов.

Прибывали добровольцы и из соседних местностей — ободранные, без белья, без сапог, в каких-то опорках. Их надо было разместить, одеть, обусть и кормить, а денег было мало.

Получив самые широкие обещания денег со стороны различных общественных организаций в Москве и Петрограде, ген. Алексеев приступил к выполнению своего плана, имея в кармане 10 000 руб., занятых им у частного лица. На эти деньги и жили несколько дней кадры будущей армии.

Постепенно стали поступать в кассу местные пожертвования, но в ничтожных размерах. Наконец наступил момент, когда стало ясно, что завтра надо бросить все дело, потому что денег больше нет.

Помочь делу решили сами добровольцы. Наиболее состоятельные из них, не имея сами наличных денег, воспользовались своими кредитоспособными именами и выдали векселя. По учете векселей, при содействии Н.Н. Львова, в местных банках получилась сумма около 350 000 руб., которые и спасли дело на некоторое время.

Одному Богу известно, какие мучительные часы переживали Алексеев и его сотрудники в это время.

Поставив на карту все — и доброе имя, и жизнь, и все свое прошлое, — увидев полную возможность осуществления своей мечты о великом деле, ген. Алексеев мог оказаться в самом ужасном положении.

Ведь от великого до смешного один только шаг. А разве не смешно было бы для бывшего Верховного главнокомандующего собрать армию в 50 человек и затем распустить ее.

Но ген. Алексеева эта мысль не пугала. Он хлопотал, просил, умолял, и хотя с величайшими затруднениями, но армия создавалась и увеличивалась...»

О том же писал и боевой соратник Корнилова по Первой мировой и Гражданской войнам «быховский узник» генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин в своих «Очерках русской смуты»:

«Было трогательно видеть, как бывший верховный главнокомандующий, правивший миллионными армиями и распоряжавшийся миллиардным военным бюджетом, теперь бегал, хлопотал и волновался, чтобы достать десятков кроватей, несколько пудов сахару и хоть какую-нибудь ничтожную сумму денег, чтобы приютить, обогреть и накормить бездомных, гонимых людей...».

...Отдавая дань исторической правде, следует сказать следующее. Положение белых добровольцев, и тем более корниловцев, в столице превеликого Войска Донского виделось шатким. Атаман А.М. Каледин остро чувствовал настроение казачества, уставшего от войны и желавшего вернуться к мирной жизни. Он знал, что население испытывает симпатии к оседавшим на Дону офицерам-добровольцам.

Атаману Каледину на заседаниях Донского правительства, на встречах с атаманами донских столиц приходилось убеждать многих, что добровольцы прибывают как союзники казачества. Как люди, готовые с оружием в руках постоять за исторические вольности Дона. Но это действовало не на всех.

В Новочеркасск же, в основном по железной дороге, продолжали каждодневно стекаться добровольцы Белого движения. И далеко не все они были членами подпольной алексеевской военной организации. Прибывали и недавние быховские арестанты, соратники Корнилова. Один из них,

генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский, так описал в воспоминаниях свое появление в столице Донского казачьего войска:

«В Новочеркасск поезд пришел поздно вечером 23 ноября (6 декабря) 1917 года.

На вокзале был дежурный офицер, который указывал приезжавшим офицерам и юнкерам, где им можно остановиться.

Я поехал переночевать в общежитие, а утром 24 ноября (7 декабря) перебрался в гостиницу.

Первое лицо, которое я увидел в гостинице, был председатель Государственной думы М.В. Родзянко, которого под видом тяжелобольного и в заgrimированном виде доставили из Москвы в Новочеркасск.

Затем я встретился с генералами Деникиным, Романовским и Марковым, добравшимися накануне благополучно до Новочеркаска.

От них я узнал, что в Новочеркасске — генерал Алексеев, который в полном согласии с атаманом Донского казачьего войска приступил к формированию добровольческой армии для борьбы с большевиками.

Генерал Алексеев приехал в Новочеркасск в первых числах ноября.

Я пошел к нему.

М.В. Алексеев сказал мне, что он решил сформировать на Дону добровольческую армию; что в Петрограде и Москве им образованы общества для помощи офицерам; что эти общества поддерживают тесное общение с общественными организациями, помогающими им материально, и они будут направлять на Дон всех желающих офицеров, юнкеров и кадетов старших классов; что Союз общества офицеров, со своей стороны, примет все меры для облегчения желающим офицерам возможности обратиться на Дон и из других районов.

Я на это ответил, что мне представляется необходимым, чтобы он кликнул клич, призывающий офицеров немедленно направляться на Дон; что его имя среди офицеров очень популярно и на его клич потекут на Дон не сотни, а десятки тысяч офицеров.

Генерал Алексеев на это мне ответил, что сам он об этом думал, но сделать это он пока не смеет.

— Как же я могу обратиться с таким воззванием к офицерам, раз в моем распоряжении нет средств? Ведь теперь, когда имеется всего около пятисот офицеров и юнкеров, я не сплю по ночам, как мне их прокормить, как их одеть.

На это я ответил, что — будет сила, будут и деньги.

— Рискнуть надо; без этого вы, Михаил Васильевич, армии не сформируете. Ведь надо знать нашу общественность: они не дают и не дадут больших средств, пока не будут уверены в успехе, пока в вашем распоряжении не будет достаточной силы. А вы не можете собрать эту силу, не имея средств. Получается заколдованный круг. Повторяю, что не только можно, а должно рискнуть.

Генерал Алексеев сказал, что он еще подумает.

Прощаясь со мной, генерал Алексеев сказал, что нам надо в ближайшие дни условиться относительно дальнейшей совместной работы.

25 ноября (8 декабря) генерал Деникин и я пошли к донскому атаману генералу Каледину.

Генерал Каледин принял нас очень серьезно, сказал, что, работая в полном согласии с генералом Алексеевым, он убежден, что генералу Алексееву удастся сформировать хорошую добровольческую армию, а ему — донскую. Затем он сказал, что очень рад приезду на Дон целой группы генералов, которые могут наладить организационную работу, но, — прибавил генерал Каледин, — «имена генералов Корнилова, Деникина, Лукомского и Маркова настолько для массы связаны со страхом контрреволюции, что я рекомендовал бы вам обоим и приезжавшему генералу Маркову пока активно не выступать; было бы даже лучше, если бы вы временно уехали из пределов Дона».

После этого генерал Каледин добавил:

— Я отнюдь не настаиваю, чтобы вы уезжали с Дона. Если вас это не устраивает, то оставайтесь, и вы будете гостями донского казачества...»

«Быховские узники» А.И. Деникин и С.Л. Марков, пока оставаясь без конкретных должностей в алексеевской военной организации, уехали налаживать связи прежде всего с местными военными людьми, по духу корниловцами, в столицу Кубанского казачьего войска город Екатеринодар. Генерал А.С. Лукомский отправился еще дальше, к терским казакам,

в город Владикавказ. Но уже вскоре им суждено было возвратиться назад, в Новочеркасск.

Сам Алексеев пытался не раз наладить деловые отношения с Кубанью. Туда он инкогнито совершил две деловые поездки. В 20-х числах ноября побывал в Екатеринодаре на заседании правительства Юго-Восточного союза. Но поездка оказалась малопродуктивной. Кубанская казачья старшина тогда больше думала об автономии области от России, чем о судьбе государства.

Из Новочеркаска Алексеев направил несколько доверенных лиц на российские окраины. В начале января 1918 года в район Кавказских Минеральных Вод командируется полковник Яков Александрович Слащев, недавний командир гвардейского Московского полка. Ему ставилась задача создать на Северном Кавказе офицерские организации, которые бы стали источником пополнения Добровольческой армии.

На миссию Слащева возлагались большие надежды. В Пятигорске и других городах Кавказских Минеральных Вод скопилось большое число офицеров только что развалившегося Кавказского фронта. Там же проживали соратники бывшего Верховного главнокомандующего по Первой мировой войне — генералы Рузский, Радко-Дмитриев и другие.

Полковник Слащев выглядел достаточно авторитетной фигурой для обращения к фронтовому офицерству: за войну был пять раз ранен и дважды контужен, награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и георгиевским оружием, участвовал почти во всех боях лейб-гвардии Финляндского полка, в рядах которого он прошел почти всю Первую мировую войну, прежде чем стал командиром другого, не менее известного полка русской гвардии.

Посланцы Алексеева, пока не «встал» сплошной линией Донской фронт, регулярно пробирались по железной дороге в Москву и Петроград. Генерал Алексеев стремился создать там сильное антибольшевистское военное подполье, на которое можно было бы опереться в грядущих боях. Особые надежды возлагались на деятельность подпольного Национального центра, общее руководство которым осуществлял Н.Н. Щепкин. Поддерживалась связь и с могилевской Ставкой, вернее с тем, что от нее еще оставалось.

Военной организацией Национального центра руководил хорошо знакомый Корнилову и Алексееву генерал-лейтенант Генерального штаба Николай Николаевич Стогов. Георгиевский кавалер, командующий Юго-Западным фронтом в январе 1918 года прибыл в Москву и поступил там в Красную армию как военный специалист. Военспец Стогов с мая по август того же года был начальником Всероссийского главного штаба. И одновременно с полковником В. В. Ступиным возглавлял... подпольную Добровольческую армию Московского района.

Стогов оказал немало ценных услуг командованию белой Добровольческой армией в лице Корнилова, Алексеева и Деникина, поставляя информацию разведывательного характера. Когда осенью 1919 года чекисты начали аресты руководителей Национального центра, генералу Стогову удалось бежать из Москвы и с риском для жизни перейти линию фронта на юге.

Оказавшись в эмиграции, во Франции, Стогов постоянно сотрудничал с такими белоэмигрантскими изданиями, как журнал «Часовой». Он возглавлял Общество офицеров Генерального штаба в Париже и Объединение офицеров лейб-гвардии Волынского полка, был почетным председателем Союза российских кадетских корпусов и Союза георгиевских кавалеров.

Еще до прибытия на Дон генерала Корнилова Алексеев сумел связаться со своими единомышленниками и в далекой от Дона Сибири, куда так рвался в первое время своего пребывания в Новочеркасске Лавр Георгиевич. Вскоре официальным посланцем Добровольческой армии в белой Сибири стал генерал Василий Егорович Флуг.

Известность в русской армии Флуг получил, когда был генерал-квартирмейстером полевого штаба царского наместника на Дальнем Востоке адмирала Алексева, а затем генерал-квартирмейстером 2-й Маньчжурской армии. В 1914 году командовал 10-й армией Северо-Западного фронта. Но за успешные действия против германской 8-й армии и взятие города Сувалки был отчислен от занимаемой должности со следующей формулировкой — «за опасную активность». Отчисление явилось следствием интриг генерал-квартирмейстера штаба фронта генерала М. Д. Бонч-Бруевича, ставшего после октября 1917 года одним из ближайших военных советников председателя Совнаркома В. И. Ульянова-Ленина.

С подложными документами Флуг прибыл в Новочеркасск в декабре 1917 года и сразу «поступил» в распоряжение Корнилова и Алексеева. Те довольно скоро подобрали ему весьма ответственное задание, исходя из «данных» фронтового генерала: представлять Юг России среди единомышленников в Сибирском крае.

Генерал Флуг в начале 1918 года тайно пробрался в Сибирь. В июне он вошел в состав «Делового кабинета» генерала Хорвата во Владивостоке. Там налаживал контакты с союзниками старой России по Антанте. Участвовал в формировании белогвардейских частей, которые затем вошли в состав колчаковской Сибирской армии. В самом конце того же 1918 года Флуг, по заданию омского правителя адмирала Александра Васильевича Колчака, вернулся на юг России, будучи назначен в распоряжение генерала Деникина.

Стогов, Слащев и Флуг были самыми именитыми представителями «зачинателей белого дела» на местах. Десятки и десятки офицеров и людей далеко не военных профессий по заданиям командования Добровольческой армии совершали тайные поездки по ту сторону фронтов Гражданской войны. Все они имели одну задачу: организацию Белого движения...

Белые волонтеры не мыслили себя вне воинской организации. Добровольцы во время «постоя» в Новочеркасске (а потом и Ростове) жили по воинским уставам старой русской армии. Обязательным было воинское обучение, несение караулов и дневальной службы. Генерал Алексеев взыскательно следил за тем, чтобы такой ритм жизни, пока еще отчасти мирной, первых добровольческих частей не менялся...

В вышедших в 1925 году в Ленинграде «Очерках истории Гражданской войны» (их автором был преподаватель Военно-политической академии имени тов. Толмачева РККА и РККФ Ан. Анишев) добровольческие воинские формирования назывались «типичными отрядами черной гвардии». О начале вооруженного противостояния на юге России говорилось:

«Активной действующей силой не местного значения в вооруженной борьбе на Дону и Кубани были буржуазно-помещичья гвардия, с одной стороны, и рабочая Красная гвардия — с

другой. Все остальное как с той, так и с другой стороны было только обстановкой, в которой эта борьба протекала...

Задача пролетарских отрядов Красной гвардии была... расширение влияния пролетарских центров на окраины».

Время торопило и белых, и красных. События на российском Юге, где зачиналась Гражданская война, стали развиваться стремительно и часто спонтанно. Прапорщик Крыленко, ставший «на час» Верховным главнокомандующим Советской России, направлял на границы Дона красногвардейские отряды с карательными задачами.

В числе первых советских войск, прибывших бороться с «калединщиной», были красногвардейские отряды Выборгского и Володарского районов Петрограда, объединенные Московские отряды под командой Саблина, отряд Харьковской пролетарской артиллерии Рухимовича, отряды рудничной Красной гвардии Донецкого бассейна, матросские формирования, красные латышские стрелки...

Ставший больше чем наполовину советским, а меньшей своей частью украинским националистическим, Черноморский флот прислал донскому атаману Каледину ультиматум. Революционные моряки из Севастополя грозно требовали от него «полного и безвозвратного» отречения от атаманской власти:

«...Немедленно признать власть за Советами рабочих и солдатских депутатов».

На что войсковой атаман Донского казачества, прочитавший телеграмму, с явным неудовольствием заметил по поводу «матросской угрозы» из недалекого Севастополя:

— Менять волю казачества Дона, избравшего меня атаманом, — это не топить турецкие парусные шхуны-угольщики на войне...

С каждым пассажирским поездом, прибывавшим на местный вокзал, число добровольцев в Новочеркасске увеличивалось. Большой радостью для генерала Алексеева стало то, что в ноябре из Могилева прибыл, а вернее сказать — пробился Георгиевский пехотный батальон, полностью солдатский, сохранивший свои кадры.

Он был сформирован из раненых фронтовиков — георгиевских кавалеров, которые проходили после выздоровления тщательный отбор. По замыслу императора Николая II, тако-

му батальону предстояло стать элитной частью сражающейся русской армии, поскольку каждый его боец являлся действительно доблестным воином. Причем, многие солдаты являлись обладателями полного банта «Егориев» — крестов всех четырех степеней.

Для начала первой части георгиевских кавалеров была доверена охрана могилевской Ставки. Последующие революционные события не позволили командованию использовать отдельный батальон на фронте как ударную, штурмовую часть. Он так и остался в прифронтовом тыловом Могилеве, будучи в своем большинстве верным Временному правительству, а не мятежному Верховному главнокомандующему генералу Корнилову. Но потом, после прибытия прапорщика Крыленко в Ставку, «маятник» в политическом умонастроении солдат-георгиевцев резко качнулся вправо.

Все до единого опытные фронтовики, бойцы Георгиевского батальона, отличались «примерной» бодростью духа, пехотной выучкой и дисциплинированностью. Это были подлинные рядовые герои Первой мировой войны. Они стали первыми нижними чинами русской армии (не считая разве небольшого числа ударников), которые в Новочеркасске пополнили ряды создававшейся белой Добровольческой армии.

Горя желанием с оружием защитить Россию, добровольцы тем не менее находились, скажем прямо, в угнетенном состоянии. Им казалось, что не только солдатская масса, но и большая часть России выступает против Белого движения. Но это мнение серьезно изменилось, когда в начале декабря 1917 года стали известны результаты выборов в Учредительное собрание. Центральный Комитет партии большевиков и Совнарком не решились отменить выборы, назначенные еще Временным правительством.

В большинстве избирательных округов выборы состоялись во второй половине ноября. Партия большевиков в итоге набрала 24 процента голосов, победив в некоторых крупных промышленных центрах и воинских гарнизонах. Правые партии, ведущей из которых являлась конституционно-демократическая (кадетская), набрали только 17 процентов. Партии социалистов-революционеров (эсеров), меньшевиков и других демократов получили 59 процентов голосов. В ходе выборов в

Учредительное собрание партия эсеров получила подавляющее число голосов избирателей — более 40 процентов. Но к тому времени в их рядах уже не было единства: социалисты-революционеры с их «крестьянской» программой раскололись на ряд течений: левых, правых, максималистов, интернационалистов.

Как бы потом ни толковали итоги выборов в Учредительное собрание в конце 1917 года, было ясно, что партия большевиков не дотянула даже до четверти голосов. И потому она могла управлять государством только во временном союзе с партией левых эсеров. Совет народных комиссаров постановил открыть Учредительное собрание 5 января 1918 года.

В день открытия Учредительного собрания в Петрограде состоялась массовая манифестация под лозунгом: «Вся власть Учредительному собранию!». Собравшись на Марсовом поле, демонстранты двинулись к Таврическому дворцу. Однако путь им преградили отряды красногвардейцев, солдат и матросов, которые подчинялись большевистскому Чрезвычайному штабу, созданному «для защиты власти Советов от всех покушений контрреволюционных сил». По манифестантам был открыт огонь.

По некоторым данным, в день открытия Учредительного собрания в Петрограде было убито от 8 до 20 демонстрантов, ранено более 200 человек. В ходе Гражданской войны это был первый случай, когда по приказу советской власти стреляли в народ. При этом человеческих жертв оказалось больше, чем при штурме Зимнего дворца.

Представители Совета народных комиссаров в своих выступлениях утверждали, что антисоветская манифестация была устроена усилиями «буржуев». Однако это не соответствовало действительности: в рядах демонстрантов было много питерских рабочих и солдат столичного гарнизона. Об этом во всеуслышаньи было сказано писателем Максимом Горьким, который в газете «Новая жизнь» писал:

«Правда» лжет, когда пишет, что манифестация 5 января была организована буржуями, банкирами и т.д. и что к Таврическому дворцу шли именно «буржуи», «калединцы». «Правда» лжет — она прекрасно знает, что «буржуям» нечего радоваться по поводу открытия Учредительного собрания, им не-

чего делать в среде 246 социалистов одной партии (эсеров. — А.Ш.) и 140 большевиков. «Правда» знает, что в манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, что под красным знаменем Российской социал-демократической партии к Таврическому дворцу шли рабочие Василеостровского, Выборгского и других районов. Именно этих рабочих и расстреливали, и сколько бы ни лгала «Правда», она не скроет позорного факта».

Второго заседания Учредительного собрания не было. После того, как оно 237 голосами правых эсеров и меньшевиков против 146 голосов большевиков и левых эсеров отказалось обсуждать «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», предложенную большевистским ВЦИК, судьба нового российского парламента была решена. Этот отказ стал для Учредительного собрания, которое правомочно считало себя верховной властью в стране, равносильным «смертному приговору».

Большевики и левые эсеры покинули зал заседания Учредительного собрания. Когда началось обсуждение проекта о земле, к трибуне подошел начальник охраны Таврического дворца, балтийский матрос анархист Анатолий Железняков, который произнес свою историческую фразу:

— Я получил инструкцию, чтобы довести до вашего сведения, чтобы все присутствующие покинули зал заседания, потому что караул устал.

С разгоном законноизбранного Учредительного собрания вся полнота государственной власти фактически оказалась в руках ленинского Совнаркома. Под руководством Троцкого начинает действовать Революционный военный совет (РВС). В экстренном порядке идет формирование Красной армии, главный враг которой находился на российском Юге. Отменяются солдатские комитеты, устанавливается единоначалие командиров, подоотчетных комиссарам. Вводится строжайшая революционная дисциплина, смертная казнь на фронте через расстрел становится нормой военного времени...

В ночь на 26 ноября в соседних с Новочеркасском городах области Войска Донского Ростове и Таганроге вспыхнули вооруженные восстания, подготовленные местными большевиками-подпольщиками. Но удержать Ростов и Таганрог

в своих руках военно-революционные комитеты смогли только несколько дней. Даже несмотря на то, что в Ростове высадились матросские отряды, прибывшие на яхте «Колхида» и других судах. А небольшой по числу жителей Таганрог находился под прицелом орудий миноносца, подошедшего из Севастополя.

Для Донского правительства это был гром среди ясного неба. Атаман Каледин оказался в сложном положении. Подавить вооруженные выступления в Ростове и Таганроге можно было только военной силой. А еще совсем недавно на третьем войсковом кругу генерал говорил, что «ему страшно пролить первую кровь». И когда он решился, то казаки за ним не пошли. Недавние фронтовики воевать не хотели: они от войны уже устали.

Однако надо было подавить восстание большевиков как можно скорее. В полночь из Новочеркасска в Ростов отправили железнодорожным составом со сводным добровольческим отрядом, пополненным «калединцами»: местной казачьей молодежью, студентами, пришедшими со своими винтовками и кое-как обмундированными, юнкерами Новочеркасского казачьего училища. Отрядом командовал полковник князь Иван Хованский, выходец из лейб-гвардии Литовского полка.

«Первая кровь» пролилась в ростовском пригороде, на железнодорожной станции Нахичевань. Командир Юнкерского батальона Мстислав Мезерницкий, закончивший Гражданскую войну в чине полковника и вернувшийся в Россию из эмиграции в ноябре 1921 года вместе с генералом Я.А. Слащевым, в своих воспоминаниях так описывал это событие:

«...К станции подъехали четыре красноармейца. Увидя нас, один крикнул: «Золотопогонная сволочь уже здесь! Бей их, и айда к нашим!» Но было уже поздно. На выстрелы вбежали юнкера, и через минуту двое из красных валялись с пробитыми лбами, а другие двое бились в руках державших их юнкеров...»

Разгрузившись, добровольцы заняли позицию под Ростовом. Красные отряды начали атаку железнодорожной станции Нахичевань со стороны города: «Но сразу было видно, что это не организованная часть, а масса, валящая вперед густой толпой». Атакующие, попав под ружейный и пулеметный огонь, отхлынули обратно на окраину Ростова.

Пока под городом шел жаркий бой, атаману А.М. Каледину силой своей власти удалось «призвать к исполнению казачьего долга» несколько войсковых частей из числа тех, кто еще не разошелся по домам, по станицам и хуторам. Они недавно вернулись с фронта и оказались «менее распропагандированными». Теперь судьба Ростова и Таганрога была решена.

Подошедшие к этим городам «своей» Донской области, под которыми уже не первый день шли упорные бои, калединские казаки подавили восстание. В уличных боях особенно отличилась Сводно-офицерская рота добровольцев, спешно переброшенная из Новочеркасска. Выучка и дисциплина, боевой дух первых белых офицеров сказали здесь едва ли не самое решающее слово.

Один из очевидцев тех ноябрьских боев за город Ростов так описывал ход событий:

«...Первый бой под Кизитеринкой оказался нерешительным.

Хотя добровольцы и продвинулись вперед под Нахичевань, но посланные совместно с ними казачьи части действовали вяло и неопределенно. Наступление прекратилось. Надо было хотя бы удержать занятые позиции, но это было очень трудно. Враг был впереди, но недрузья были и сзади; не раз свистели над добровольцами пули, летевшие со стороны казачьих частей.

Подвоза патронов не было, а на другой день добровольцы не получили даже пищи...

Ввиду бездействия казачьих частей противник наступал свободно, добровольцам угрожала гибель.

Отстреливаясь направо и налево, отряд в течение трех дней не сдает, однако, своих позиций и стойко отбивает атаки неприятеля.

Но вот засвистели пули и с тыла.

Обошли. Отступления нет.

«Умирать, так умирать с честью», — решили добровольцы и бросились в последнюю смертельную атаку на неприятеля.

Буря огня несется им навстречу. Не добежать до штыкового удара, все полягут.

Но вдруг огонь противника стихает; в цепях его видно какое-то смятение.

Бум, бум — слышится в тылу красных, и над их резервами рвутся шрапнели неизвестного происхождения.

Все в недоумении.

Добровольцы удваивают усилия.

Неприятель отступает, а потом обращается в паническое бегство. Добровольцы преследуют солдат по пятам и врываются в Ростов; но союзник их невидим, и лишь снаряды, летящие с Таганрогской дороги, свидетельствуют, что там стоит какая-то часть.

Между тем солдаты запасных полков, добежав до своих казарм, бросили оружие и объявили, что они сдаются...»

Один из крупнейших городов российского Юга Ростов был взят в первый декабрьский день. Впереди атакующих шел «блиндированный» поезд, вооруженный пулеметами. Их расчеты укрывались за штабелями шпал, которые и являлись «броней» этого первого, безымянного бронепоезда белых в Гражданской войне. Машинистами на паровозе были юнкера, знакомые с его управлением, поскольку настоящие машинисты сбежали.

Пять дней боев за Ростов обернулись для добровольцев при их малочисленности тяжелыми потерями почти в 150 человек. Список потерь со смертельным исходом насчитывал до 40 человек.

Так белыми в первый раз в Гражданской войне штурмом был взят город Ростов-на-Дону. Бой за него, исход которого долго был не ясен, решила воинская команда под начальством генерал-майора Генерального штаба А.М. Назарова, который командовал таганрогским гарнизоном. Он подоспел на помощь добровольцам с двумя полевыми пушками, прислугу которых составили несколько офицеров-артиллеристов, команда фельдшеро́в и таганрогские гимназисты.

По дороге из Таганрога в Ростов 2-я орудийная батарея калединцев обстреляла на реке Дон отряд судов Черноморского флота, который шел с десантом революционных моряков-севастопольцев на помощь восставшим рабочим и солдатам-запасникам. Метким огнем батареи одно судно было потоплено, остальные повернули назад, в сторону Азовского моря.

Отряд генерала Назарова, числом всего в 50 человек, подоспел к месту боя в самую его критическую минуту. Орудия раз-

вернулись в открытом поле и открыли прицельный огонь по защитникам Ростова, оказавшись у них в ближнем тылу. Беглый артиллерийский огонь и решил исход штурма.

Судьба генерал-майора Анатолия Михайловича Назарова сложилась трагично. 15 декабря 1917 года он становится походным атаманом Донского казачьего войска, ближайшим помощником Каледина. После самоубийства Каледина Большой войсковой круг 30 января 1918 года избрал генерала Назарова войсковым атаманом. Когда Донской фронт под натиском красных войск рухнул, Назаров отказался покинуть Новочеркасск с отрядом нового походного атамана генерала Попова. На заседании Войскового круга он мужественно встретил командующего донской Красной гвардии войскового старшину Голубова, обещавшего амнистию всем каледицам накануне захвата Новочеркаска. 18 февраля по приказу Голубова казачий генерал-майор Назаров был расстрелян. Согласно рассказам очевидцев, команду на расстрел войсковой атаман подал сам.

Войсковой старшина Голубов, инициатор массовых расстрелов без суда раненых в боях офицеров, не ушедших с добровольцами за Дон (расстрелы проводились в Нахичеваньской роще), не избежал кары за содеянное. Во время весеннего восстания донского казачества весной 1918 года во время митинга в одной из станиц он был застрелен студентом, братом расстрелянного Голубовым офицера...

Отношение атамана Каледина к добровольцам окончательно изменилось в самую лучшую сторону. Он оказался в двусмысленном положении. Казачество Дона в конце 1917 года в своем большинстве неодобрительно относилось к появлению на донской земле офицерской Алексеевской организации. С другой стороны, войсковой атаман видел в добровольцах реальную воинскую силу, верного союзника, который не покинет фронт против «совдепов» в трудные дни испытаний. Каледин понимал, что в складывающейся в области ситуации добровольцы становятся главной воинской силой Донского правительства.

Отпевание убитых при штурме Ростова юнкеров состоялось в новочеркасском соборе. Среди погибших оказались и донские казаки из Новочеркасского училища. Поэтому на похо-

ронах народу было много. Бывший Верховный главнокомандующий России генерал Алексеев произнес, как писали потом очевидцы, «исключительно сильную» речь. Обращаясь к лежащим в гробах добровольцам, он сказал:

— Орлята! Где были ваши орлы, когда вы умирали...

Эти слова укора прозвучали в адрес казаков-фронтовиков, которых в тот день оказалось много в войсковом соборе. Им тогда действительно стало не по себе, поскольку произнесенные хорошо известным генералом слова затрагивали их казачью честь...

Участник боев за Ростов юнкер Константиновского артиллерийского училища Виктор Ларионов, получивший тяжелое ранение, в своих эмигрантских мемуарах «Последние юнкера» писал о пребывании в новочеркасской «Больнице общества донских врачей»:

«...Добровольная сестра милосердия, дочь Верховного главнокомандующего генерала Алексеева, Клавдия Михайловна Алексеева, была моим ангелом-хранителем, дни и долгие вечера боролась она за мою жизнь. Всегда бодрая, энергичная, она не отступала перед трудностями жизни, и, глядя на нее, верилось в лучшее будущее и в конечную победу.

Ее младшая сестра, Вера Михайловна, такая же идейная и целеустремленная, готовая жертвовать всем для раненого, просиживала ночи над тяжелораненым юнкером Малькевичем, стараясь его спасти.

Третьей добровольной сестрой нашей палаты была дочь генерала Корнилова, Наталья Лавровна...

Довелось мне увидеть в лазарете и ... глубоко уважаемых мною людей. Посетил нашу палату бывший Верховный, начальник штаба государя, генерал Алексеев. Очевидно, дочери ему успели подробно рассказать о раненых, ибо он обращался к каждому как к знакомому, спрашивал о здоровье, о настроении, об училище.

Старый Верховный главнокомандующий российской армии производил огромное впечатление УМОМ, своим обращением, дружеской непринужденностью...»

Во второй половине ноября положение на Дону осложнилось и ухудшилось. Тысячи и тысячи дезертиров с фронтов Первой мировой войны ехали домой через область Войска Дон-

ского. На каждой железнодорожной станции они грабили обывателей, добывая себе пропитание. Железнодорожное начальство дезертиры под угрозой оружия принуждали отправлять первыми именно их поезда, не считаясь с установленным расписанием. Также они захватывали вагоны, паровозы и паровозные бригады.

Устоявшийся порядок жизни на тихом Дону рушился. У областного правительства и войскового атамана не было сил. Такой ситуацией воспользовались большевистские Советы, настраивавшие массу самовольно покидавших войну фронтовиков против «контрреволюционного» Дона и казачества в целом.

Атаман Каледин обратился за помощью к добровольцам. В тот же день генерал Алексеев распорядился выделить в распоряжение Донского правительства необходимое число добровольцев для несения патрульной службы на железнодорожных станциях области. Группами по пять и более человек, под командой казачьих офицеров, получив винтовки и патроны и по десять рублей суточных на десять дней, добровольцы отправлялись нести службу на самых различных узловых станциях. Причем атаман Каледин брал под контроль станции не только Дона, но и ближайшие к его границе.

Уже первые подобные командировки в «приграничье» показали, насколько они опасны. Добровольческим патрулям сразу же пришлось столкнуться в лучшем случае с «глухим» сопротивлением. Вооруженные дезертиры выкрикивали в адрес людей в офицерских погонах оскорбления, но до применения оружия дело не доходило. Пребывание на казачьей земле сдерживало буйные толпы беглецов с фронтов, «не позволяло» выплескивать буйство наружу.

Но так было далеко не на всех станциях. В Дебальцево патруль добровольцев с казачьим офицером так и не смог водворить порядок даже на вокзале. Более того, его под угрозой оружия вынудили покинуть станцию, где скопилось сразу несколько эшелонов с фронта, для которых требовались паровозы. Вслед «золотопогонникам» с железнодорожных путей стреляли.

На станции Иловайской добровольческий патруль, появившийся на перроне, едва не был растерзан толпой вооруженных дезертиров, в которой оказалось немало пьяных и озлобленных людей. Положение спас сотник Греков, который сле-

довал с фронта с командой кубанских казаков, имевших личное оружие. И хотя до кровопролития дело не дошло, людям в погонах пришлось покинуть Иловайскую.

После инцидента на Иловайской сотник Греков сформировал конный партизанский отряд, в который по своей воле вошли и люди из Алексеевской военной организации. Он подчинил его донскому войсковому атаману и стал наводить порядок на железной дороге. Грековские партизаны совершали налеты на станции окраин Донецкого угольного бассейна, где останавливались слишком буйные эшелоны с дезертирами. Порядок наводился силой оружия и реже угрозой его применения.

Вскоре забот у сотника Грекова, отряд которого отличался большой дерзостью, прибавилось. В районе каменноугольных шахт стали создаваться местные Советы рабочих депутатов, стоявшие на «большевистской платформе». В шахтерских городках и поселках появились красногвардейские, пока свои — местные отряды, еще разрозненные, без единого командования. Благо оружия повсюду в России имелось много: оно само просилось в руки. Белые партизаны повели войну с ними...

Посылка патрулей из добровольцев на железнодорожные станции Донской области продолжалась до января следующего года. Корнилов одобрил такую практику. Были случаи, когда командированные на станции офицеры и юнкера не возвращались в Новочеркасск, становясь жертвами конфликтов «с кровопролитием», которые все чаще разыгрывались на узловых станциях российского Юга, охваченных беспределом толп людей с оружием...

Подпольные антисоветские организации направляли на Дон все новых и новых добровольцев, хотя «просачиваться» по железным дорогам становилось все труднее. Поручик Бенедиктов из «декабрьского» пополнения так описывал свое прибытие в столицу Донского казачьего войска:

«Вечером, 5 декабря, я вышел из поезда на станции Новочеркасск. По рассказам и слухам, я представлял себе Новочеркасск вооруженным и переполненным юнкерами и офицерами лагерем. Я думал, что большинство членов Союза офицеров армии и флота пробрались уже в Новочеркасск. На вокзале действительно было много юнкеров и кадет.

После явки у коменданта станции мне и другим прибывшим дали провожатого. Был хороший, морозный зимний вечер. По колена в снегу мы подымались от вокзала на гору. Провинциальная тишина, от которой уже отвыкли наши уши. Триумфальная арка; направо огромный собор; Платовский бульвар с одиночными, мирно воркующими парочками. Давно забытая обстановка мирного времени. Не думали, вероятно, барышни, что их кавалеры через несколько дней сменят свои ученические шинели на чернецовские овчинные полушубки. На улицах была совершенно мирная обстановка, не соответствующая тому, что мы ожидали видеть.

Но вот мы пришли на Барочную, 36. Там мы сразу же увидели то, что соответствовало нашему представлению о добровольческом лагере. В дверях нас встретил довольно строгий часовой с Георгиевским крестом на шинели — добровольца Александрова, как потом оказалось. В вестибюле вывешены объявления с условиями принятия в Добровольческую организацию: 4 месяца службы; казарменное общее помещение, общее питание и жалование — 200 рублей офицерам, рядовым соответственно меньше.

Представление дежурному офицеру; предъявление документов, у кого они были; краткий допрос и... любезное приглашение пользоваться тем, что есть, до утра. Кружка чая и кусок хлеба в столовой, где на столах уже расположились прежде прибывшие.

После нескольких суток сидячей, стоячей, ходячей жизни, среди кошмара, через который пришлось переехать, — наслаждением было растянуться на столе в спокойном сознании, что я — у себя дома.

Холодно было утром вставать по раздавшейся команде, но хорошо, бодро чувствовалось. Воинский дух, дисциплина, сознание чувства долга, готовность ко всему...

Утром начался прием в бюро записи в организацию. Довольно просторная анкета; среди вопросов были такие: в каком состоянии находился фронт к моменту вашего его оставления и — цель приезда в Новочеркасск? На последний вопрос все давали один ответ:

«Для активной борьбы с большевиками».

Мой явочный номер был — 1801. Меня поразила малочисленность нашей организации. Затем вновь прибывшие по-

лучили назначение: 5-я особая офицерская рота — Грушевская, 23.

Перед отправкой на Грушевскую мне предложили побыть некоторое время при входе для дачи объяснений вновь прибывающим. Я уже видел, что движение имеет хороших руководителей, повинующихся долгу и чести. Я убедился воочию, что налаживается дело надежными и чистыми руками.

Затем все записавшиеся явились в роту, представились ее командиру, капитану Некрашевичу, его помощнику капитану Наинскому, фельдфебелю роты штабс-капитана Козыра; своим взводным командирам. От «протирки», бравого портупейюнкера Козлова, принимавшего участие в защите Зимнего дворца, получили винтовки и по 5 патронов.

У нас в роте большей частью были фронтовые офицеры, но немало было людей, случайно оказавшихся военными...»

6 декабря в Новочеркасск прибыл переодетый в простого мужика, беженца из Румынии, генерал Корнилов. Из последних «быховских узников» путь на Дон для него оказался самым тернистым и долгим. Для добровольцев приезд «народного героя» стал настоящим событием.

После получения такого сообщения в красном Петрограде забили тревогу. Там поняли, что на казачьем Дону собирается главная антибольшевистская сила. А не на Волге или в Сибири, хотя и там противники советской власти взялись за оружие, действуя все более организованно, а на российском Юге...

После прибытия генерала Корнилова стало ясно, что между Алексеевым и Корниловым существуют противоречия. По своему характеру они мало подходили друг к другу. Тот и другой, имея за плечами опыт Верховного главнокомандования в Первой мировой войне, оба были готовы возглавить Белое движение. Закрытые совещания генералов и оказавшихся в Новочеркасске общественных деятелей из столиц, думских политиков (атаман А.М. Каледин на них не присутствовал) только обострило эту проблему.

Антон Иванович Деникин в мемуарах «Борьба генерала Корнилова» писал о тех днях, когда решался вопрос о командовании Добровольческой армией:

«...Когда мы (быховские узники. — А.Ш.) съехались в Новочеркасске, там много изменилось.

Каледин признал окончательно необходимость совместной борьбы и не возбуждал более вопроса об уходе с Дона Добровольческой армии, считая ее теперь уже единственной опорой против большевизма.

6 декабря приехал Корнилов, с нетерпением ожидавшийся всеми. После первого свидания его с Алексеевым стало ясно, что совместная работа их, вследствие взаимного предубеждения друг против друга, будет очень нелегкой. О чем они говорили, я не знаю, но приближенные вынесли впечатление, что «расстались они темнее тучи»...

В Новочеркасске уже образовалась «политическая кухня», в чаду которой наезжие деятели сводили старые счета, намечали новые вехи и создавали атмосферу взаимной отчужденности и непонимания совершавшихся на Дону событий. Собрались и лица, игравшие злосчастную роль в Корниловском выступлении. Б. Савинков с безграничной настойчивостью, но вначале безуспешно добивался приема у генералов Алексеева и Корнилова...

Завойко я уже не застал. Он вызвал всеобщее недоумение монополией сбора пожертвований и плел какую-то нелепейшую интригу с целью свержения Каледина и избрания на должность Донского атамана... генерала Корнилова. Ознакомившись с его деятельностью, Корнилов приказал ему в 24 часа покинуть Новочеркасск.

Приехали и представители «Московского центра». Организация эта осенью 1917 года образовалась в Москве из представителей кадетской партии, совета общественных организаций, торгово-промышленников и других буржуазно-либеральных и консервативных кругов. Первоначально были присланы делегатами М.М. Федоров и А.С. Белецкий и еще двое. Позднее из этих лиц остался при Добровольческой армии только М.М. Федоров, а остальных заменили князь Г.Н. Трубецкой, П.Б. Струве и А.С. Хрипунов.

Пригласив к себе на конспиративную квартиру генерала Алексеева, делегация обратилась к нему с глубоко прочувствованным словом, растрогавшим генерала. Задачу делегации Федоров в общих чертах определил так:

«Служить связью Добровольческой организации с Москвой и остальной общественной Россией, всемерно помогать генералу Алексееву в его благородном и национальном подвиге своим знанием, опытом, связями; предоставить себя и тех лиц, которые могли быть для этого вызваны, в распоряжение генерала Алексеева для создания рабочего аппарата гражданского управления при армии...»

У Алексеева появились, таким образом, надежды расширить значительно масштаб Добровольческой организации — надежды, весьма скоро обманувшие его.

18 декабря состоялось первое большое совещание московских деятелей и генералитета. Предстояло решить основной вопрос существования, управления и единства Алексеевской организации. По существу, весь вопрос сводился к определению роли и взаимоотношений двух генералов — Алексеева и Корнилова. И общественные деятели, и мы были заинтересованы в сохранении их обоих в интересах армии. Ее хрупкий еще организм не выдержал бы удаления кого-нибудь из них: в первом случае (уход Алексеева) армия раскололась бы, во втором — она бы развалилась. Между тем обоим в узких рамках только что начинавшегося дела было, очевидно, слишком тесно.

Произошла тяжелая сцена. Корнилов требовал полной власти над армией, не считая возможным иначе управлять ею и заявив, что в противном случае он оставит Дон и переедет в Сибирь; Алексееву, по-видимому, трудно было отказаться от прямого участия в деле, созданном его руками. Краткие, нервные реплики их перемешивались с речами общественных деятелей (в особенности страстно реагировал Федоров), которые говорили о самопожертвовании и о государственной необходимости соглашения...

После второго заседания оно как будто состоялось: вся военная власть переходила к Корнилову. Недоразумения начались вновь при приеме Алексеевской организации, когда выяснилась полная материальная необеспеченность армии не только в будущем, но даже и в текущих потребностях. Корнилов опять отказался от командования армией, но после новых уговоров было достигнуто соглашение.

На Рождество был объявлен секретный приказ о вступлении генерала от инфантерии Лавра Георгиевича Корнилова в

командование армией, которая с этого дня стала именоваться официально Добровольческой. Командовать ему ее судьбой было отведено всего три месяца.

Предстояло разрешить еще один важный вопрос — о существе и формах органа, возглавляющего все движение. Принимая во внимание взаимоотношения генералов Алексеева и Корнилова и привходящие интересы Дона, форма «верховой власти» естественно определялась в форме «триумvirата» Алексеев — Корнилов — Каледин.

Так как территория, подведомственная «триумvirату», не была установлена, а мыслилась в пределах стратегического влияния Добровольческой армии, то «триумvirат» представлял из себя в скрытом виде первое общерусское антибольшевистское правительство. В таком эмбриональном состоянии оно просуществовало в течение месяца, до смерти Каледина.

Конституция новой власти все еще обсуждалась и грозила внести новые трения в налаживающиеся с таким трудом отношения. Поэтому я набросал проект конституции приблизительно по следующей схеме:

1. Генералу Алексееву — гражданское управление, внешние сношения и финансы.
2. Генералу Корнилову — власть военная.
3. Генералу Каледину — управление Донской областью.
4. Верховная власть — «триумvirат». Он разрешает все вопросы государственного значения, причем в заседаниях председательствует тот из триумvirов, чьего ведения вопрос обсуждается...»

Так первым командующим белой Добровольческой армии стал генерал Корнилов.

Корнилов сам выбрал себе помощника на должность начальника штаба армии. Его предложение без всяких на то раздумий принял генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский, пользовавшийся доверием Корнилова.

На совещании генералитета (Корнилов, Алексеев, Лукомский, Деникин, Романовский и Марков) была выработана задача дня: создать мощную вооруженную силу Белого движения, «чтобы этим путем остановить потоп, заливающий» казачьи области юга России «с севера».

Цели, которые преследовала Добровольческая армия, впервые были обнародованы ее штабом 27 декабря 1917 года:

1. Создание «организованной военной силы, которая могла бы быть противопоставлена надвигающейся анархии и немецко-большевистскому нашествию. Добровольческое движение должно быть всеобщим. Снова, как в старину, 300 лет тому назад, вся Россия должна подняться всенародным ополчением на защиту своих оскверненных святынь и своих поправленных прав».

2. «Первая непосредственная цель Добровольческой армии — противостоять вооруженному нападению на юг и юго-восток России. Рука об руку с доблестным казачеством, по первому призыву его круга, его правительства и войскового атамана, в союзе с областями и народами России, восставшими против немецко-большевистского ига, — все русские люди, собравшиеся на юге со всех концов нашей Родины, будут защищать до последней капли крови самостоятельность областей, давших им приют и являющихся последним оплотом русской независимости, последней надеждой на восстановление свободной Великой России.

3. Но рядом с этой целью другая ставится Добровольческой армии. Армия эта должна быть той действенной силой, которая даст возможность русским гражданам осуществить дело государственного строительства свободной России.

Новая армия должна стать на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли русской — ее народ — выявит через посредство избранного Учредительного собрания державную волю свою. Перед волей этой должны преклониться все классы, партии и отдельные группы населения. Ей одной будет служить создаваемая армия, и все участвующие в ее образовании будут беспрекословно подчиняться законной власти, поставленной этим Учредительным собранием».

В заключение воззвания командование Добровольческой армией призывало «встать в ряды Российской рати... всех, кому дорога многострадальная Родина, чья душа истомилась к ней сыновней болью».

В числе людей, имевших непосредственное отношение к этому воззванию, был один из ближайших единомышленников Корнилова — начальник его штаба генерал-лейтенант А.И. Деникин, написавший в своих мемуарах:

«Отозвались... офицеры, юнкера, учащаяся молодежь и очень, очень мало прочих «городских и земских» русских людей. «Всенародного ополчения» не вышло. В силу создавшихся условий комплектования армия в самом зародыше своем таила глубокий органический недостаток, приобретающий характер классовый. Нет нужды говорить, что руководители ее вышли из народа, что офицерство в массе своей было демократично, что все движение было чуждо социальным элементам борьбы, что официальный символ веры армии носил все признаки государственности, демократичности и доброжелательства к местным областным образованиям...

Печать классового отбора легла на армию прочно и давала повод недоброжелателям возбуждать против нее в народной массе недоверие и опасения и противопоставлять ее цели народным интересам.

Было ясно, что при таких условиях Добровольческая армия выполнить свои задачи в общероссийском масштабе не может. Но оставалась надежда, что она в состоянии будет сдерживать напор неорганизованного пока большевизма и тем даст время окрепнуть здоровой общественности и народному самосознанию, что ее крепкое ядро со временем соединит вокруг себя пока еще инертные или даже враждебные народные силы.

Лично для меня было и осталось непререкаемым одно весьма важное положение, вытекающее из психологии октябрьского переворота. Если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и преступления большевистской власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую родину, это был бы не народ, а навоз для удобрения беспредельных полей старого континента, обреченных на колонизацию пришельцев с Запада и Востока.

К счастью, мы принадлежим к замученному, но великому русскому народу».

Глава 13

ПЕРВЫЕ БОИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ. ДОНСКОЙ ТРИУМВИРАТ

В середине декабря создается Донской гражданский совет, или, как его еще называли, Всероссийское правительство. Его возглавили три генерала — М.В. Алексеев, Л.Г. Корнилов и А.М. Каледин. Это был, по сути дела, триумvirат — первое в годы Гражданской войны антибольшевистское правительство.

В Гражданский совет на правах «рядовых» членов вошли М. Федоров, князь Г. Трубецкой, П. Струве, П. Милюков и... известный террорист-«бомбист» Борис Савинков, ближайший соратник министра-председателя и социалиста Керенского, недавний управляющий Военным министерством России.

Его появление в Новочеркасске оказалась для многих белых деятелей большой неожиданностью. А когда Савинков ультимативно поставил вопрос о своем участии в Донском гражданском совете, то ему было сказано, что один раз он уже сыграл отрицательную роль в «корниловском выступлении». Генерал-майор И.П. Романовский по-дружески посоветовал ему:

— Уезжайте отсюда безотлагательно... Здесь ваши враги сильнее ваших друзей...

Объявившись в столице Дона, Савинков нанес визит вежливости войсковому атаману А.М. Каледину. Разговор у них шел без свидетелей и, по всей вероятности, не сложился. Кажется, генерал к людям, подобным Борису Савинкову, симпатии не испытывал, считая их прямыми виновниками всех бед России.

После посещения атаманского дворца Савинков отправился на Барачную улицу, в офицерское общежитие. С непод-

дельным интересом он смотрел, как на улице строились по-ротно добровольцы, «блистая выправкой и духом». Все добровольцы были в новых, хотя и залежавшихся на новочеркасских войсковых складах неофицерских шинелях, при погонах.

Дежурный по общежитию поручик из гвардейцев, косо глядявая на известную ему личность эсера-боевика, все же без лишних слов проводил гостя к генералу Алексееву. «Бомбист» чувствовал неприязнь к себе, однако это не остановило его в поисках союзников в борьбе с большевиками.

На следующий день Алексеев и атаман Каледин обратились к генералу Корнилову с предложением о сотрудничестве с Савинковым и теми силами, которые стояли за ним. Сначала генерал Корнилов ответил категорическим отказом: он не без оснований считал известного террориста одним из главных виновников неудачи «корниловского мятежа».

Генералу Алексееву и донскому атаману Каледину стоило немалых трудов уговорить командующего белой Добровольческой армией согласиться с их предложением.

Члены триумvirата решили создать при генерале Алексееве политическое совещание. В его состав вошли: Алексеев (председатель), Корнилов, Каледин, Деникин, Лукомский, Романовский, Струве, Милюков, князь Григорий Трубецкой, Федоров и Савинков. Из одиннадцати человек шесть носили генеральские погоны. Остальные были известными в России общественными деятелями.

Генерал Деникин категорически отказался участвовать в работе политического совещания. За все короткое время его существования Антон Иванович ни на одно заседание так и не приходил.

Борис Савинков настоял на том, чтобы в политический совет были введены его люди. Речь шла о трех социалистах: бывшем политическом комиссаре Временного правительства в 8-й армии Юго-Западного фронта Вензягольском, «донском демагоге» Агееве и председателе крестьянского съезда, бывшем ссыльном и эмигранте Мазуренко.

Политический совет не просуществовал и месяца. После переезда штаба Добровольческой армии в Ростов, он перестал функционировать.

Генерал-лейтенант Деникин так охарактеризовал «новочеркасское участие» Бориса Савинкова в формировании Добровольческой армии:

«Участие Савинкова и его группы не дало армии ни одного солдата, ни одного рубля и не вернуло на стезю государственности ни одного донского казака, вызвало лишь недоумение в офицерской среде...»

Экс-террориста еще при жизни обвиняли в том, что своими действиями против советской власти он принес Белому движению только вред. А.И. Деникин в писал о Борисе Савинкове:

«Удостоверение за подписью Алексеева открывало ему новые возможности. Его именем он начал собирать офицерство, расплывая наши силы, и организовывать восстания, которые были скоро и кроваво подавлены большевиками».

Первую половину января 1918 года генерал М.В. Алексеев, по поручению командующего армией, готовил «Воззвание к народам Юга и Юго-Востока России», в котором разъяснялись цели и организационные основы белой Добровольческой армии. В воззвании было заявлено, что создаваемая на казачьем Дону армия есть:

«...Организованная военная сила, способная противостоять надвигающейся анархии и немецко-большевистскому нашествию.

Первая непосредственная цель Добровольческой армии — противостоять рука об руку с доблестным казачеством вооруженному нападению на Юг и Юго-Восток России. Все русские люди, собравшиеся здесь со всех концов нашей Родины, должны защищать до последней капли крови самостоятельность областей, давших им приют и являющихся последним оплотом русской независимости, последней надеждой на восстановление Свободной Великой России...»

Автор воззвания писал дальше о патриотическом долге всех сынов российского Отечества. Они должны:

«...Встать на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли русской — ее народ — выявит через посредство избранного Учредительного собрания свою державную волю, перед которой должны преклониться все классы, партии и отдельные группы населения. Ей одной будет слу-

жить создаваемая армия, все участвующие в ее образовании будут беспрекословно подчиняться законной власти, поставленной этим Учредительным собранием...»

«Воззвание к народам Юга и Юго-Востока России» заканчивалось призывом ко всем, кто исповедовал верность Свободной Великой России, считать своим долгом: «...Встать в ряды Российской рати...»

Командование Добровольческой армии призывало к оружию «всех, кому дорога многострадальная Родина, чья душа истомилась к ней сыновней болью».

...Заканчивался 1917 год. Формирование Добровольческой армии шло медленно. Красноармейские заставы все более умело вели «чистку» железнодорожных составов, которые направлялись на юг, прежде всего в Донскую область. Выявленных при проверке документов офицеров и юнкеров зачастую расстреливали на месте, прямо на железнодорожных станциях. Далеко не всем добровольцам удавалось пробираться в Новочеркасск.

Были и исключения. Порой прибывали большие группы. Удивительные организаторские способности проявила Мария Антоновна Нестерович, по мужу Берг (Нестерович-Берг), одна из самых замечательных женщин — участниц Белого движения, член подпольной Алексеевской военной организации. В октябре — декабре 1917 года она вывезла из Москвы, в которой только-только закончились ожесточенные бои, на Дон и в Оренбург, где власть находилась в руках войскового атамана генерал-лейтенанта А.И. Дутова, более двух с половиной тысяч офицеров и юнкеров. В мае 1918 года она занималась созданием русских офицерских добровольческих дружин в Киеве. В рядах Добровольческой армии — с декабря 1916 года.

В 1914 году 18-летней девушкой Мария Нестерович пошла добровольцем на фронт Первой мировой войны. В одном из боев сестра милосердия попала в неприятельский плен.

После возвращения из плена сестра милосердия-фронтвничка работала в московском отделении комитета «Союза бежавших из плена», созданного не правительством, а солдатами. Нестерович-Берг пользовалась в комитете огромным влиянием и по его документам смогла переправить из Москвы в

Донскую и Оренбургскую казачьи области большое число бе-логвардейцев, участников боев с Красной Гвардией в столице.

Работа Марии Нестерович была связана с риском. В день сдачи Александровского военного училища, которое являлось оплотом антибольшевистских сил во время октябрьских боев в Москве, к ней за помощью обратились 32 офицера и несколько юнкеров. Они просили ее помочь им выехать из Москвы в казачьи области. Сестра милосердия сразу же взялась за дело.

Прибыв в комитет «Союза бежавших из плена», она ознакомила солдат-комитетчиков с «планом работы». В тот же день было устроено заседание комитета, и белые офицеры, переодетые нижними чинами, получили документы бывших плен-ных, подписанные председателем комитета Крыловым.

Нестерович была откровенна с фронтовиками-комитетчи-ками, многие из которых участвовали в боях на стороне бе-лых. Мария Антоновна заявила солдатам:

— Дорогие мои, я хочу быть вполне откровенной. Ведь у меня с вами была одна цель — помочь оставшимся в плену. Вам известно, что с первого дня войны, — мне было восем-надцать лет, — я уехала на фронт и служила вам. Многие из вас знают, сколько из-за вас я выстрадала в плену и как на вас же продолжала работать, освободившись из плена. Вы помните, что я застала в комитете, и видите — что оставляю, уходя из него. А уйти необходимо. С болью покидаю вас, но теперь мой долг — помочь несчастным офицерам и их се-мьям.

Когда Мария Нестерович закончила, солдаты-комитетчи-ки долго молчали. Трудно было сделать выбор: на чью сторо-ну встать? Первым заговорил председатель комитета Крылов:

— Мария Антоновна! Неужели вы нас считаете такими же подлецами, как тех, что с красным бантом ходят? Неужели мы не заслужили вашего доверия и тех офицеров, с которыми дра-лись против большевиков? Рассчитывайте на нас — все сде-лаем, что вы скажете, и пойдем, куда скажете.

В тот же день на бланках комитета «Союза бежавших из плена» были оформлены проездные документы на двести че-ловек. Вечером 142 человека поездом отправились в сторону Новочеркасска. Ехали они с разных московских вокзалов

«врассыпную». От Нестерович каждый отъезжающий получил на дорогу по сто рублей.

Сама Мария Нестерович в 1917 и 1918 годах совершила несколько поездок на Дон и в Оренбург, сопровождая группы добровольцев, которые уезжали из Москвы по подложным документам. Ей не раз приходилось спасать офицеров от верной гибели.

Работой комитета «Союза бежавших из плена» интересовались не только атаманы Дутов и Каледин, но и генералы Корнилов и Алексеев. Для них фронтовая сестра милосердия служила не только источником достоверной информации, но и курьером. Подыскать более надежного связника было трудно.

Показываясь в Москве, Мария Нестерович наносила «визиты вежливости» богатейшим людям первопрестольной русской столицы с одной-единственной просьбой: помочь деньгами Добровольческой армии. Такие финансисты и промышленники, как братья Гучковы и Оловянишников, ей не отказывали. А Гучковы сделали Белому движению даже весомый подарок. Они сумели отправить на Дон прекрасно оборудованный фронтовой санитарный поезд с медперсоналом и солидными запасами медикаментов и перевязочных материалов.

Миновав все красногвардейские заставы, «Санитарный поезд императрицы Александры Федоровны» благополучно прибыл из Могилева в Новочеркасск. Медики и казачьего Войска Донского, и Добровольческой армии получили благодаря одному из братьев Гучковых значительную помощь.

После Оловянишникова и Гучкова связная командования Добровольческой армии посетила немало московских толстосумов из числа банкиров и промышленников. Большинство из них в помощи не отказывали, но денег давали мало. Так, граф Дмитрий Адамович Олсуфьев передал три тысячи рублей. Состоятельнейший Второв — десять тысяч.

Большая часть собранных денег пошла на отправку новых партий офицеров и юнкеров в Новочеркасск и в кассу Добровольческой армии. Посильная денежная помощь была оказана семьям тех добровольцев, которые уже находились на Дону.

Нестерович действовала, на удивление, успешно. Так, 14 ноября 1917 года в Новочеркасск и Оренбург ею было отправле-

но «врассыпную» 297 человек. Она сама сопровождала тех, кто убывал на Дон. Под платьем она везла шесть браунингов и мешочек патронов к ним, письма от офицерских семей. Патроны для браунингов стали подарком офицерам Георгиевского батальона. У них такое оружие было, но не было патронов к нему...

В один из приездов в Новочеркасск командир Георгиевского батальона (составленного из кадров 1-го запасного Георгиевского полка, который так и не успел сформироваться в Киеве) полковник Иван Касианович Кириенко приподнес Марии Антоновне стихи:

— Это лично вам. Найдены в документах погибшего поручика Тимофеева из моего батальона. Читайте...

Нестерович стала читать тетрадный лист бумаги, исписанный чернильным карандашом:

«Посвящаю дорогой сестре М.А. Нестерович».

Долины залиты братской кровью,
Вся русская стонет земля...
Тогда к вам с сердечной любовью
На помощь сестрица пришла.
Жалея солдат, изнуренных походом,
Израненных в тяжком бою,
Посвятила сестрица Мария заботам
Всю добрую душу свою...

...Зимой поток желающих сражаться под знаменами Белого движения не иссякал. В среднем за день приезжали в Новочеркасск и записывались в ряды белой армии 75—80 добровольцев. Генералов-единомышленников Алексеева и Корнилова при такой малочисленности пополнения утешало то обстоятельство, что это были дисциплинированные бойцы, на которых можно положиться в самом трудном деле и которых не надо было гнать в бой, уговаривать и агитировать. Грозить добровольцам карами перед боем тоже не приходилось. В атаку они поднимались по первому же приказу. В своем подавляющем большинстве добровольцы были профессионалами.

Нижних чинов их числа фронтовиков прибывало мало. В самом начале 1918 года белую армию пополняли моло-

дые офицеры, юнкера, студенты, кадеты и гимназисты старших классов. Многих тянула «романтика» начинавшейся Гражданской войны.

Сложность формирования Добровольческой армии состояла и в другом. Винтовок, огнестрельных припасов, обмундирования, обуви и другого снаряжения на войсковых складах Дона почти не оставалось. Хуже всего было с орудиями и снарядами к ним.

Оружие и патроны для добровольцев добывали как только могли: отбирали у проходивших через Ростов и Новочеркасск воинских эшелонов, едущих с фронта «по домам», покупали и меняли на продукты питания через скупщиков в железнодорожных поездах, проходивших через область Войска Донского.

Для захвата оружия у красных стали посылать небольшие отряды в соседнюю Ставропольскую губернию. На ее территории в начале 1918 года стали сосредоточиваться большевистски настроенные воинские части, которые прибывали сюда с развалившегося Кавказского фронта.

Новочеркасск оказался на российском Юге едва ли не единственным центром, где создавались добровольческие формирования. Правда, такие же добровольческие части появились и на Кубани, в ее столице Екатеринодаре. Но они предназначались главным образом для защиты города от войск красных. Те стали угрожать Екатеринодару со стороны Тихорецкой, важного узла железных дорог, и портового Новороссийска, в котором «властвовали» революционные моряки Черноморского флота, пришедшие сюда на кораблях из Севастополя.

У атамана А.М. Каледина формирование полков, отдельных сотен и конно-артиллерийских батарей белоказачьей Донской армии подвигалось плохо. Это беспокоило генералов Корнилова и Алексеева: создаваемая ими армия самостоятельной грозной силы собой еще не представляла. А время работало против белых.

Русский фронт прекращал свое существование. Прибывавшие на Дон казачьи части в своем большинстве воевать не хотели. Казаки стремились поскорее разъехаться по станицам и хуторам, возвратиться к своим семьям, которых не видели несколько лет.

Во многих станицах, особенно на Верхнем Дону, классовая борьба приняла самый ожесточенный характер. При этом стороны были круты на расправу друг с другом, брались за винтовки и шашки.

Для борьбы с красными войсковой атаман Каледин формировал добровольческие, так называемые «партизанские» отряды, в которые охотно шли казацкие офицеры, донские юнкера и гимназисты. Но среди командиров таких «летучих» отрядов оказалось немало авантюристов, поощрявших грабежи местного населения.

Но были среди калединцев и такие командиры белых «партизан», которые оказались, как говорится, на своем месте. В боях с красными отрядами на границах Донской области отличались войсковой старшина Иммануил Семилетов и бесстрашный есаул Чернецов, прозванный за свои молодецкие набеги «белым дьяволом».

Фигура Василия Чернецова, родом из станицы Усть-Белокалитвинской, была характерна для белого казачества начального периода Гражданской войны на Дону. После окончания Новочеркасского казачьего юнкерского училища Чернецов попал на Первую мировую войну. Осенью 1915 года он стал сотником 26-го Донского казачьего полка из 4-й Донской казачьей дивизии. Был организатором и командиром сводной партизанской сотни при штабе этой дивизии или, говоря более современным языком, — конного разведывательно-диверсионного отряда.

В начале 1917 года после очередного ранения есаула Василия Чернецова эвакуировали для лечения на родной ему Дон. После выздоровления был назначен военным комендантом на Макеевские угольные рудники. Там и застал боевого фронтового офицера Октябрь. Уже в конце ноября Чернецов сформировал на Дону один из первых партизанских отрядов для борьбы с Советами.

Первоначально отряд насчитывал около 250 человек. Это были офицеры-добровольцы, преимущественно из казаков, а также учащаяся молодежь. Особенно большое пополнение в чернецовский отряд дала Новочеркасская имени атамана Платова гимназия. Ее старшие классы почти поголовно записались в белые «партизаны».

В декабре партизанский отряд есаула Чернецова совершил первый рейд в соседний Донецкий каменноугольный бассейн, где он вел бои против отрядов Красной Гвардии, беспощадно расправляясь с местными большевиками. После возвращения в Новочеркасск отряд был переформирован, и в него влилась пулеметная команда 17-го Донского казачьего полка. В последних числах декабря 1917 года чернецовцы захватили узловую железнодорожную станцию Дебальцево.

Произведенный Донским войсковым кругом сразу в полковники, Чернецов свои набеги на территорию Донецкого угольного бассейна совершал из Новочеркаска. Получив сведения, что на такой-то железнодорожной станции появился красногвардейский отряд или мародерствующие дезертиры с фронта, он спешил туда. В тот же день бойцы его отряда, получив винтовки и патроны и взяв из дома пропитание на несколько дней, грузились в теплушки, и «партизанский» поезд с новочеркасского вокзала отправлялся в бой.

Не доезжая до нужного места версту или две, чернецовцы выгружались из теплушек, разворачивались в цепь и штурмовали железнодорожную станцию. В таких набегах партизан полковника Чернецова поддерживали оружейные расчеты юнкеров-добровольцев из петроградских Константиновского и Михайловского училищ, выполняя боевые приказы сперва генерала Алексеева, а затем командующего белой армией Корнилова. Вскоре войсковым атаманом Чернецову с его отрядом поручается «держат» Донской фронт в районе железнодорожных станций Лихая — Каменская.

В те дни не менее известным стал и партизанский отряд кубанского сотника Грекова, который сформировался как отдельная воинская часть в Новочеркасске, на улице Барачной, дом 36. Отряд состоял из 65 семинаристов, 5 девушек-гимназисток и трех лиц начальствующего состава: самого сотника по прозвищу «белый дьявол», начальника подрывной команды подпоручика Гернберга и урядника Егорова, недавнего студента-вольноопределяющегося. Перед оставлением Ростова грековский партизанский отряд вырос до 150 штыков и сабель.

Начальный период Гражданской войны часто называют «эшелонной войной». Это было действительно так. Отряды

противоборствующих сил были сильно привязаны к железным дорогам. Они наступали и отступали эшелонами, которые становились для них не только средством передвижения, но и основной тыловой базой.

Обычно белые или красные на поездах подъезжали к железнодорожной станции, которая находилась в руках противника, и высаживались. После этого следовала перестрелка и обычно атака станции. В случае неудачи атакующие усаживались снова в вагоны и уезжали обратно, на «свою» станцию. Иногда воинские отряды передвигались даже в пассажирских поездах, так как движение поездов в начале 1918 года через призрачную линию фронта еще не прекращалось...

Формирование Добровольческой армии затрудняло отсутствие денег. Частные пожертвования на месте, доставка собираемых средств из Москвы не решали проблемы. Тогда генералы Алексеев и Корнилов договорились с донским атаманом и представителями Государственного банка на Юге о том, что они возьмут из местных банковских отделений и ростовского казначейства тридцать миллионов рублей.

Половина этой суммы пошла на нужды формирующейся Донской армии, другая досталась Добровольческой армии, тоже находившейся на стадии формирования. Так рачительный и экономный М.В. Алексеев, «помощник командующего и по финансовой части» оказался «обладателем» пятнадцати миллионов рублей.

Донской триумвират решил печатать новые денежные знаки при ростовском отделении Государственного банка. Была создана «экспедиция заготовления денежных знаков». Но «денежное» дело дальше рисунков не пошло. Установили печатные машины и изготовили клише только к середине февраля 1918 года, когда неблагоприятная обстановка вынудила Добровольческую армию оставить Ростов и двинуться в поход на Кубань.

В самом конце декабря «объявились» союзники России по Антанте. В Новочеркасск из Москвы прибыли представители военных миссий Великобритании и Франции. Они интересовались ходом формирования Добровольческой армии, бойцы которой открыто говорили о своем союзническом долге перед Антантой. Корнилов и его единомышленники осуждали сепар-

ратный мир с Германией и считали, что Россия должна быть среди победителей в Великой войне.

Союзники пообещали командованию белой армии помощь пока только деньгами. Договорились, что сумма в сто миллионов рублей будет передаваться генералу Корнилову по десять миллионов в месяц, начиная с января 1918 года. Однако из-за развернувшихся боев получить эти деньги от Антанты белые добровольцы не смогли.

К середине января Добровольческая армия насчитывала около пяти тысяч человек. Она была слабо вооруженной и снаряженной, но сильной в моральном отношении, дисциплинированной.

На Дон прибыл, не растеряв своего оружия, Славянский ударный полк, которому вернули его прежнее название — Корниловский ударный. Вместе с полковым командиром Митрофаном Осиповичем Неженцевым в Новочеркасск «просочились» полтысячи нижних чинов и полсотни офицеров. Почти все они были георгиевскими кавалерами. Капитан Генерального штаба Неженцев пользовался большой любовью генерала Л.Г. Корнилова еще тогда, когда был начальником разведывательного отделения штаба его 8-й армии.

В «Истории Корниловского ударного полка», увидевшей свет в 1936 году в Париже, рассказывается о том, как ударники-фронтовики собирали вновь свои полковые ряды:

«В душе корниловцев горела любовь к России, вера в Корнилова и верность своему Корниловскому полку.

Это настроение у офицеров подверглось испытанию еще в Новочеркасске. Офицеры приезжали в свой полк и почти все становились на положение рядовых в офицерской роте. «Произвели нас в командиры отдельных винтовок», — как они сами шутили над собою.

Прапорщик Сорокин заносит в свой дневник:

«21 января 1921 г. Командир полка полковник Неженцев меня предупредил, что должностей у него нет, и я должен буду служить рядовым. Я сказал, что, поступая в Добровольческую армию, я не думал о том, какую займу должность, я думал лишь о России»...

Теперь в состав армии кроме Корниловского ударного полка входили Офицерский, Юнкерский и Георгиевский батальоны,

четыре артиллерийские батареи, инженерная рота, офицерский кавалерийский эскадрон и рота гвардейских офицеров, морская рота, дивизион смерти Кавказской дивизии, несколько партизанских отрядов, другие части. Из учащейся молодежи Ростова формировался Ростовский добровольческий полк. Но эти формирования не являлись постоянными: они то и дело переформировывались, сливались в более крупные части, возникали новые.

Структура Добровольческой армии во время ее пребывания на Дону постоянно менялась. Роты превращались в батальоны. Создавались новые отряды, которые часто назывались по именам своих командиров. Численность рот, батальонов и полков была различной. И почти никогда не «дотягивала» до штатов старой русской армии военного времени.

Вскоре добровольцы получили отличительный знак новой русской армии. Это был нашиваемый на рукав угол из трех лейт национальных цветов — белого, синего и красного — ушедшей в историю старой России.

Когда новочеркасские склады Донского казачьего войска стали пустеть, вопрос с вооружением добровольческих частей стал остро. Генералы Алексеев и Корнилов так наставляли командиров добровольческих отрядов:

— Вам в части вооружения разрешаем все. Оружие для своих бойцов добывайте любыми известными способами. Покупайте, отбивайте, выпрашивайте...

Первые два артиллерийских орудия Добровольческой армии были «добыты» в ставропольском селе Лежанка, где стояла одна из батарей артиллерийской бригады 39-й пехотной дивизии, самовольно ушедшей с Турецкого фронта. План налета был составлен лично бывшим Верховным главнокомандующим России генералом Алексеевым, который всего несколько месяцев тому назад разрабатывал стратегические операции на Русском фронте Первой мировой войны.

Руководство операцией поручалось лейтенанту Евгению Герасимову, инженер-механику Балтийского флота, будущему начальнику белоказачьей Донской флотилии, происходившему из казаков всевеликого Войска Донского. Кандидатура его для проведения такого рискованного дела оказалась как нельзя лучшей.

В налете участвовали 32 офицера, юнкера и вахмистр княжна Черкасская, которая выступала в роли разведчицы. Отряд добровольцев по приказу донского атамана конвоировал обоз с оружием из новочеркасского арсенала в станицу Великокняжескую для местных казаков-каледиинцев.

Остановившись в семи верстах от Лежанки, добровольцы разведали местонахождение батареи. Налет был совершен удачно глубокой ночью, не вызвав тревоги в селе. Лишь под утро хватились пропажи двух полевых орудий образца 1900 года, четырех зарядных ящиков, телефонной двуколки и нескольких подвод с пятью сотнями артиллерийских снарядов и прочим военным имуществом.

Ездовыми стали разбуженные по такому случаю солдаты-батарейцы. Потом «пленных» ездовых батареи 39-й артиллерийской бригады из Новочеркасска отпустили по домам.

В ходе ночного налета был такой эпизод, запечатленный в мемуарах. Один из юнкеров, Пассовский, вошел в дом, где квартировал командир батареи, и разбудил его. После этого он со всей вежливостью доложил офицеру Кавказского фронта в капитанском звании:

— Господин капитан, ваша батарея через двадцать минут выступает из Лежанки.

— Как? По-чьему приказанию?

— По приказанию генерала Алексеева.

— Вы юнкер?

— Так точно, господин капитан.

— Какого училища? Не могу разглядеть ваши погоны.

— Михайловского артиллерийского.

Увидев на юнкере действительно погоны Михайловского артиллерийского училища, капитан, командир «уже пропавшей» батареи, сказал:

— Как обидно, что меня разоружает мой младший однокашник.

Делать было нечего — капитан сдал юнкеру Пассовскому свое личное оружие.

Уйдя от запоздалой погони, организованной солдатами Дербентского пехотного полка, лейтенант Герасимов со своим отрядом через три дня прибыл в Новочеркасск. В казачьих станицах, которые лежали по пути, было, как ни странно, хоро-

шо известно о молодецком деле добровольцев. Казаки тепло приветствовали юнкеров-артиллеристов.

Добытые трофеи вызвали ликование в Добровольческой армии и, вполне естественно, у генерала Алексеева, автора плана ночного налета на гарнизон села Лежанки. Флотскому инженер-механику из казачьего сословия Михаил Васильевич лично объявил благодарность:

— От лица Добровольческой армии благодарю вас, господин лейтенант. Вас и ваших бойцов-юнкеров...

Участники ночного налета проезжали по улицам донской столицы с разудалой песней столичных юнкеров-артиллеристов:

Скачет и мчится лихая батарея,
Стальные пушки на солнце блестят!
Эй, песнь моя, любимая!
Буль-буль-буль бутылочка
Казенного вина.
Справно повзводно сидеть молодцами,
Не горячить понапрасну коней...

В своих мемуарах генерал-лейтенант А.И. Деникин писал о том, как собиралось артиллерийское вооружение белой армии:

«Высокопоучительна история создания добровольческой артиллерии. Одну батарею (два орудия) украли в 39-й дивизии, ушедшей самовольно с Кавказского фронта и обратившей Ставропольскую губернию в свой лен. Сборный офицерско-юнкерский отряд произвел ночной набег на одно из селений, расположенных в районе Торговой (Ставропольской губернии, верстах в полтораста от Новочеркасска), где квартировала батарея, отбил у солдат два орудия и привез их в Новочеркасск.

Два орудия мы взяли в донском складе с разрешения комитета для отдания почестей на похоронах добровольческого офицера и «затеряли».

Одну батарею купили у вернувшихся с фронта казаков-артиллеристов, послав к ним полковника Тимановского, который спойл команду и уплатил ей около 5 тысяч рублей. Можно себе представить наше огорчение, когда донцы неожидан-

но отказались от сделки ввиду того, что войсковой штаб назначил в батарею пополнение и неизвестно было, как оно отнесется к самоупразднению. Послали телеграмму в донской штаб, который поспешил отменить свое распоряжение.

Наконец, в начале января команда в составе около 40 офицеров и юнкеров была откомандирована в Екатеринодар за уступленными нам кубанским атаманом пушками. На узловой станции Тимашевской вагон с добровольцами окружили казаки местного Кубанского полка, и, когда после долгих споров добровольцы, не желая пролития крови, согласились сдать оружие с тем, что их пропустят в Екатеринодар (в этом их заверил и штаб-офицер Кубанского полка), казаки перецепили вагон и под сильным конвоем отправили его... в Новороссийск, сдав добровольцев военно-революционному комитету.

Несколько человек на полном ходу прыгнули из вагона и вернулись в Ростов, остальные томились почти восемь месяцев в Новороссийской тюрьме в ожидании той участи, которая постигла там вскоре несчастных офицеров Варнавинского полка.

(Команда контрминоносца «Керчь» совместно с советскими властями города сняла с транспорта, отходившего от пристани с 491-м Варнавинским полком, выданных солдатами после некоторого колебания всех офицеров полка. В тот же день, 18 февраля, офицеры, помещенные на баржу, были разделены, связаны, изувечены, изрублены, расстреляны, а затем сброшены в море. Через несколько месяцев трупы несчастных стали всплывать на поверхность воды...)

По счастливой случайности артиллеристы остались целы и были выручены вступившими в Новороссийск в августе 1918 года частями Добровольческой армии...»

Еще перед 1-м Кубанским «Ледяным» походом у Добровольческой армии появились и свои «военно-воздушные силы». В городе Таганроге находился небольшой авиаремонтный завод, на который под видом рабочих устроились два белых летчика из числа фронтовиков. Под предлогом испытания отремонтированного аэроплана они поднялись в воздух, сделали круг над Таганрогской бухтой и беспрепятственно удалились в сторону Новочеркасска...

Красные войска наступали на Дон с четырех сторон. В один из январских дней 1917 года состоялся военный совет Добровольческой армии, на который был приглашен атаман А.М. Каледин. Обсуждался один-единственный вопрос: оперативная ситуация, которая складывалась вокруг Донской области. Военный совет вел командующий Л.Г. Корнилов. Доклад делал начальник армейского штаба генерал-лейтенант А.С. Лукомский.

Военный совет констатировал факт сужения неприятельского кольца вокруг Донской области. Главная угроза шла от красногвардейских отрядов, действовавших в Донецком каменноугольном бассейне. Они наступали по железным дорогам (шла так называемая «эшелонная война»), ведущим на Таганрог, Батайск и Новочеркасск, на станции Звереве и Лиски. Движение красных войск шло со стороны Воронежа, станций Торговой и Тихорецкой.

Основная угроза калединскому Дону и, естественно, Добровольческой армии тогда шла со стороны Царицына и Ставрополя. В последнем расположились на постой полки туркестанских стрелков, ушедших с Кавказского фронта. Там же находилась большевистски настроенная 39-я пехотная дивизия. Эти воинские части сохранили, как минимум, половину своего штатного состава. Солдаты имели немалый фронтовой опыт.

Белое командование беспокоило то, что в казачьих областях действовало много красноармейских отрядов из иногородних. В этих отрядах присутствовал и «казачий элемент». Красные не испытывали недостатка в артиллерии и воинских эшелонах. К тому же в руках Советов оказались почти все тыловые запасы Кавказского фронта по северную часть Кавказских гор.

Генерал-лейтенант Лукомский считал, что Добровольческая армия сможет начать наступательные действия только тогда, когда ее численность достигнет, как минимум, десяти тысяч бойцов. Пока не набиралось и половины этой цифры. Ужесточение красных заслонов на железных дорогах заметно снизило приток добровольцев в Новочеркасск. В силу этого начальник корниловского штаба предложил перенести центр формирования Добровольческой армии из Новочеркасска в Ростов.

После развала Русского фронта в области Войска Донского, и прежде всего в городах Ростове и Таганроге, осело примерно семнадцать тысяч офицеров. Только они являли собой значительные людские резервы Белого движения. Но основная масса этого офицерства все еще колебалась, не спеша принимать участия в начинавшейся Гражданской войне.

Против ухода добровольческих формирований из донской столицы выступил атаман Каледин. Он брал на себя охрану границ области, но при этом просил оставить в Новочеркасске часть сил добровольцев, которые, как он считал, должны были стать боевым ядром создаваемой белоказачьей Донской армии.

Генерал Корнилов в помощи атаману не отказал. В Новочеркасске оставлялись Офицерский батальон и артиллерийская батарея для прикрытия города со стороны Донецкого бассейна. Добровольцы брали на себя и защиту Таганрога — дальнего рубежа на подступах к Ростову.

В середине января 1917 года генералы Корнилов и Алексеев, штаб Добровольческой армии переехали в Ростов. Сюда же перешли основные силы белой армии. В городе Таганроге расположился Офицерский батальон полковника лейб-гвардии Преображенского полка А.П. Кутепова, который поддерживала своими штыками 3-я Киевская школа прапорщиков. Она была переведена из Киева в Таганрог в начале ноября 1917 года и стояла там гарнизоном. Школа состояла из двух рот общей численностью 400 человек.

На левый берег Дона, в Батайск, был переброшен дивизион полковника Ширяева, который позднее усилили Морской ротой, сформированной преимущественно из флотских офицеров. От Батайска вперед по линии железной дороги к станции Степной выдвинули крепкую заставу.

Морской ротой командовал капитан 2-го ранга Владимир Николаевич Потемкин, один из героев Русско-японской войны 1904—1905 годов. В Цусимском морском сражении 19-летний мичман принял командование над гибнущим миноносцем «Громкий» после того, как командир и все другие офицеры корабля погибли. Получив тяжелое ранение в ногу, бросился в морскую воду только тогда, когда миноносец стал тонуть. Был подобран японцами, которые и сообщили рус-

скому командованию о героической гибели «Громкого» и доблести командовавшего им офицера. После возвращения из плена Потемкин был награжден Золотым оружием.

С началом Первой мировой войны капитан 2-го ранга Потемкин командовал эсминцем на Балтике. Стал одним из первых добровольцев, бежав из Гельсингфорса, где находился под арестом. Во время обороны вокзала в Батайске получил тяжелое ранение в голову и потерял глаз. По этой причине участия в 1-м «Ледяном» Кубанском походе не принимал. Впоследствии командовал бронепоездом «Князь Пожарский», чья команда отличилась в боях за Харьков. В Крыму командовал военным транспортом «Ялта»...

Оградившись таким образом от возможных внезапных нападений, Добровольческая армия на считанные дни «замерла» в Ростове. Население большого города и находившееся там Донское правительство будоражили различные слухи. Враждебное отношение к добровольцам-корниловцам высказывалось на собраниях, митингах, сходах.

В такой митинговой обстановке министры Донского областного правительства (в том числе и избранные от местных крестьян-иностранцев) и глава ростовской думы пригласили к себе для беседы генерала Алексеева. Таким «мероприятием» они решили успокоить местное население. «Законных поводов» было два:

Во-первых, рабочие манифестации в эти дни принимали резолюции такого содержания:

«Пусть армия существует, но, если она пойдет против революции, она должна быть расформирована».

Во-вторых, состоявшийся крестьянский съезд иностранцев Донской области тоже принял схожую политическую резолюцию:

«Добровольческая армия должна быть под контролем объединенного правительства и в случае установления в ней элементов контрреволюционных, таковые элементы должны быть удалены немедленно за пределы области».

Генерал М.В. Алексеев не отказался от приглашения. Он получил прекрасную возможность рассказать жителям крупнейшего города Дона о целях создания им Добровольческой армии. На встрече впервые было официально объявлено, что

командующим белой Добровольческой армией является Лавр Георгиевич Корнилов. Как сказал на встрече Алексеев, «шила в мешке» теперь таить уже не имело смысла.

Богатый торговый Ростов продолжал жить шумной жизнью. Работали торговые конторы, банки, магазины, лавки. Процветала спекуляция. В ночных клубах и игорных домах местные воротилы сорили деньгами. Были открыты двери кинематографов, театров, ночных притонов. Давались концерты. Казалось, что о борьбе с большевиками состоятельная часть горожан и не думала.

Один из участников Гражданской войны на Дону, оказавшись в эмиграции, писал в своих мемуарах о тех днях так:

«Богатый Ростов смотрел на своих защитников как на лишнюю обузу, может быть и справедливо считая, что горсть героев все равно не спасет его от большевиков, а вместе с тем помешает как-нибудь договориться с ними...»

Но был и другой Ростов. Генерал Африкан Петрович Богавский, избранный в феврале 1919 года войсковым атаманом всевеликого Войска Донского и оставшимся им до конца своей жизни, в своих «Воспоминаниях» писал о том пребывании добровольцев в этом городе следующее:

«Положение становилось все более и более тяжелым... Рабочие же и всякий уличный сброд с ненавистью смотрели на добровольцев и только ждали прихода большевиков, чтобы расправиться с ненавистными кадетами.

Малопонятное озлобление против нас со стороны рабочих было настолько велико, что иногда выливалось в ужасные, зверские формы. Ходить в темное время по улицам города, а в особенности в Темернике, было далеко не безопасно. Были случаи нападений и убийств...

...Был печальный случай, имевший характер настоящей провокации. В одной из железнодорожных мастерских Ростова происходил разрешенный властями митинг рабочих. Народу было очень много. Для поддержания порядка в мастерской присутствовал юнкерский караул. Во время речи одного из ораторов раздался ружейный выстрел, ранивший кого-то из рабочих, как выяснилось впоследствии, дробью. Толпа пришла в бешенство и бросилась на юнкеров, решив, что выстрел сделан ими. Вынужденные к самообороне, юнкера сдела-

ли несколько выстрелов и убили трех, или четырех человек. Не ожидая такого решительного отпора, рабочие разбежались.

Конечно, поднялся страшный скандал... В городе, и в особенности в рабочих кварталах, было невероятное возбуждение...

Посоветовавшись с Корниловым, ради предотвращения возможных эксцессов я (генерал-майор Богаевский был командующим белыми войсками Ростовского района. — А.Ш.) объявил город на «военном положении»...

Из своей ростовской штаб-квартиры генерал Алексеев «не уставал» писать письма с просьбами оказать материальную, денежную помощь Добровольческой армии. Шли призывы делать «патриотические пожертвования» на Белое движение. Коммерческие банки Ростова согласились дать Алексееву под векселя 350 тысяч рублей ассигнациями. На большее ростовские банкиры не пошли.

Тем временем в столице области Войска Донского ситуация складывалась для добровольцев самым критическим образом. Атаман Каледин так и не смог сформировать казачью армию. Полки и отдельные сотни, продолжавшие прибывать с фронтов в область, в своем подавляющем большинстве расходились по домам. Воевать никому не хотелось. К тому же большевистская агитация в то время действовала заметно эффективнее атаманских приказов, исходивших из Новочеркасска.

Развязка наступила быстро. Около двух часов 29 января в атаманском дворце застрелился генерал-лейтенант Алексей Максимович Каледин. Перед этим атаман собрал членов Донского правительства и сказал им следующее:

— Господа казаки. На сегодняшний день для защиты Донской области на фронте имеется всего лишь 147 штыков.

Ответом на эти слова было полнейшее молчание областных министров. Атаман, не опуская глаз, продолжил:

— Положение безнадежно...

Ростов не стал для корниловцев «родным домом». Более того, они не могли в нем прокормиться. Когда добровольцы в начале 1918 года оставят его, то те же коммерческие банки Ростова по первому же требованию командования красногвардейских отрядов, занявших город, и созданного большевиками местного Совета выдадут им 18 млн рублей на содержание Красной армии...

После самоубийства атамана Каледина, надежного союзника генералов Корнилова и Алексеева, положение белых сил на юге становилось все более сложным. Началась агония Донского фронта. Его теперь удерживали только отчаянно дравшиеся белые партизанские отряды, Офицерская донская казачья дружина и части Добровольческой армии. Но они проигрывали наступающему противнику в численности бойцов, тяжелом вооружении и наличии боеприпасов. Белые не уступали красногвардейцам только в одном: в боевом духе, в стойкости. Но для победы этого оказалось недостаточно.

Железные дороги, ведущие из Европейской России в Ростов и Новочеркасск, были в руках большевиков, установивших на станциях жесточайший контроль за пассажирами. Приток добровольцев почти прекратился. «Выявленных» корниловцев расстреливали прямо на железнодорожных станциях. Теперь на Дон просачивались только отдельные смельчаки. Донское казачество в своем большинстве все еще надеялось «остаться в стороне» от происходящих событий.

Скоро стало ясно, что, оставаясь на насиженном за зиму месте и отбивая атаки красных войск теперь уже с трех сторон, Добровольческая армия сознательно обрекала себя на поражение. Генералы из окружения командующего все чаще и чаще высказывались за начало похода в Кубанскую область. Генерал Алексеев считал, что только «атакующий» поход может спасти Добровольческую армию от разгрома.

Командование Добровольческой армии искало союзников на Юге. В город Екатеринодар был послан полномочным представителем «быховец», генерал-лейтенант Иван Георгиевич Эрдели. Ему поручалось поддерживать связь с Кубанским правительством и атаманом Кубанского казачьего войска. Генерал Корнилов надеялся, что кубанское казачество в своей массе «колыхнется» в сторону Белого движения. И оказался прав. Но это произойдет уже после его гибели.

В ряд областей Северного Кавказа откомандировали доверенных офицеров, знакомых с местными условиями. Корнилова и Алексеева не оставляла надежда получить помощь от кавказских горцев. Они знали, что вернувшиеся с фронта всадники Черкесского, Кабардинского, Осетинского, Ингушского, Чеченского и двух Дагестанских конных полков, состав-

лявших две Кавказские Туземные («Дикие») конные дивизии, симпатий к большевикам не питали.

Обнадеживало и то, что со второй половины декабря 1917 года в рядах Добровольческой армии действовала целая воинская часть из горцев — прибывший с фронта в Ростов Ударный дивизион Кавказской кавалерийской дивизии. Его командиру полковнику Ширяеву и помощнику ротмистру Дудареву удалось сохранить дивизион в числе 80 человек — трети списочного состава — и привести его на Дон в распоряжение генерала Корнилова. За неимением коней горцы первое время воевали в пешем строю. Для руководства ими в пехотных боях были приданы офицеры-добровольцы.

В середине января из Екатеринодара в Ростов пришла телеграмма от генерала Эрдели. Он сообщал, что выезжает в штаб Добровольческой армии вместе с князем Девлет-Гиреем (Девлет-хан-Гиреем), который обещал ему выставить до десяти тысяч черкесов на войну с красными. Эрдели радостно телеграфировал генералу Алексееву:

«...Князь Девлет-Гирей предлагает нам помощь и готов подняться на борьбу с большевиками весь черкесский народ».

По прибытии Девлет-Гирея в Ростов с ним состоялась встреча, в которой участвовали генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Лукомский и Эрдели. Встреча больше напоминала переговоры за «круглым» столом и за закрытой дверью. Хан (князь) из рода Гиреев заявил о том, что в первые две недели может поставить в строй две тысячи конных, вооруженных за свой счет черкесских джигитов. Остальные встанут под его знамена за полтора, самое большее — через два месяца. Тогда пламя войны против большевиков охватит горы Кавказа.

Девлет-Гирей «бессребреником» не был. Он просил за «пламя войны в горах Кавказа» одновременно около миллиона рублей (!) и девять тысяч винтовок. Остальные деньги готов был получить несколько позднее.

Было сомнительно, что князь Девлет-Гирей сможет собрать в горах Черкесии десять тысяч всадников. Вспомнили, что добровольческий Черкесский полк Кавказской Туземной дивизии насчитывал всего четыре конные сотни. Но перед встречей белые генералы решили, что с Девлет-Гиреем стоит рис-

кнуть. Однако из этого ничего не вышло: касса Добровольческой армии была почти пуста.

Князь Девлет-Гирей в сопровождении свиты телохранителей уезжал из Ростова в Екатеринодар крайне обиженным. Вяжываясь в войну между белыми и красными «за просто так» он не желал. Советская власть его пока ничем не обидела. Еще не успела «прижать» как классового врага и заставить взяться за оружие уже «во имя спасения собственной жизни».

Последующие события Гражданской войны показали, что «проект Девлет-Гирея» был неосуществим. Когда черкесы выступили против большевиков за страшные по своим последствиям реквизиции скота и прочего провианта, вооруженные отряды горцев занялись только упорной защитой своих аулов. «Вытащить» же горскую конницу на равнину оказалось безнадёжной задачей.

...В последних числах января красные овладели Батайском, расположенным напротив Ростова на левом берегу Дона. Оттуда после жестокого боя был выбит сводный отряд добровольцев генерала С.Л. Маркова.

Советскими отрядами был занят и Таганрог, в котором большевики подняли восстание рабочих. В ходе уличных боев таганрогский гарнизон силой всего в четыреста штыков (3-я Киевская школа прапорщиков) был большей частью истреблен. Только небольшой части юнкеров удалось с боем вырваться из города к станции Марцево на соединение с добровольцами. Киевские юнкера влились в состав Юнкерского батальона, понесшего к тому времени в боях большие потери.

Под этим приморским городом добровольцы выдержали первый серьезный бой. Полковник Кутепов, чей Офицерский батальон был подкреплён частью Георгиевского полка и донским партизанским отрядом войскового старшины И.Ф. Семидетова (две конные и три пешие сотни казачьей молодежи при двух орудиях и 13 пулеметах), дважды разбил отряды красного военачальника бывшего прапорщика Рудольфа Сиверса у железнодорожной станции Матвеев Курган.

Первый победный бой сложился так. Утром 12 января густые цепи красных смело перешли в наступление. Их батарея открыла огонь по редкой цепи залегших в заснеженной степи офицерских рот. По атакующим стреляло одно-единственное

орудие белых. Казалось, что именно это обстоятельство заметно подбадривало сиверцев. Офицерская цепь молчала: ей было приказано открыть стрельбу с дистанции в 200 шагов.

Наконец, когда красноармейцы с криками «ура» бросились вперед в последнем броске, корниловцы встали и открыли прицельный огонь, затрещали пулеметные очереди. После этого офицерские роты перешли в штыковую контратаку, стремительную и беспощадную. После короткой штыковой схватки противник обратился в бегство, попав к тому же под пулеметные выстрелы броневедомости белых, вырвавшегося вперед.

Преследование силами двух офицерских рот велось буквально на плечах бегущих на расстоянии до четырех верст. Оно было остановлено только по приказу полковника Кутепова. В том бою добровольцы потеряли всего 50 человек. Они вернулись на исходные позиции, получив в качестве трофеев немало винтовочных патронов, найденных в подсумках убитых.

Победа далась легко, поскольку яростному напору плохо управляемых, преимущественно недисциплинированных матросских отрядов добровольцы противопоставили воинскую выучку и воодушевление офицерских рот. Поражало соотношение сил: красных войск насчитывалось до 10 тысяч человек, а добровольцы имели всего по 50 патронов на винтовку.

Победы у Матвеева Кургана положения белых не выправили. Со стороны Донецкого каменноугольного бассейна начали оперировать отряды красной конницы. На действиях Добровольческой армии начало сказываться почти полное отсутствие кавалерии — конный дивизион полковника Гершельмана имел не более 50—60 шашек.

Фронт на юге России принимал четкое очертание, хотя сплошным еще не был. Основным направлением, где вели бои добровольцы, стало таганрогское. С 30 декабря 1917 года его прикрывал сводный отряд полковника А.П. Кутепова. В своем большинстве он состоял из сводных рот различных частей Добровольческой армии, преимущественно офицерских.

К началу 1918 года генерал Л.Г. Корнилов имел под своим командованием следующие отдельные части: 1-й, 2-й и 3-й Офицерские, Юнкерский и Студенческий батальоны, 3-ю и 4-ю Офицерские, Ростовскую и Таганрогскую офицерские, Морскую,

Георгиевскую и Технические роты, Отряд генерала Черепова, Офицерский отряд полковника Симановского, Ударный дивизион Кавказской кавалерийской дивизии, 3-ю Киевскую школу прапорщиков, 1-й кавалерийский дивизион, 1-й Отдельный легкий артиллерийский дивизион и Корниловский ударный полк.

Вторым направлением являлось новочеркасское. Здесь бои вели доңские партизанские отряды, наиболее крупным из которых являлся отряд полковника В.М. Чернецова. Часть из этих отрядов была сведена в Партизанский полк, который затем уйдет под знаменами Корнилова в 1-й Кубанский поход. Добровольцам приходилось постоянно выделять часть своих сил для обороны Новочеркасска.

Вокруг Ростова-на-Дону стало образовываться кольцо окружения. К началу весны 1918 года оно стало неудержимо замыкаться. В те дни генерал М.В. Алексеев в письме родным откровенно признавал:

«Горсточка наших людей, не поддержанная совершенно казаками, брошенная всеми, лишенная артиллерийских снарядов, истомленная длительными боями, непогодю, морозами, по-видимому, исчерпала до конца свои силы и возможности борьбы. Если сегодня-завтра не заговорит казачья совесть, если хозяева Дона не станут на защиту своего достоинства, то мы будем раздавлены численностью хотя бы и ничтожно нравственно врага.

Нам нужно будет уйти с Дона при крайне трудной обстановке. Нам предстоит трудный, по всей вероятности, пеший путь и неведомое впереди, предначертанное Господом Богом. Трудно сказать, как все устроится.

Если мне Богом суждено погибнуть, то со мной погибнут и те, кто несет на себе тот же крест. Всю жизнь прожил честно. Хуже то, что погибнет такое дело, от которого ожидалось известные результаты. За это будут нарекания. Но если бы кто знал ту невыразимо тяжелую обстановку, при которой прожиты последние три месяца.

Это было сплошное мученье. Голова забита, и я не могу молиться так, как я умел молиться в былые тяжелые дни моей жизни. Я всегда получал облегчение моему сознанию, моей душе...»

Командующему Добровольческой армии было уже ясно, что каледицам не удержаться на сей раз против натиска красных. Поводов к такому неутешительному выводу было два.

Во-первых, всех поразила гибель «белого дьявола» Чернецова. Этот кумир белого Дона, командуя сводным добровольческим отрядом из офицеров, новочеркасских юнкеров, гимназистов, кадет, студентов только-только разбил в станице Каменской части казачьего Военно-революционного комитета. Но ответным ударом красные разгромили чернецовцев, а сам командир белых «партизан» был изрублен шашками.

Обстоятельства гибели «белого дьявола» были таковы. 21 января одна из двух сотен чернецовского отряда вместе с командиром в результате боя с 27-м Донским казачьим полком была захвачена в плен. В тот же день большинство пленных было расстреляно и зарублено. Самого полковника Василия Чернецова зарубил лично председатель Донского казачьего военно-революционного комитета подхорунжий Подтелков. Спустя недолгое время сам Подтелков будет повешен донскими казаками, поднявшимися на антибольшевистское восстание.

Во время своего последнего приезда в Новочеркасск, на одном из митингов «тлевших» казаков, все еще веривших в то, что начавшаяся Гражданская война обойдет тихий Дон стороной, полковник Чернецов бросил в ответ своим оппонентам такие слова:

— Да, я погибну! Но также погибнете и вы! Разница между моей и вашей смертью будет в том, что я буду знать, за что я умираю. И умру с восторгом. А вы не будете знать, за что умираете, и погибнете в глухом подвале, с тупым молчанием, как овцы на бойне...

Более боевого командира у А.М. Каледина, имевшего редкий для казачьих атаманов чин полного генерала, не имелось. А.И. Деникин писал в мемуарах:

«Со смертью Чернецова как будто ушла душа от всего дела обороны Дона. Все окончательно развалилось».

Во-вторых, вернувшиеся с фронта казачьи полки, мобилизованные на войну с большевиками, расходились по домам. Генерал А.С. Лукомский описывал в своих мемуарах такой разительный пример:

«4 февраля в Новочеркасск пришел походным порядком из Екатеринослава, в блестящем виде, 6-й Донской полк.

Просто не верилось глазам.

Все офицеры на местах, полная дисциплина, никаких комитетов.

Полк заявил, что он хочет сейчас же идти на фронт.

Полку была устроена торжественная встреча.

После молебствия на соборной площади атаман (А.М. Назаров. — А.Ш.) и председатель донского правительства благодарили полк, прибывший в таком блестящем виде...»

6-й Донской казачий полк, носивший имя одного из самых прославленных военачальников Дона генерала Краснощекова, убыл на фронт против красных войск в полном составе. А через несколько дней в Новочеркасск пришло известие, что полк разошелся по станицам, отказавшись воевать против Советов.

Атаман А.М. Каледин перед самоубийством написал предсмертное коротенькое письмо. Адресовалось оно не Корнилову, а генералу М.В. Алексееву. Это было откровение человека мужественного, понявшего безвыходность своего собственного — атаманского положения:

«Уважаемый Михаил Васильвич!

Казачество идет за своими вождями до тех пор, пока вожди приносят ему лавры победы, а когда дело осложняется, то они видят в своем вожде не казака по духу и происхождению, а слабого предводителя своих интересов, и отходят от него. Так случилось со мной и случится с Вами, если Вы не сумеете одолеть врага...

Генерал Каледин».

Револьверный выстрел в атаманском дворце имел сильное звучание. Калединское самоубийство на какой-то миг «качнуло» донское казачество на сторону Белого движения. Большой войсковой круг избрал новым войсковым атаманом А. М. Назарова, а походным — решительного генерала П. Х. Попова. Корнилов назначил представителем Добровольческой армии при Донском правительстве генерал-лейтенанта Лукомского,

который передал должность начальника армейского штаба генерал-майору Ивану Павловичу Романовскому.

Самоубийство донского атамана, одним из первых поднявших знамя вооруженной борьбы с властью Советов, в столице новой России восприняли как знаменательный факт. Газета «Правда» в номере за 7 февраля 1917 года писала:

«Борьба клонится к концу. Буржуазно-помещичья контрреволюция в агонии; она умирает, разбитая и обессиленная, и выстрел Каледина в свой собственный череп символизирует эту лицемерную смерть...»

Тем временем события разворачиваются стремительно. 9 февраля красные войска под предводительство Рудольфа Сиверса начали штурм внешних полевых укреплений (окопов) Ростова. Город обстреливала тяжелая артиллерия. Окружение в нем немногочисленных добровольцев стало реальностью. Их ряды уже не пополнялись, а боеприпасы оказались на исходе.

О командующем колонной красногвардейских отрядов (затем 5-й советской и 2-й ударной армиями) бывшем прапорщике 26-летнем Рудольфе Фердинандовиче Сиверсе среди добровольцев ходили легенды: о его большевистской ненависти к белым и желании изничтожить их «на корню». Сиверс являлся руководителем операции по ликвидации на Дону «калединщины».

Зам. председателя Государственной думы Н.Н. Львов, избранный в эмиграции членом ЦК Русского народно-монархического союза, писал о нем в своих мемуарах «Свет во тьме» так:

«В их (Красной армии. — *А.Ш.*) действиях сказывалась уже известная планомерность. Руководящая рука направляла их к определенной задаче окружения Дона. С северо-запада наступала армия Сиверса, того самого, который издавал «Окопную правду» и вел пропаганду братания с немцами...»

Сиверс имел значительные силы, превосходившие белых, — 17,5 тысячи человек. Его армия состояла из 3-го Курземского и 6-го Тукумского латышских стрелковых полков, двух интернациональных бригад, в которые входили мадьяры, немцы, китайцы и другие (в своем большинстве бывшие военнопленные), отрядов балтийских моряков, петроградских и донецких рабочих, вооруженных рабочих восставшего против

добровольцев Таганрога. Кавалерии набиралось до тысячи сабель.

Белые могли только мечтать о вооружении, которое имели красные: четыре «настоящих» бронепоезда, 48 орудий, четыре бронеавтомобиля и более сорока пулеметов. Не было недостатка ни в снарядах, ни в патронах. К тому же во главе советских войск стояли толковые, знающие командиры: военные действия велись по всем правилам военного искусства. Сиверсцы наступали на Таганрог, а затем на Ростов и Новочеркасск сильными колоннами.

К 27 января отряд полковника Кутепова был отведен от Таганрога к станции Морской. Отвод был вызван угрозой обхода с правого фланга: у Сиверса появились части бывшей 4-й кавалерийской дивизии. Пришедшая на фронт из Ростова первая конная часть Добровольческой армии — сотня полковника Гиршельмана в 50 всадников — противостоять красной коннице, естественно, не могла. К тому же ни один из белых кавалеристов не имел сабель.

Командующий белой армией усилил кутеповский отряд ротой Корниловского ударного полка в 100 штыков с двумя орудиями. Это был взвод 1-й Юнкерской батареи, которая получила пушки и снаряды от донцев. Однако сдержать натиск красных отрядов не удалось, и 27 января кутеповцы, отразив первую атаку, были вынуждены отступить к станции Синявской, на следующий день — к станции Хопры. До Ростова оставалось всего десять верст.

Генерал Корнилов приказал заменить обескровленный отряд кутеповцев отрядом генерал-майора Александра Николаевича Черепова, георгиевского кавалера за бои в Карпатах, закончившего Первую мировую войну начальником пехотной дивизии. В Добровольческой армии он тоже дослужился до командира 2-й пехотной дивизии, которая в ходе Гражданской войны «прикрывала Новороссийск со стороны Грузии». В эмиграции командовал батальоном и полком Русского охранного корпуса Королевства сербов, хорватов и словенцев (Югославии). В Ростове отведенный на краткий отдых кутеповский отряд был сведен в 3-й Офицерский батальон, состоявший из четырех рот, одна из которых была Гвардейской.

Отряд генерала Черепова численностью в 820 штыков и сабель при двух орудиях 2-й Офицерской батареи и бронированного поезда был сводным. Он состоял из Корниловского ударного полка, казаков-стариков близкой старинной станицы Гниловской, решивших защищать свою станицу от красных, и двух донских партизанских отрядов:

«Около станции Синявка красные оттеснили отряд полковника Кутепова, но в этот момент совершенно неожиданно подошли на подмогу две сотни казаков из станицы Гниловской. Впереди казаков шел священник с крестом в руках. «Православные, ратуйте за церковь Христову, за дом Богородицы!» — призывал священник. «Тут казаки и мы, — вспоминает корниловец-ударник, — набрались духу от поднятия креста и перешли в наступление. Ну и начался бой!.. Мы немало побили латышей и даже взяли у них 12 пулеметов».

Одним из этих отрядов был отряд «белого дьявола», сотника Грекова. Он славился не только дерзкими налетами на красных, но и «дикими реквизициями» провианта. Генерал Корнилов хотел было расстрелять всех офицеров этого партизанского отряда, а сам отряд расформировать. Но тяжелое положение под станцией Хопры побудило его отказаться от такой дисциплинарной меры.

Сотник Греков, желая искупить вину перед Корниловым, в первую же ночь на новой позиции совершил внезапное нападение на железнодорожную станцию Хопры, нанес стоявшему на ней красногвардейскому отряду ощутимые потери и отошел, сам потеряв в бою немало людей. Для добровольцев главным итогом боя стало то, что вся подготовка противника к утреннему наступлению оказалась расстроенной. Лавр Георгиевич все же расформировал грековский партизанский отряд. Но произошло это только через две недели. Большинство партизан «белого дьявола» были влиты в части, которые позднее стали называться «марковскими».

Когда отряды красных латышских стрелков (они составляли ударную силу армии Сиверса) попытались было подступить к ростовским переправам через Дон, то оказалось, что их успел прикрыть Юнкерский батальон. От мысли взять город в тот день Сиверсу и его командирам пришлось отказаться. Их отряды тоже понесли ощутимые потери в людях. Но в бли-

жайшие дни ожидался подход резерва, которого у добровольцев не было вообще...

А как вели себя в эти дни руководители Белого движения? В книге «Ледяной поход» Р. Гуль так описывает свою встречу с генералом Корниловым в январские дни 1918 года, который в Новочеркасске руководил белой армией:

«...Я с полковником С(имановским) выехал в штаб армии. Там суэта. Полковника вызвал Корнилов. «Сейчас же поедете на Таганрогский фронт. Знаю, что вы устали, измучены, с фронта, но больше некого послать, а там неладно».

На другой день от офицеров отряда я и штабс-капитан князь Чичуа выехали в Ростов к генералу Корнилову просить его не разлучать нас с нашим начальником полковником С.

Было около 9 часов утра, когда пришли в переднюю штаба и вызвали адъютанта Корнилова, подпоручика Долинского. Он провел нас в приемную, соседнюю с кабинетом генерала.

В приемной, как статуя, стоял текинец. Мы были не первые. Прошло несколько минут, дверь кабинета открылась: вышел какой-то военный, за ним Корнилов, любезно проводя его.

Л(авр) Г(еоргиевич) был одет в штатский потертый костюм, черный в полоску, брюки заправлены в простые солдатские сапоги, костюм сидел мешковато.

Он поздоровался со всеми. «Вы ко мне, господа?» — спросил нас. «Так точно, Ваше Превосходительство». — «Хорошо, подождите немного», — и ушел.

Дверь кабинета снова открылась: Корнилов прощался со штатским господином. «Пожалуйста, господа». Мы вошли в кабинет — маленькую комнату с письменным столом и двумя креслами около него. «Ну, в чем ваше дело? Рассказывайте», — сказал генерал и посмотрел на нас. Лицо у него — бледное, усталое. Волосы короткие, с сильной проседью. Оживлялось лицо маленькими, черными как угли глазами.

«Позвольте, Ваше Превосходительство, быть с вами абсолютно искренними». — Только так, только так и признаю», — быстро перебивает Корнилов.

Мы излагаем нашу просьбу. Корнилов, слушая, чертит карандашом на бумаге, изредка взглядывая на нас черными про-

ницательными глазами. Рука у него маленькая, бледная, сморщенная, на мизинце — массивное, дорогое кольцо с вензелем.

Мы кончили. «Полковника С. я знаю с очень хорошей стороны. То, что у вас такие отношения с ним, — меня радует, потому что только при искренних отношениях и можно работать по-настоящему. Так должно быть всегда у начальников и подчиненных. Просьбу вашу я исполню». Маленькая пауза.

Мы поблагодарили и хотим просить разрешения встать, но Корнилов нас перебивает: «Нет, нет, сидите, я хочу поговорить с вами... Ну, как у вас там, на фронте?» И генерал спрашивает о последних боях, о довольствии, о настроении, о помещении, о каждой мелочи. Чувствуется, что он этим живет, что это для него «все».

В моем рассказе промелькнуло: «Я видел убитых на платформах». Корнилов встрепенулся, вспыхнул, блеснувшие глаза остановились на мне. «Как на платформах! В такую погоду! Почему?! Разве нет вагонов?!» Ответить на вопросы я не могу. Корнилов взволновался, быстро пишет что-то на клочке бумаги. Разговор продолжался. В конце его Корнилов спросил, где мы служили на фронте, и, когда узнал, что в его армии, задержал нас, расспрашивая, а были там-то? А были в таком-то деле?

Генерал прощался. «Кланяйтесь полковнику С.», — говорил он нам вслед. Выходя из кабинета, мы столкнулись с молодым военным с совершенно белой головой. «Кто это?» — спрашиваю я адъютанта. Он улыбается: «Разве не знаете? Это — «белый дьявол», сотник Греков. Генерал узнал, что он усердствует в арестах и расстрелах, и вызвал, кажется на разнос».

Пройдя блестящий зал штаба, мы вышли. Корнилов произвел на нас большое впечатление. Что приятно поражало всякого при встрече с Корниловым — это его необыкновенная простота. В Корнилове не было ни тени, ни намек на бурбонство, так часто встречаемое в армии. В Корнилове не чувствовалось «Его Превосходительство», «генерала от инфантерии». Простота, искренность, доверчивость сливались в нем с железной волей, и это производило чарующее впечатление.

В Корнилове было «героическое». Это чувствовали все и потому шли за ним слепо, с восторгом, в огонь и воду.

Казак Корнилов казался «национальным героем». Кругом же были «просто генералы». И когда я узнал от близких к Корнилову лиц про интриги вокруг него, я понял, что это происходит именно поэтому...»

Приток людей в ряды белой армии в ходе боев за Ростов почти прекратился, хотя только в Ростове имелись тысячи офицеров и других противников советской власти. Один из белых мемуаристов писал об этом так:

«Как в московских боях, так и в поступлении в Добровольческую армию офицерство держалось странной политики сидения по домам, в кладбищенских склепах и даже в чрезвычайках, куда оно покорно шло на регистрации и расстрелы, в армию же шли очень немногие, по большей части приезжие извне. В этом основная причина неудач — как московского восстания, так и первой защиты Дона от красного наводнения».

Ситуация для добровольцев складывалась губительной. Верховный руководитель Добровольческой армии М.В. Алексеев встретился с ее командующим Л.Г. Корниловым.

Они решили, что спасением Добровольческой армии и Белого движения на Юге России может быть только поход, вернее, прорыв с боями, в Кубанскую область. К тому времени Батайск уже был отрезан. Оставался единственный путь — через Аксайскую станицу, по льду вставшего Дона, по которому могли пройти обозные сани и оружейные упряжки.

Корнилов понимал, что оставаться в Ростове было нельзя. Генерал дал добровольцам день на сборы, назначив выступление в поход ровно в полночь. Беспокоила судьба многочисленных раненых и больных. Их было решено разместить у надежных обывателей, а часть оставить в городских лазаретах под видом простых солдат. Все понимали, что когда красные войдут в Ростов, то многих они расстреляют без всякого суда. Но взять с собой этих людей армия не могла.

Дня на подготовку к выступлению из города вполне хватило, так как добровольцы большого обоза не имели. Генерал Алексеев в прощальном письме своим близким написал:

«Мы уходим в степи. Можем вернуться только, если будет милость Божья. Но нужно зажечь свечечку, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы».

Многие добровольцы уходили из Ростова в 1-й Кубанский «Ледяной» поход, в неизвестность, в тяжелом состоянии духа, поскольку оставляли свои семьи на произвол судьбы. Генерал Деникин в своих «Очерках Русской смуты» писал:

«Там (в большевистском тылу. — *А.Ш.*) были... брошены наши семьи, обреченные на существование, полное вечного страха перед большевистской расправой, если какой-нибудь непредвиденный случай раскроет их имя...»

В Ростове оставалась его молодая супруга Ксения Васильевна. Она жила в городе с паспортом на свое девичье имя в одной армянской семье, которая немало рисковала.

Оставлял семью и генерал Л.Г. Корнилов. Деникин писал: «В письме, посланном друзьям накануне похода, он (Корнилов. — *А.Ш.*) говорил с тревожным беспокойством о своей семье, оставленной без средств на произвол судьбы среди чужих людей, и о том, что больше, вероятно, встретить их не придется».

Когда начинался 1-й Кубанский поход, семья Корнилова — жена, дочь и сын — скрывалась у верных людей в одной из Терских казачьих станиц. Корнилов получал оттуда лишь редкие известия. Он так и не решился вызвать оттуда семью к себе ни в Новочеркасск, ни в Ростов.

Оставалась на Дону и жена бывшего Верховного главнокомандующего России Анна Николаевна Алексеева. Она получила от мужа фальшивые паспорта на имя Афанасьевых и с двумя дочерьми скрывалась в отдаленной от железных дорог степной станице Мелиховской в «надежной» казачьей семье.

Но Гражданская война не обошла станицу Мелиховскую. Когда стала слышна артиллерийская канонада, местные казаки, опасаясь «карающей руки» красного террора, о котором они уже были наслышаны, всполошились. Дочь генерала Алексеева, Вера Михайловна, вспоминала:

«Станичники и станичницы атаковали нашу хозяйку — кто мы такие, откуда мы, как она наспустила. Пришлось возвращаться в Новочеркасск, где наша старая хозяйка отвела нас к своей знакомой на окраине города. У этой доброй женщины мы провели первые, самые страшные, дни большевистской расправы над Новочеркасском...».

Глава 14

1-Й КУБАНСКИЙ «ЛЕДЯНОЙ» ПОХОД ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

В полночь 9 февраля 1918 года генералы Л.Г. Корнилов и М.В. Алексеев, заместитель командующего генерал А.И. Деникин в окружении немногих штабных офицеров в молчании встретились в вестибюле просторного дома ростовского миллионера Парамонова. Здесь был штаб белой армии, а вскоре разместится ростовское ВЧК. Посмотрев на часы-луковку, вытасненные из нагрудного кармана кителя, Лавр Георгиевич сказал:

- Пора выступать, Михаил Васильевич.
- Пора, Лавр Георгиевич.

Разобрав стоявшие в козлах винтовки и кавалерийские карабины, закинув за плечи «тощие» вещевые мешки, генералы и офицеры армейского штаба вышли на ночную улицу и торопливо зашагали мимо утонувших в ночной темени домов туда, где уже выстраивались в походном порядке части белой Добровольческой армии. Она оставляла Ростов, чтобы в скором времени, с боем вернуться в него.

Идущий за генералом Корниловым текинец нес трехцветный флаг, сшитый за несколько часов до выступления в поход из девяти аршин белой, синей и красной материи. «До тех пор пока флаг этот развевался — Россия еще существовала». Этот стяг государственных цветов неизменно следовал за Лавром Георгиевичем до самой его гибели под Екатеринодаром. Дальнейшая судьба этой белогвардейской святыни не известна.

Ростов в ту ночь казался вымершим. Добровольцы уходили из негостеприимного города в полном молчании, готовые в

любую минуту дать отпор внезапно появившемуся противнику. Но обошлось без пролития крови. Лишь где-то в ночи то там, то здесь на городских окраинах слышались одиночные выстрелы. Большинству думалось одно: куда мы идем, что ждет нас впереди?

Из Ростова в грозном, тревожном молчании уходили в морозную, заснеженную донскую степь Корниловский ударный полк подполковника Неженцева, Георгиевский полк полковника Кириенко, Офицерские батальоны полковников Кутепова, Борисова, Тимановского, Лаврентьева, Юнкерский батальон капитана Парфенова, Ростовский добровольческий полк генерала Боровского, кавалерийские дивизионы полковников Гершельмана и Глазенапа...

Преемник Лавра Георгиевича на посту командующего Добровольческой армией генерал-лейтенант А.И. Деникин так описывал в своих воспоминаниях уход добровольцев из Ростова:

«Мы уходили.

Покружив по вымершему городу, мы остановились на сборном пункте — в казармах Ростовского полка (ген. Боровского), в ожидании подхода войск. Еще с утра Боровский предложил ростовской молодежи — кто желает — вернуться домой: впереди тяжелый поход и полная неизвестность. Некоторые ушли, но часть к вечеру вернулась: «все соседи знают, что мы были в армии, товарищи или прислуга выдадут».

Долго ждем сбора частей. Разговор не клеится. Каждый занят своими мыслями, не хочется думать и говорить о завтрашнем дне. И как-то странно даже слышать доносящиеся иногда обрывки фраз — таких обыденных, таких далеких от переживаемых минут.

Двинулись, наконец, окраиной города. По глубокому снегу. Проехали мимо несколько всадников. Один остановился. Доложил о движении конного дивизиона. Просит Корнилова сесть на лошадь.

— Спасибо, не надо.

Из боковых улиц показываются редкие прохожие и, увидев силуэты людей с ружьями, тотчас же исчезают в ближайших воротах. Вышли в поле, пересекаем дорогу на Новочеркасск. На дороге — безнадежно застрявший автомобиль генерала Бо-

ровского. С небольшим чемоданчиком в руках он присоединяется к колонне. Появилось несколько извозчичьих пролеток. С них нерешительно сходят офицеры, по-видимому, задержавшиеся в городе. Подошли с опаской к колонне и, убедившись, что свои, облегченно вздохнули:

— Ну, слава те, Господи! Не знаете, где 2-й батальон?

Вышли на дорогу в Аксайскую станицу. Невдалеке от станицы встречает квартирьер:

— Казаки «держат нейтралитет» и отказываются дать ночлег войскам.

Корнилов нервничает:

— Иван Павлович, поезжайте, поговорите с этими дураками.

Не стоит начинать поход «усмирением» казачьей станицы. Романовский повернул встречные сани, пригласил меня, поехали вперед. Долгие утомительные переговоры сначала со станичным атаманом (офицер), растерянным и робким человеком, потом со станичным сбором: тупые и наглые люди, бестолковые речи. После полуторачасовых убеждений Романовского согласились впустить войска с тем, что на следующее утро мы уйдем, не ведя боя у станицы. Думаю, что решающую роль в переговорах сыграл офицер-ординарец, который отвел в сторону наиболее строптивного казака и потихоньку сказал ему:

— Вы решайте поскорее, а то сейчас подойдет Корнилов — он шутить не любит: вас повесят, а станицу спалят.

Утомленные переживаниями дня и ночным походом, добровольцы быстро разбрелись по станице. Все спят. У Аксая — переправа через Дон по льду. Лед подтаял и трескается. Явился тревожный вопрос — выдержит ли артиллерию и повозки.

Оставили в Аксайской арьергард для своего прикрытия и до окончания разгрузки вагонов с запасами, которые удалось вывезти из Ростова, и благополучно переправились. По бесконечному гладкому снежному полю вилась темная лента. Пестрая, словно цыганский табор: ехали повозки, груженные наспех ценными запасами, плелись какие-то штатские люди; женщины в городских костюмах и в легкой обуви вязли в снегу. А вперемежку шли небольшие, словно случайно затерянные среди «табора», войсковые колонны — все, что осталось от великой некогда русской армии... Шли мерно, стройно. Как они

одеты! Офицерские шинели, штатские пальто, гимназические фуражки; в сапогах, валенках, опорках... Ничего — под нищенским покровом живая душа. В этом — все.

...Солнце светит ярко. Стало теплее. Настроение у всех поднялось: вырвались из Ростова, перешли Дон — это главное, а там... Корнилов выведет.

Он здоровается с проходящими частями. Отвечают радостно. И затем, пройдя несколько шагов, продолжают нескладную, но задушевную песню:

Дружно, корниловцы, в ногу,
С нами Корнилов идет;
Спасет он, поверьте, отчизну,
Не выдаст он русский народ.

Молодежь, порыв, вера в будущее и вот эта крепкая здоровая связь с вождем проведут через все испытания...»

Поздно вечером основные силы Добровольческой армии сосредоточились в большой задонской станице Ольгинской. Здесь командующий армией генерал Корнилов, дав своим бойцам четыре дня на отдых, провел реорганизацию войск:

— Белая армия должна иметь стройность. Как старая русская армия. Организационную неразбериху мы оставим красным...

Вся пехота добровольцев сводилась в три полка, которые по численности равнялись разве что батальону по штатам военного 1914 года. Офицерским полком силой в 570 штыков командовал генерал С. Д. Марков, бывший начальник штаба фронта. Он был сформирован из понесших в последних боях тяжелые потери 1-го, 2-го и 3-го Офицерских батальонов, Военно-морской роты, дивизиона смерти Кавказской кавалерийской дивизии, ставшего пешим.

Во главе Партизанского полка (около тысячи человек) был поставлен генерал А.П. Богаевский. Полк был создан из пеших донских партизанских отрядов.

Во главе Корниловского ударного полка (тоже около тысячи штыков) остался полковник М.О. Неженцев. В ряды ударников-корниловцев были влиты остатки Георгиевского полка (первоначально сформирован в Киеве перед октябрём 1917 года)

полковника А.К. Кориенко и партизанский отряд полковника Симановского.

Юнкерский батальон был отдан под командование генерал-майора Боровского. Он был составлен из прежнего Юнкерского батальона капитана Парфенова и Ростовского студенческого полка. Полк такое название получил при своем формировании, хотя собственно студентов в нем было мало.

Кавалерию объединили в четыре отряда (дивизиона) примерно равной численности. Всего набралось более 800 конников. Один отряд был офицерским, второй состоял из конных партизан полковника Чернецова, третий — из донских казаков партизанских отрядов Краснянского, Бокова, Лазарева и других, присоединившихся к Добровольческой армии в станице Ольгинской, четвертый отряд был сводным.

Был создан артиллерийский дивизион в составе десяти расчетов трехдюймовых орудий. На каждый ствол имелось всего по шесть снарядов. Дивизионом командовал полковник С.М. Икишев. По воспоминаниям Деникина, дивизион состоял из четырех батарей по два орудия в каждой. Их командирами были Миончинский, Шмидт, Ерогин и Третьяков. По Деникину, артиллерийских снарядов в начале похода имелось не более 600—700.

В составе армии появился чехословацкий инженерный батальон. Он был отдан под политическое «управление» штатского инженера Краля. Командовал им капитан австро-венгерской армии чех Иван Францевич Немчек, сдавшийся в плен русским в крепости Перемышль.

На то время белая Добровольческая армия была по численности меньше пехотного полка образца военного 1914 года более чем на полторы тысячи человек. По численности кавалерии — меньше кавалерийского или казачьего шестисотенного полка. В артиллерийском дивизионе полевых орудий имелось на треть меньше, чем было положено по штатам военного времени...

В станице Ольгинской командующий Корнилов приказал штатским оставить армию. Многие из них были членами семей офицеров.

Состав белой Добровольческой армии, этого детища Алексеева и Корнилова, был поразителен не только для отечествен-

ной военной истории. Из 3700 бойцов ее, которые покидали Ростов-на-Дону, 36 были генералами и 242 — штаб-офицерами, то есть старшими офицерами. 20 из них числилось за Генеральным штабом.

Половина армии — 1848 человек заслужили офицерские погоны на фронтах Первой мировой войны. Из них штабс-капитанов было 251, поручиков — 394, подпоручиков — 535, прапорщиков — 668, в том числе произведенных из юнкеров старших курсов.

Нижних чинов в белой армии числилось 1067 человек. Из них кадетов и юнкеров — 437. При войсках находилось 118 гражданских беженцев и большое число врачей и медицинских сестер.

Реорганизация Добровольческой армии лишней раз продемонстрировала силу воли ее командующего. Причин для недовольства Корниловым в этом случае было немало. Командиры отдельных батальонов переходили на положение ротных, многие ротные — на положение командиров взводов. Однако понижение в должности многих начальников протеста не вызвало, поскольку офицеры-добровольцы были людьми воинского долга.

Генерал-майор Марков, к примеру, так высказался по поводу понижения командиров:

— Не много же вас здесь, — обратился он к собравшимся в первый раз офицерским батальонам. — По правде говоря, из трехсоттысячного офицерского корпуса я ожидал увидеть больше. Но не огорчайтесь. Я глубоко убежден, что даже с такими малыми силами мы совершим великие дела. Не спрашивайте меня, куда и зачем мы идем, а то все равно скажу, что идем к черту за «синей птицей». Теперь скажу только, что приказом командующего армией, имя которого хорошо известно всей России, я назначен командиром 1-го Офицерского полка, который сводится из ваших трех батальонов и из роты моряков, хорошо известной нам по боям под Батайском. Командиры батальонов переходят на положение ротных командиров; но и тут, господа, не огорчайтесь. Ведь и я с должности начальника штаба фронта фактически перешел на батальон.

...Четверо суток стоянки в станице Ольгинской ушли не только на реорганизацию армии, но и на спешное комплек-

тование обозов. Без них добровольческие части могли оказаться в крайне затруднительном положении, особенно в случае транспортировки раненых и больных. В то же время «серьезных» запасов патронов, снарядов и провианта армия не имела.

Обозных лошадей и повозки покупали у местного населения с большим трудом и за большие деньги. Реквизиций не проводилось. Генералы Корнилов и Алексеев единодушно отказались от такого способа снабжения армии.

Из-за инфляции, особенно за время существования правительства А.Ф. Керенского, бумажный рубль равнялся пяти довоенным копейкам. Станичники и местные крестьяне-иногородние под любым предлогом уклонялись от продажи хлеба, лошадей, скота, фуража и других продуктов за обесцененные ассигнации. И с удовольствием соглашались на натуральный обмен на промышленные товары, то есть какие-то вещи.

В казне у генерала Алексеева находилось кредитных билетов и казначейских обязательств всего на 6 млн рублей. Они легко умещались в его походном чемодане и карманах нескольких его адъютантов-«деньгонош». Но для содержания даже такой небольшой армии, по численности меньшей одного пехотного полка первых трех лет Первой мировой войны, этих миллионов давно обесцененных бумажных денег было совершенно недостаточно.

Один из корниловцев, полковник А.А. фон Лампе, возглавлявший подпольный Добровольческий центр в Харькове, который занимался переброской белых офицеров на Дон, оставил после себя сборник статей под общим названием «Пути верных», опубликованный в Париже только в 1960 году. В одной из них он пытается объяснить поражение армий Белого движения в Гражданской войне. Его рассуждения прямо касались существования Добровольческой армии при первом ее командующем Л.Г. Корнилове:

«...Окраины (России. — А.Ш.), естественно привлекавшие к себе взгляды тех русских людей, которые не захотели подчиниться установленной в центре диктатуре, не знали большевизма, то есть, вернее, не знали результатов практического его применения к шкуре обывателя. Они не испытали прелестей советского рая и не смогли дать полного напряжения,

чтобы предотвратить надвигавшиеся на них испытания и мучения.

Население этих областей, конечно, знало войну, которая утомила всю Россию; население знало и революцию, которая дала так называемые «свободы», принесенные ею! Население с легкой руки солдат, знавших на фронте только декларацию прав, но не обязанностей солдата, знало только о своих правах и совершенно не представляло себе, что права эти все еще связаны с какими-то обязанностями.

На территории этого населения шла настоящая война, Гражданская война с ее выстрелами, которые не всегда попадают только в тех, кто борется на линии огня; с ее репрессиями не только по отношению к людям и их имуществу, но и самим селениям, которые иногда, в процессе боя, беспощадно и неизбежно сравниваются с землей...

Население должно было поступиться своими правами, своими удобствами. Армия белых не была той снабженной и организованной армией, которую мы привыкли представлять себе, произнося это слово; немедленно по соприкосновении с населением она вынуждена была брать у него подводы, лошадей, запасы и, наконец, самих людей!

...Все это сводилось к тому, что неудобства, приносимые белыми, восстанавливали население против них.

...Вот почему так легко верили красной пропаганде, изображавшей полуголоое и голодное (и в прошлом, и в настоящем) русское офицерство, составлявшее кадры белых армий, как «помещиков», «банкиров» и т.д.

Недостатки... в сфере административного управления, финансовых мер и аграрных распоряжений — принимались как злонамеренность; и в результате население, не только в лице крестьянской массы, но порой и городской интеллигенции... сначала не шло дальше пожелания проходившим белым — «Помоги вам Пресвятая Богородица», и совершенно не хотело принять на себя хоть часть этой «помощи», а потом начинало мечтать об избавлении, которое, конечно, должно было прийти с красной стороны, ибо иного ничего не было!

В конечном результате получилось совершенно нелепое, но одинаково типичное для всех белых фронтов положение:

Когда уходили красные — население с удовлетворением подсчитывало, что у него осталось...

Когда уходили белые — население со злобой высчитывало, что у него взяли...

Красные грозили и грозили весьма недвусмысленно взять все и брали часть — население было обмануто и... удовлетворено. Белые обещали законность, брали немного — и население было озлоблено...

Белые несли законность, и потому им ставилось всякое лыко в строку...

Если красные «работали» дубиной по обывательским головам, несли революционный режим, грабили «награбленное», уничтожали остатки старого режима и... казнили и убивали за все без исключения, за всякий намек на сопротивление, то белые, быть может в силу своего наименования (данного им, как и их противникам, самую жизнью), «работали» в белых перчатках, насаждали законы, призывали к их исполнению и тем самым сами же связывали себе руки и не получали сочувствия уже распущенного и развращенного демагогией населения.

Красные обещали все, белые только то, что полагалось по закону...

Красные в виде аргумента и меры убеждения имели террор и пулеметы; белые угрожали... законом.

Красные отрицали решительно все и возвели в закон произвол; белые, отрицая красных, конечно не могли не отрицать и применяемые красными методы произвола и насилия...»

Белогвардеец А.А. фон Лампе, побывавший в свое время в застенках гестапо, отказавшийся служить Гитлеру, в течение двенадцати возглавлявший в эмиграции Российский общевойсковой союз (РОВС), сумел понять «прозу» Гражданской войны.

Во время отдыха в донской станице Ольгинской состоялся военный совет, который обсудил дальнейшие планы. В работе совета приняли участие генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Романовский, Лукомский, Марков и несколько строевых офицеров, приглашенных лично командующим. Присутствовал и походный атаман Донского казачьего войска генерал Попов.

Обсуждалось будущее Белого движения на российском Юге. Нужно было выработать стратегию и тактику, от которых во многом зависел исход начавшейся Гражданской войны.

Военный совет открыл генерал Корнилов. Он предложил обсудить два варианта плана ближайших действий Добровольческой армии. В одном случае она шла походом на Кубань для соединения с местными белыми добровольцами. Во втором случае — уходила в зимовники Донского войска, располагавшиеся к юго-западу от станицы Великокняжеской.

Такое предложение внесли походный атаман донского казачества генерал-майор П.Х. Попов и его начальник штаба В.И. Сидорин. Их отряд в составе 1500 бойцов при 5 орудиях и 40 пулеметах уходил в зимовники. Они звали с собой союзников-добровольцев, чтобы весной начать оттуда наступление против советских войск и поднять общедонское казачье восстание.

При походе на город Екатеринодар добровольцам предстояло два раза переходить железную дорогу. Вернее — прорываться через нее около станций Кагальницкой и Сосыка. Но в таком случае противник будет отлично осведомлен о движении белых и преградит им путь бронированными поездами, которых у него имелось достаточно.

Поход в Кубанский край предстоял трудный. Начинаясь весенняя распутица, при условии, что половина обоза на полозьях, затрудняла бы движение. Заменять лошадей будет трудно. Санитарный обоз был просто не в состоянии принять большое число раненых.

Еще меньше тактических выгод давало предложение Попова и Сидорина. В зимовниках Добровольческая армия была бы вскоре зажата вскрывшимся Доном и железной дорогой Царицын — Торговая — Тихорецкая — Батайск. Все железнодорожные узлы и выходы грунтовых дорог были бы заняты большевиками. Это лишило бы армию возможности получить пополнение людьми, оружие и продовольствие.

Генералы Корнилов и Лукомский были за уход в зимовники вместе с отрядом Попова. Против этого решительно выступили Алексеев и Деникин. Они считали, что Степной район годен только для партизанских действий. Монолитность Добровольческой армии в случае зимовки в задонской степи

будет нарушена. Зимовники удалены друг от друга, не обеспечены жильем и топливом.

Корнилову пришлось согласиться с доводами Деникина и Алексеева. Степной район, кроме немолотого зерна, сена и скота, не давал ничего для удовлетворения армейских нужд. Наконец, трудно было рассчитывать на то, что большевики оставят белогвардейцев в покое в зимовниках, а не постараются уничтожить по частям разрозненные части армии корниловцев.

Перспектива продолжения вооруженной борьбы против Советов на Кубани представлялась более реальной. Добровольцы ожидали встретить там не только богатый край, но и сочувственно настроенное казачество, борящуюся против сил красных местную власть и добровольческие силы, которые, как показали последующие события, «значительно преувеличивались молвой».

На военном совете в станице Ольгинской командующий Добровольческой армией генерал Л.Г. Корнилов утвердил решение идти на Кубань, в поход на столицу Кубанского казачьего войска город Екатеринодар.

Донской отряд походного атамана Петра Харитоновича Попова уходил в зимовники. Но большая часть донских партизанских отрядов по своей воле оставалась под корниловскими знаменами. Это был, как потом писалось, «выбор души» калединских партизан, которые всю зиму сражались бок о бок с добровольцами.

Корнилов сделал предложение Попову присоединиться к Добровольческой армии. Но походный атаман ответил вежливым отказом. Он объяснил, что, считаясь с настроением своих войск и начальников, не может покинуть землю родного Дона. А потому решил в его степях подождать пробуждение казачества, которое обязательно должно подняться против власти большевиков.

Правда, партизаны-калединцы говорили, что атаманское честолюбие удерживало Попова от подчинения Корнилову.

На четвертый день генерал Корнилов отдал приказ выступить из Ольгинской. На центральной станичной улице армия построилась полками, батальонами, батареями отрядами. Конники спешили. В морозном воздухе раздался далеко слы-

шимый призывный сигнал — звук серебряной георгиевской трубы:

«На молитву!»

В замерших рядах белой армии добровольцы, от седого генерала до юного кадета, сняли фуражки и папахи. На плечи в погонах упали башлыки. В установившейся тишине эхом пронеслось:

«Отче наш...»

Так начинался 1-й Кубанский поход корниловской Добровольческой армии, получивший в истории Гражданской войны в России название «Ледяного».

Отправился из Ольгинской в свой степной поход и донской атаман, будущий генерал Попов. До весны он соберется в зимовниках с силами, а затем совершит конный рейд по станицам нижнего Дона, в которых была установлена советская власть. В Сальских степях он сразу же начнет деятельную подготовку антибольшевистского восстания в покинутых белыми казаками станицах и хуторах...

Народному комиссару по военным и морским делам В.А. Антонову-Овсеенко, который командовал советскими войсками, направленными на подавление «каледищины», стало известно о выступлении Добровольческой армии из станицы Ольгинской в тот же день. 28 февраля он отдал красному командиру Ласкину следующее телеграфное распоряжение «об уничтожении корниловцев, отступающих из станицы Ольгинской»:

«Отправьте несколько истребителей для уничтожения колонны корниловцев, идущих по дороге из станицы Ольгинской через Хомутовскую и Кагальницкую, проверьте и направление от Ольгинской на Манычскую. Корниловцы идут подводами, истреблять их без пощады. Ольгинская и так далее, в 20 или 30 верстах к востоку от железной дороги Ростов — Тихорецкая, наши войска занимают железную дорогу. Извести меня о получении этой телеграммы.

Нарком Антонов».

...Белоэмигрантские военные историки по-разному оценивают решение вождей Белого движения Корнилова и Алексе-

ева выступить в 1-й Кубанский поход. Авторитетный исследователь русского зарубежья генерал Н.Н. Головин считал принятое в станице Ольгинской решение «редкой стратегической ошибкой».

На Северном Кавказе, в Кубанской области добровольцы встретили серьезного противника. Эвакуированные зимой того года с Кавказского фронта войска оказались там «запертыми». Они (прежде всего ушедшая с фронта 39-я пехотная дивизия) и стали основой формирования 11-й Красной армии.

Пока добровольцы шли по Кубани, председатель Реввоенсовета Республики Советов Лев Троцкий сформировал в центре России огромную и хорошо вооруженную Рабоче-Крестьянскую Красную армию. С ней и столкнется белая Добровольческая армия, когда начнет наступление с кубанской земли...

Перед выступлением в поход командующий и верховный руководитель Добровольческой армии предупреждали своих командиров:

— Казачество Кубанской области если не теперь, то в скором будущем станет опорой Белого движения...

— Необходимо особенно осторожное отношение к станицам. Реквизиций не применять... Доносить до кубанцев идеи Белого движения надо словом, а не угрозой оружия...

Генерал Деникин так впоследствии отзывался об этих требованиях Корнилова и Алексеева:

«...Мера, психологически полезная для будущего, ставила в тупик органы снабжения. Мы просили крова, просили жизненных припасов — за дорогую плату, не могли достать ни за какую цену сапог и одежды, тогда еще в изобилии имеющих-ся в станицах, для босых и полуодетых добровольцев; не могли получить достаточно подвод, чтобы вывести из Аксая остатки армейского имущества.

Условия неравные: завтра придут большевики и возьмут все — им отдадут даже последнее беспрекословно, с проклятиями в душе и с униженными поклонами.

Скоро на этой почве началось прискорбное явление армейского быта — «самоснабжение». Для устранения или, по крайней мере, смягчения его последствий командование вынуждено было перейти к приказам и платным реквизициям...»

Из Ольгинской Добровольческая армия выступила в направлении станицы Егорлицкой. До нее было 88 верст санного пути. Степь была покрыта, куда ни глянь, снежной белизной. Генерал Алексеев сначала бодро шел в голове походной колонны, опираясь на палку. Но годы давали себя знать, как и запущенная болезнь почек с ее тяжелыми приступами. Когда он почувствовал себя в пути плохо, его адъютант ротмистр Шапрон настоял на том, чтобы Михаил Васильевич сел на повозку:

— Ваше превосходительство. Прошу вас от имени Лавра Георгиевича отдать мне ваш карабин и сесть на сани. Ложитесь, будьте любезны, не упорствуйте.

— Спасибо за заботу, Алексей. Придется выполнить приказание командующего. Мне действительно сегодня дурственно.

— Устраивайтесь поудобнее, Михаил Васильевич. Сейчас я найду вам для постели хоть какой-нибудь клочок сена...

Над походной колонной добровольцев, не теряясь в красках морозного дня, реял трехцветный российский флаг. Авангард составил Корниловский ударный полк. Его бойцы имели малиново-черные фуражки и погоны с «ударными» красно-черными знаками-углами (шевронами) на рукавах шинелей и гимнастерок. Часть пути генерал Корнилов проделал в рядах элитного полка старой русской армии, носившего его имя.

За корниловцами-ударниками двигался другой полк. Основными цветами марковского Офицерского полка были черный и белый. Черный означал «Смерть за Родину». Белый цвет — «Воскресение России».

88 верст «Ледяного» похода стали для добровольцев тяжелейшим испытанием, но их бодрость духа была удивительной. Они шли по заснеженной дороге с песней, которая называлась «Молитвой офицера».

После начальных, печальных строк:

На родину нашу нам нету дороги,
Народ наш на нас же, на нас же восстал.
Для нас он воздвиг погребальные дроги
И грязью нас всех закидал.

Последние слова «Молитвы офицера» белой Добровольческой армии звучали так:

...Когда по окопам от края до края
Отбоя сигнал прозвучит,
Сберется семья офицеров родная
Последнее дело свершить.
Тогда мы оружие свое боевое,
Награды, что взяты, что взяты в бою,
Глубоко зароем под холодной землейю
И славу схороним свою...

Описание начала боев в 1-м Кубанском походе Добровольческой армии оставил генерал А.И. Деникин:

«...У Хомутовской Корнилов пропускает колонну. Маленькая фигура генерала уверенно и красиво сидит в седле на буланом английском коне. Он здоровается с проходящими частями. Отвечают радостно. Появление Лавра Георгиевича, его вид, его обращение вызывают у всех чувство приподнятости, готовности к жертвам. Корнилова любят, перед ним благоговевуют.

В станице Егорлицкой Добровольческую армию встретили достаточно приветливо. Многие семьи проявили заботу о раненых, выделили продовольствие для войск. На полном станичном сборе выступили Алексеев и Корнилов, объяснив положение в России и цели Добровольческой армии.

Егорлицкая была последней станицей Донской области. Дальше начиналась Ставропольская губерния, занятая частями ушедшей с фронта 39-й пехотной дивизии. Здесь еще не было советской власти, но были местные советы, анархия и ненависть к кадетам. Корнилов потребовал ускорить движение, по возможности избегать боев.

...В Лежанке путь преградил красногвардейский отряд с артиллерией. По команде генерала Маркова офицерский полк развернулся и, не останавливаясь, пошел в атаку, прямо на деревню, опоясанную линиями окопов. Огонь батареи становится беспорядочным, ружейный и пулеметный — все более плотным. Цепи останавливаются и залегают перед болотистой, оттаявшей речкой.

В обход села выдвигается Корниловский полк. За ним с группой всадников устремляется и сам Лавр Георгиевич с развернутым трехцветным флагом. В рядах волнение. Все взоры обращены туда, где виднеется фигура главнокомандующего. Вдоль большой дороги совершенно открыто юнкера подполковника Миончинского подводят орудия прямо к цепи. Наступление, однако, задерживается.

Но вот офицерский полк не выдерживает: одна из рот бросается в холодную, липкую грязь речки и переходит вброд на другой берег. По полю бегут в панике люди, мечутся повозки, скачет батарея. Корниловский полк, вышедший к селу с запада через плотину, вместе с офицерским преследуют красноармейцев...»

В тех же «Очерках Русской смуты» описывается такой эпизод после боя за ставропольское село Лежанку:

«У дома, отведенного под штаб, на площади, с двумя часовойми-добровольцами на флангах, стояла шеренга пленных офицеров-артиллеристов квартировавшего в Лежанке большевистского дивизиона.

Вот она, новая трагедия русского офицерства!..

Мимо пленных через площадь проходили одна за другой добровольческие части. В глазах добровольцев — презрение и ненависть. Раздаются ругательства и угрозы. Лица пленных мертвенно бледны. Только близость штаба спасает их от расправы.

Проходит генерал Алексеев. Он взволнованно и возмущенно упрекает офицеров. И с его уст срывается тяжелое бранное слово. Корнилов решает участь пленных:

— Предать полевому суду.

Оправдания обычны: «не знал о существовании добровольческой армии...», «не вел стрельбы...», «заставили служить насильно, не выпускали...», «держали под надзором семью...»

Полевой суд счел обвинение недоказанным. В сущности, не оправдал, а простил. Этот первый приговор был принят в армии спокойно, но вызвал двойное отношение к себе. Офицеры поступили в ряды нашей армии...»

В последующих боях Добровольческой армии в ходе Гражданской войны пленные офицеры, мобилизованные в ряды Красной армии, как правило, сразу же «призывались» в ряды

белых. Расстрелу подлежали только члены партии большевиков, участники октябрьского переворота или те, чья вина в развале русской армии на фронте была доказана их бывшими сослуживцами.

Что же касается пленных красноармейцев из числа рядовых, а также мобилизованных противной стороной специалистов (врачей, фельдшеров, инженеров, телеграфистов, паровозных бригад и т.д.), то они после «чистки», проводимой контрразведкой, становились пополнением белых армий. Из бывших красноармейцев формировались не только отдельные роты и батальоны, но и целые полки, входившие в состав Добровольческой армии.

Подобная кадровая политика с неизбежной «чисткой» военнопленных, впрочем, проводилась и советским командованием. В рядах Красной армии, особенно к концу Гражданской войны, воевали многие десятки тысяч бывших белых военнослужащих, в том числе и офицеры, сдавшиеся в плен или перешедшие на сторону красных войск.

Командование Добровольческой армии всерьез ожидало, что противная сторона встретит белых сразу же на границе Кубанской области. Или же, по крайней мере, выставит сильные, маневренные заслоны с артиллерией, которая у красных насчитывала больше ста стволов. На коротком военном совете Алексеев сказал:

— Не надо быть большим стратегом, чтобы понять простую истину: красному командованию нет резона пускать добровольцев на Кубань...

Армейский командующий Корнилов приказал быть осторожнее. Вперед, по степной дороге, были высланы конные разъезды. Они «добежали» до ближайших хуторов и осмотрели с холмов округу. Вернувшись, доложили:

— Ваше превосходительство. Путь для армии чист. На десять верст вперед и больше никаких войск не замечено...

Это было серьезной ошибкой командования советских войск. Ему не следовало «выпускать» корниловцев с Дона. Добровольцы вступили в богатый Кубанский край. Он встретил их радушно, накормив и напоив измученных переходом по зимней степи людей. В отличие от Дона первые же станицы и хутора дали белой армии долгожданные пополнения в людях.

Например, станица Незамаевская выставила конный казачий отряд в полторы сотни шашек. Кубанские пластуны-фронтовики начали пополнять добровольческую пехоту. Приветливо встретило белую армию население станиц Старо-Леушковской и Иркиевской.

Станичные сходы здесь были враждебно настроены по отношению к большевикам и потому тепло встретили генерала Корнилова, «прирожденного казака» из сибирских земель. Но так было не везде, о чем Корнилова не раз предупреждал в походе генерал Алексеев.

Генерал Алексеев оказался прав. 1 марта 1918 года при подходе к станице Березанской авангард добровольческих войск был обстрелян из окопов, вырытых за одну ночь. В них засели не красногвардейцы или солдаты, ушедшие с Кавказского фронта, а местные казаки-кубанцы и иногородние, проживавшие в этой станице и решившие отбиться от «кадетов». Такое решение было принято на станичном сходе.

Бой за Березанскую был краток. Добровольческая артиллерия, экономя снаряды, сделала прицельно залп-другой по линии окопов и удачно накрыла их. После этого, утопая по колено в весеннем, начавшем подтаивать снегу, в атаку на взгорье дружно пошли цепи корниловцев и марковцев, готовые к самой крайности — рукопашной схватке. Патроны было приказано беречь.

Взятием станицы Березанской руководил генерал-майор Сергей Леонидович Марков.

Когда он, приметный по своей огромной белой папахе, в сопровождении конных адъютантов влетел на окраину станицы, то сразу понял, что сопротивления не будет. Марков приказал одному из адъютантов:

— Господин поручик. Лети к командующему. Скажи Лавру Георгиевичу, что Березанская взята. Потери — считанные единицы...

Победа получилась почти бескровной и достаточно убедительной. Те из местных казаков, что сидели в окопах, после второго орудийного залпа разошлись по домам, попрятав оружие. Иногородним рассчитывать на снисхождение не приходилось, и они покинули станицу, уйдя на близкие Выселки.

Корнилов с Алексеевым «доверили» наказание казаков, сидевших в окопах, станичным старикам, представшим перед генералами в полной казачьей форме, при шашках и кинжалах, с Георгиевскими крестами и медалями за последнюю Турецкую войну на груди, а кое-кто и за Кавказскую. Командующий Добровольческой армией только и сказал станичной старшине, которую казаки-фронтовики обидно не уважили на последнем сходе:

— Старики. Вы — казаки и я, генерал Корнилов, — казак. Провинившихся сегодня судите сами. Даю вам на то полное право. Как скажете — так и будет.

Те оказались коротки на казачью расправу. Весь вечер в станичном правлении старики пороли ногайками «молодежь», забывшую присягу «Богу, царю и Отечеству»...

Действия командующего Добровольческой армией по организации похода на Кубань, умелое маневрирование походной колонной получили высокую оценку даже советских специалистов. В 20-е годы в Москве вышел труд под названием «Гражданская война. 1918—1921», авторами которого являлись два полковника старой русской армии, два генштабиста, служившие в Красной армии (первый командующим армией, второй главнокомандующим Вооруженными силами республики, в конце 30-х годов оба они были репрессированы), — Н.Е. Какурин и И.И. Вацетис. Они писали:

«При своем движении Корнилову пришлось считаться с опасностью встречи с советскими войсками в районе железной дороги Ростов — Тихорецкая — Торговая или опасаться их возможного преследования. Искусно избегая встречи с крупными советскими силами, располагавшимися в эшелонах по железнодорожным линиям и в крупных узлах путей, Корнилов вступил в пределы Кубанской области...»

За станицей Журавской добровольцев ожидало первое серьезное «фортификационное препятствие». Но все обошлось. В один день была удачно преодолена железная дорога, по которой ходили бронированные поезда красных с артиллерийскими установками. Один такой бронепоезд все же вышел на колонну белых, но его остановили на безопасной дальности, взорвав железнодорожное полотно.

Одержав верх в скоротечном бою у станицы Усть-Лабинской, добровольцы вышли на берега Кубани и с ходу форсиро-

вали ее. После этого белая армия, не обремененная обозами и артиллерией, повернула на юг. Вот здесь-то она и встретила действительно упорное, ожесточенное сопротивление.

Перед этим у станицы Кореновской белым пришлось выдержать тяжелый бой с красногвардейским отрядом численностью до десяти тысяч бойцов. Им командовал красный кубанский казак из станицы Петропавловской, бывший военный фельдшер, есаул Иван Лукич Сорокин.

Офицер-фронтовик Сорокин в течение 1918 года последовательно занимал следующие должности: командир казачьего революционного отряда, помощник командующего Юго-Восточной революционной армией, помощник главнокомандующего войсками Кубанской Советской республики, командующий Ростовским боевым участком, главнокомандующий Красной армией Северного Кавказа, временно исполняющий делами 11-й Советской армии.

Большевистские правительства Кубанской Советской республики, Кубано-Черноморской Советской республики и Северо-Кавказской Советской республики относились к бывшему казачьему офицеру с недоверием. Член партии социалистов-революционеров (эсеров) Иван Сорокин стремился выйти из-под политического контроля всех этих правительств, стремясь захватить на Северном Кавказе, Кубани и Тереке неограниченную личную власть.

Такое стремление обернулось для него скорой гибелью. После того, как по его приказу в городе Пятигорске в октябре 1918 года была арестована группа советских и большевистских руководителей, он был объявлен вне закона как предатель и смещен с должности. Сорокин был арестован в Ставрополе, заключен в местную тюрьму, где его застрелил «по невыясненной причине» один из конвоиров...

Имя генерала Корнилова становилось все более популярным на благодатном российском Юге. Заседавший в Армавире Кубанский военно-революционный комитет, проводивший в крае большевистскую линию, встревожило появление белых.

В поселках иногородних и во многих станицах стали спешно формироваться красногвардейские отряды. В них записалась и часть казаков-фронтовиков. Эта воинская сила сразу же приступила к решению «задач местного значения». Начались

аресты офицеров, «крепких стариков», изъятие хлебных излишков. Но прежде всего занялись разоружением казачьих станиц. Изымалось все оружие, вплоть до пик и кинжалов. Были произведены первые расстрелы, зачастую без суда и следствия.

Кубанский ревком знал, что делал. Когда началось антибольшевистское восстание одиннадцати станиц Ейского отдела и казачье ополчение двинулось на городок Ейск, то оно оказалось почти безоружным. Один из белоэмигрантов так описывал это событие:

«У казаков было не более десяти винтовок на сотню, остальные вооружались чем могли. Одни прикрепили к длинным палкам кинжалы или заостренные полоски железа, другие сделали из железных вил что-то вроде копий, третьи вооружались остройгой, а иные просто захватили лопаты и топоры...»

Связи с белыми кубанцами все не было. Посланные к ним для связи из Ольгинской генералы Лукомский и Ронжин, переодетые в штатское, были арестованы в селе Гуляй-Борисовке и едва спаслись от расстрела. В обстановке неизвестности командующий Добровольческой армией стремился пробиться в предгорья Кавказа, в район черкесских аулов. Туда же звали непроверенные слухи о том, что крупный кубанский добровольческий отряд действует в горных лесах. И сейчас находится где-то близ Горячего Ключа.

Но все же главной целью 1-го «Ледяного» Кубанского похода оставался город Екатеринодар, в котором у власти находилось правительство так называемых «автономистов» во главе с Лукой Бычом. Но военной силы правительство Кубанской области почти не имело. А на полпути к Екатеринодару, в недалеком от него Майкопе, сосредоточивались красногвардейские отряды, чтобы стать заслоном перед корниловской армией.

Ситуация менялась на глазах. Многолюдные кубанские станицы, через которые проходили добровольцы, все реже давали серьезные пополнения, хотя и встречали здесь белых с чувством откровенной радости. Так было, например, в большой станице Некрасовской на берегу реки Лабы, которую отряд красногвардейцев после бурного митинга оставил без

боя. Он отошел к селу иногородних Филипповскому, из которого округой управлял «Армейский военно-революционный комитет».

Однако далеко не все командиры красных отрядов поступали так. Когда авангард белой армии подступил к переправе через реку Лабу, из камышей и с ближайшей высоты по добровольцам был открыт сильный ружейный и пулеметный огонь. Генерал Корнилов, прискакавший к месту начавшегося боя, приказал форсировать реку только ночью.

Подходившие к Лабе добровольческие части благодаря такой «встрече» получили день отдыха. На одном из приречных хуторов собрался военный совет армии. На нем решался только один вопрос: как перехитрить большевиков, переиграть их неожиданной тактической задумкой? Было решено ночью форсировать реку, оставив противника в уверенности, что белые идут еще дальше на юг. Перейти реку Белую и оттуда резко повернуть на запад в область черкесских аулов и местонахождения отрядов кубанских добровольцев.

— Нам надо переиграть противника, пока тот не силен в тактике. Есть предложение, Лавр Георгиевич.

Военный совет Добровольческой армии единогласно принял план, предложенный генералом Алексеевым. Во время заседания в дверях появился дежурный офицер корниловского походного штаба. Он доложил, что Корниловский полк после небольшой огневой стычки овладел селом Филипповским. Отряды Сорокина отошли, но начали скапливаться поблизости. Так что предстоял скорый бой...

Оказавшись в Закубанье, Добровольческая армия столкнулась с бедами, от которых во время пребывания в Новочеркасске и на Дону их «спасал» атаман Каледин. Армейское интендантство только налаживалось. Походных кухонь и котлов было мало. Приходилось рассчитывать только на гостеприимство казачьих станиц.

К середине похода в казне, которая хранилась у генерала Алексева, не осталось мелких разменных денег. Приварочные деньги и оклады стали выдавать коллективно на 5—8 человек сперва тысячерублевыми купюрами, а потом и пятитысячными. Такие крупные банковские билеты, которые не имели хождения среди селян, вызывали недоверие местного

населения, когда добровольцы пытались купить у него продукты питания, одежду и обувь.

Выход в таких случаях находился помимо воли командования. Гражданская война поразила противоборствующие стороны болезнью, которая в приказах называлась «самообеспечением». Генерал А.И. Деникин писал:

«Голод, холод и рваные отрепья — плохие советчики, особенно, если село брошено жителями на произвол судьбы. Нужда была поистине велика, если даже офицеры, изранив вконец свои полубосые ноги, не брезговали снимать сапоги с убитых большевиков».

Областными белыми добровольцами командовал достаточно решительный и смелый человек — военный летчик и георгиевский кавалер, штабс-капитан Виктор Леонидович Покровский, бывший командир 17-го армейского авиационного отряда в Риге, имевший самые лестные отзывы о боевой работе в воздухе. Правительство Кубанской области за победу в бою у станции Эйнем произвело штабс-капитана, воздухоплатателя-фронтовика сразу в казацки полковники. Вскоре Кубанская рада произвела его в генерал-майоры. Деникин отзывался о нем так:

«Покровский был молод, малого чина и военного стажа и никому не известен. Но проявлял кипучую энергию, был смел, жесток, властолюбив и не очень считался с «моральными пред-рассудками»...

Как бы то ни было, он сделал то, чего не сумели сделать более солидные и чиновные люди: собрал отряд, который один только представлял собой фактическую силу, способную бороться и бить большевиков».

Еще в феврале М.В. Алексеевым был послан порученец, который сумел 25-го числа пробраться в город, окруженный почти со всех сторон войсками красных. Атамана Кубанского казачьего войска, пока полковника, в будущем генерал-лейтенанта Александра Петровича Филимова, имевшего три диплома: московского Александровского училища, Военно-юридической академии и Императорского Археологического института, просили любой ценой продержаться в столице Кубани до подхода Добровольческой армии. В противном случае ее 1-й «Ледяной» Кубанский поход терял первоначальный смысл и цель.

Казалось бы, что стоило кубанским добровольцам удержать город считанные дни. Но вечером 28 февраля областное правительство, атаман и добровольцы Покровского, уже генерал-майора, оставили Екатеринодар, переправившись на левый берег реки Кубань.

На следующий день, 1 марта, в Екатеринодар без боя вступили красные войска. Потеря столицы Кубанского края сильно ударила по престижу Белого движения на юге России.

Деникин писал: «Это был тяжелый удар для всей армии. Терялась идея всей операции, идея простая, понятная всякому рядовому добровольцу, накануне ее осуществления: до Екатеринодара оставалось всего два-три перехода. Гипноз «Екатеринодара» среди добровольцев был весьма высок, и разочарование, казалось, должно было отразиться на духе войск...»

Генерал Корнилов и его генералитет поняли: Добровольческая армия, говоря языком оперативников Генерального штаба, попала в «стратегическое окружение». Вырваться из него можно было только ценой жизни многих добровольцев.

5 марта с наступлением сумерек корниловская армия, соблюдая полнейшую тишину, двинулась за усть-лабинскую переправу. Марш совершался холодной ночью. Было решено остановиться на привал в станице Раздольной, но на рассвете отряды красных заняли соседнюю станицу Кореновскую, установили на ее окраине батарею и стали обстреливать добровольческий арьергард, состоявший из Юнкерского батальона генерал-майора Боровского. Походная колонна двинулась дальше.

Верстах в двух от станицы Усть-Лабинской армейский авангард остановился. Разведка донесла, что на ее окраине расположились крупные неприятельские силы. Большевиками занята и железнодорожная насыпь, которая господствовала над низменной местностью. С нее ружейным и пулеметным огнем хорошо простреливалась вся приречная низина.

Уже после Гражданской войны исследователи скажут, что тот маневр Добровольческой армии, осуществляемый по тактическому замыслу ее командующего, «отличался смелостью почти безрассудной».

Ситуация складывалась критическая. Сзади напирали отряды Сорокина, грозившие вот-вот опрокинуть Юнкерский

батальон. Впереди находились занятая врагом станица, длинная, узкая дамба в виде железнодорожной насыпи длиной в 2—3 версты и большой мост через реку, который мог в любую минуту быть взорван или сожжен. К Усть-Лабинской шла железная дорога от Екатеринодара и станции Кавказской, откуда красные могли подбросить значительные подкрепления и бронепоезда.

Начался бой в северном и южном направлении от остановившейся походной колонны белых. К востоку и западу от нее на виду у всех маячили конные разъезды красных, грозя появлением значительных сил кавалерии. Кольцо окружения все теснее и теснее сжималось вокруг нескольких тысяч добровольцев, которые теперь защищали свой обоз, остановившийся посреди поля и уже обстреливаемый артиллерией. А в обозе кочующей армии тогда находилось уже до 500 раненых и больных. К концу «Ледяного» похода их число достигнет полутора тысяч, не считая беженцев и так называемого «небоевого элемента» в виде общественных деятелей, следовавших за Добровольческой армией и ждавших своего «победного часа».

Генерал Корнилов чутко относился к раненым и болел за них душой. Одним своим видом командующий вносил успокоение в сердца страдальцев, лишенных элементарной медицинской помощи, так как не было ни медикаментов, ни хирургического инструмента, ни перевязочного материала, ни антисептических средств.

Раненые добровольцы испытывали невероятные страдания не только от постоянных перевозок. Они умирали от заражения крови и от невозможности сделать им операции. «Смерть витала над лазаретом, и молодые жизни боролись с ней не раз исключительно только силою своего духа».

Иногда в походе обстановка в армейском лазарете была настолько тяжелой, что раненые, теряя самообладание, угрожали лазаретному персоналу револьверами.

Чтобы прорваться через Усть-Лабинскую, генерал Корнилов послал в атаку полк ударников и юнкеров. Они овладели железнодорожной насыпью и стали охватывать станицу с двух сторон. От Усть-Лабы показался конный парламентар: станичники соглашались пропустить «кадетов» без боя. Но в это время к мосту подошел бронепоезд красных, пушки которого пове-

ли огонь шрапнелью. Со станции Кавказской подошел эшелон, который стал спешно разгружаться. Вскоре со станичной окраины по подходившим добровольцам ударили с новой силой пулеметные очереди, затрещали ружейные выстрелы.

«Опять Корнилов в жестоком огне, и Марков горячо нападает на штаб:

— Уведите вы его, ради бога. Я не в состоянии вести бой и чувствовать нравственную ответственность за его жизнь.

— А вы сами попробуйте, Ваше Превосходительство...»

К тому времени Корниловский ударный полк уже ворвался в станицу, захватил полностью дамбу и перешел по мосту реку Кубань. Армейская походная колонна тронулась вперед. Добровольцы вырвались из кольца окружения, получив возможность продолжать свой марш-бросок. Командующий решил остановиться на ночлег только в станице Некрасовской, когда за сутки с боем было пройдено 40 верст. Уставшие люди, не дожидаясь квартиреров, засыпают прямо на улицах, чтобы утром проснуться от артиллерийских залпов своих преследователей.

Некоторое время спустя генералу Корнилову доставят номер официального рупора Екатеринодарского Совета газеты «Известия». На первой полосе говорилось о последних событиях Гражданской войны в Кубанской области:

«После обхода станции Тихорецкая Корнилов продвинулся к Выселкам. Советские войска умелым маневром окружили здесь корниловцев. К сожалению, по топографическим условиям местности, не удалось создать тесного кольца... и Корнилов вынужден был (пойти) через имевшуюся отдушину к востоку по дороге со станции Кореновской на станцию Усть-Лабинскую, имея своей задачей пробиться к Майкопу...»

Белогвардейцы снова заперты в кольце войск, еще более тесном...

Они мечутся, стараясь нащупать наиболее слабое место среди кольца революционных войск, чтобы, найдя его, пробиться к какому-нибудь мало-мальски крупному городскому центру, где можно было бы хоть временно опереться...

Час расплаты Корнилова, Алексева и всех главарей, находящихся в его отряде, стал ближе».

Что касается отрядов войскового атамана Филимонова и генерала Покровского, то в «Известиях» писалось, что, «разбитые под Екатеринодаром, они рассеялись по направлению Эйнама и Георгие-Афипской к востоку... и никакой угрозы собой представлять не могут».

10 марта при переправе через реку Белую добровольцам пришлось выдержать один из самых серьезных боев за все время «Ледяного» похода. Под жестоким огнем по переправе на противоположный берег перешли Корниловский ударный и Партизанский полки, Чехословацкий инженерный батальон. На горном гребне, который тянулся вдоль дороги на станицу Рязанскую, завязалась огневая схватка. Вскоре чехословаки, расстреляв все патроны, стали отходить с высот. Их командир капитан Немчек кричит солдатам:

— Дале изем немохль уступоват. Я зустану зде до целе сам («Дальше я не могу отступать: останусь здесь хотя бы один»).

Корнилов, руководивший боем, посылает на помощь бойцам капитана Немчека свой личный конвой. Затем без промедления шлет «психологическое подкрепление»: команду в 100—120 человек из обозников, «по наружному виду способных драться». Части раненых в санитарном обозе раздаются винтовки.

Боевая ценность такого «психологического подкрепления» была невелика. Корнилов это понимал прекрасно. Но появление на поле брани всякой новой «силы» одним своим видом всегда производит впечатление на своих и чужих. Чехословакам доставляют из обоза немного патронов.

Бой шел весь день с неопределенным «перемещающимся» успехом: слишком неравными были силы сторон. Весь день батареи красных обстреливали горный гребень, место речной переправы и лощину, где словно врос в землю и замер обоз белых. Орудия добровольцев отвечали редко, одиночными выстрелами. В артиллерийском отделе тыла угрожающе таял и без того небольшой запас патронов и снарядов. Под вечер корниловцы нанесли контрудар и отбросили неприятеля от реки. Кольцо окружения вновь было прорвано. Походная колонна стала втягиваться в образовавшуюся «отдушину».

Добровольческая армия встала на ночевку в брошенной жителями станице Рязанской. Здесь корниловский штаб полу-

чает подтверждение: кубанские добровольцы из отряда Покровского ведут бои в районе аула Шенджи верстах в 40—60 от Рязанской. Но чтобы вовремя соединиться, требовалось спешить. И генерал Корнилов вновь ведет армию по тяжелым дорогам так быстро, как позволяли ему «путы» в виде обоза и походного лазарета...

Генерал-майор Покровский, численность отряда которого все время колебалась от двух до четырех тысяч (за счет ухода и прихода станичников), захватив Пашковскую переправу, попытался было удержаться на противоположном от города берегу Кубани. Но после двухдневных боев, отчаявшись в ожидании подхода корниловцев, Покровский снял заслон у екатеринодарского железнодорожного моста. Он отступил от речного берега и увел своих добровольцев к черкесскому аулу Вочепший.

Подошедшие туда красные отряды нанесли кубанским «кадетам» поражение. Тем пришлось, бросив обозы, по бездорожью уходить в горы к станице Калужской. После жаркого боя, в котором приняли участие даже спешно вооруженные обозники и члены Кубанской рады, она была взята. Здесь к атаману Филимонову и генерал-майору Покровскому прибыл конный разъезд Добровольческой армии.

14 марта в соседнем со станицей черкесском ауле Шенджи состоялась встреча командного состава Добровольческой армии и белых кубанцев. На встречу с кубанцами прибыли генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Романовский и Эрдели. Вопрос обсуждался только один: об объединении.

Шенджийская встреча началась как деловое совещание командного состава Добровольческой армии с командиром Кубанского белого отряда. Корнилова прежде всего интересовала практическая сторона дела: состояние кубанских добровольцев, их численность и организация, вооружение. Только потом Лавр Георгиевич сказал, обращаясь к Покровскому:

— Мы готовы влить белые кубанские войска в состав Добровольческой армии при одном обязательном условии.

— Каком именно?

— При полном подчинении ваших войск командующему армии.

Последние слова, как было видно, смутили казачьего генерала. Он начал скромно и настойчиво возражать против такого требования, высказанного бывшим Верховным главнокомандующим как нельзя категорично:

— Но правительство Кубанской области желает иметь собственную армию. Это соответствует конституции края...

— Господин генерал! О какой конституции Кубанского края может сейчас идти речь, когда кругом льется кровь.

После этих слов Лавр Георгиевич поднялся с лавки и сказал генералу Покровскому внушительно и резко:

— Одна армия и один командующий. Иного положения я не допускаю. Так и передайте своему правительству.

Докладывать Кубанскому правительству генерал-майору Покровскому не пришлось: оно уполномочило его принять решение об объединении двух белых воинских сил. Хотя вопрос формально оставался еще какие-то дни открытым, стратегическая ситуация требовала немедленных совместных действий. Тут же было решено, что обозы на следующий день, 15-го числа, соединятся в станице Калужской, а добровольцы и кубанцы с двух сторон атакуют станицу Ново-Дмитриевскую. После разгрома в ней крупных сил большевиков и произойдет фактическое объединение.

Станица Ново-Дмитриевская была взята без помощи кубанских добровольцев — отчаянной атакой Офицерского полка генерал-майора Маркова. Он не стал дожидаться начавшейся в пять часов утра переправы через речку Партизанского донского казачьего полка и подхода застрявших где-то в черноземной грязи батарей. Марков решил за всех сам:

— Ну, вот что, батальонные. Ждать нам некогда. В такую ночь без крыш тут все подохнем на морозе в поле. Идем в станицу.

И Офицерский полк, развернутый в цепь, двинулся по пахоте, еще подернутой ночным ледком, к Ново-Дмитриевской. С ее окраины ударил убийственный огонь пулеметов и многих сотен винтовок. Добровольцев выручило то, что немалая часть красного отряда, не ожидавшего столь внезапной штыковой атаки, грелась в ту морозную ночь по домам...

Только ночь прервала жаркий бой. Утром красные войска со стороны соседней станицы Григорьевской беспорядочно

атаковали Ново-Дмитриевскую, но были отброшены, понеся большие потери.

После проигранного боя в поле красные батареи со стороны Григорьевской стали обстреливать оставленную ими станицу. Так продолжалось все дни, пока белые оставались в Ново-Дмитриевской. Батареи добровольцев молчали: снаряды были на исходе.

Через день после боя в станицу Ново-Дмитриевскую на новое совещание по поводу соединения двух армий — Добровольческой и Кубанской приехали представители Кубани. Хотя армиями они были только по названию.

Как оказалось, краевое правительство и законодательная рада «политической» ситуацией в своих войсках не владели. Перед ними в станицу прискакали два добровольца из отряда генерала Покровского: совсем молодые пехотный подпоручик и казачий хорунжий. Но оба с Георгиевскими крестами. Попросились к командующему, но Корнилов в это время находился на передовой, в марковском полку. В станичном правлении, где разместился армейский штаб, прибывших кубанских добровольцев принял генерал Алексеев:

— Кубанский отряд прислал нас сказать, что мы готовы подчиниться только генералу Корнилову.

На продолжение переговоров приехали войсковой атаман Филимонов, генерал-майор Покровский, глава краевого правительства Быч, председатель Кубанской рады Рябовол и его заместитель Султан-Шахим-Гирей, происходивший из знатного черкесского рода. Более представительной делегации от несоветской Кубани быть просто не могло.

От Добровольческой армии переговоры вели трое: Корнилов, Алексеев и Деникин. Последний больше молчал, чтобы через несколько лет в своих мемуарах «Поход и смерть генерала Корнилова» написать следующее:

«Начались томительные и нудные разговоры, в которых одна сторона вынуждена была доказывать элементарные основы военной организации, другая в противовес выдвигала такие аргументы, как «конституция суверенной Кубани», необходимость «автономной армии» как опоры правительства и т.д. Они не договаривали еще одного своего мотива — страха перед личностью Корнилова: как бы вместе с кубанским отрядом он не

поглотил и их призрачной власти, за которую они так цепко держались. Этот страх сквозил в каждом слове.

На нас после суровой, жестокой и простой обстановки похода и боя от этого совещания вновь повеяло чем-то старым, уже, казалось, похороненным, напоминавшим лето 1917 года, — с бесконечными дебатами революционной демократии, докончившей разложение армии. Зиму в Новочеркасске и Ростове — с разговорами донского правительства, дум и советов, подготавливавшими наступление на Дон красных войск Сиверса...»

Закончили совещание... разрывы снарядов на станичной площади. Это батареи красных у станицы Григорьевской дали очередной залп по станице Ново-Дмитриевской. Осколок разбил оконное стекло. Разрывом другого снаряда снесло ворота дома, в котором шли переговоры. Генерал Алексеев сказал гостям, показав на окна, выходящие на станичную площадь:

— Надо решать, господа кубанцы, сейчас же. Большевики не ждут, и война идет не за вашей спиной...

Итоговый протокол объединительного совещания в станице Ново-Дмитриевской выглядел так:

«...1. Ввиду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены кубанскому правительственному отряду, для объединения всех сил и средств признается необходимым переход кубанского правительственного отряда в полное подчинение генерала Корнилова, которому предоставляется право реорганизовать отряд, как это будет признано необходимым.

2. Законодательная рада, войсковое правительство и войсковой атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям командующего армией.

3. Командующий войсками Кубанского края с его начальником штаба отзывается в состав правительства для дальнейшего формирования Кубанской армии.

Подписали:

генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Эрдели, полковник Филимонов, Быч, Рябовол, Султан-Шахим-Гирей».

Началось соединение двух добровольческих армий. В ближайшие дни, в ходе которых не стихали бои за обладание Ново-Дмитриевской, в станицу прибывали кубанские добровольческие части. Они насчитывали 2185 человек, из них офицеров — 1835, казаков — 350 человек.

Командующий Добровольческой армией генерал Л.Г. Корнилов провел реформирование наличных сил. Теперь белая армия получила следующую, четкую, организацию:

1-я бригада, которой командовал генерал-майор С.Л. Марков, состояла из следующих частей:

Офицерский полк.

1-й Кубанский стрелковый полк.

1-я инженерная рота.

1-я и 4-я артиллерийские батареи.

2-я бригада, которой командовал генерал-майор А.П. Богаевский, состояла из следующих частей:

Корниловский ударный полк.

Партизанский полк.

Пластунский батальон.

2-я, 3-я и 5-я артиллерийские батареи.

Конная бригада, которой командовал генерал-майор И.Э. Эрдели, состояла из следующих частей:

1-й Конный полк.

Кубанский полк (сперва — отдельный дивизион).

Черкесский конный полк.

Конно-артиллерийская батарея.

В состав ни одной из этих трех бригад не был введен Чехословацкий инженерный батальон. Он начал формироваться в Ростове в декабре 1917 года из добровольцев Чехословацкого корпуса — чехов и словаков, проживавших в этом городе. На начало февраля следующего года он насчитывал около ста человек при двух пулеметах. Кроме того, в марте в его состав вошел Карпато-русский добровольческий отряд (41 человек). Часть чинов батальона составляла личный конвой генерала Алексева.

Командовал батальоном бывший капитан австро-венгерской армии чех Иван Францевич Немчек. После возвращения

на родину он дослужился до звания полковника чехословацкой армии, служа в штабе Пражского военного округа. Политическим руководителем воинской части был штатский инженер Краль. Белые чехи и словаки сражались в рядах Добровольческой армии до марта 1919 года, когда после оборонительных боев под городом Мариуполем они эвакуировались из России вместе с французскими частями.

...После проведенной реорганизации Добровольческая армия, состоявшая теперь из трех бригад, имела в своих рядах до 6 тысяч бойцов. Командование армии беспокоило то, что численность обоза удвоилась, а это самым негативным образом влияло на маневренность армии.

Корнилов собрал военный совет армии. На нем предстояло решать судьбу Екатеринодара: брать город кровопролитным штурмом или в походном движении обойти его стороной? Было известно от агентурной разведки, допросов пленных, взятых под Ново-Дмитриевской, что в столице Кубани сосредоточены значительные красноармейские силы, которые все время наращивались. В руках большевиков находилась и вся железнодорожная сеть Северного Кавказа.

Военный совет принял следующее решение: бороться с Советами сегодня можно только одним способом — по-суворовски атаковать и только атаковать. План штурма Екатеринодара был составлен лично генералом Корниловым. Город являлся целью «Ледяного» похода. В случае успеха Екатеринодар становился белой столицей, откуда Добровольческая армия могла начать борьбу за Кубань и Терек, за Дон... и за Москву. Таковы были планы Лавра Георгиевича, его единомышленника М.В. Алексеева, «быховских узников».

Цель Екатеринодарской наступательной операции, по замыслу командующего Добровольческой армией генерала Корнилова, заключалась в следующем:

Во-первых, следовало разбить крупные отряды противника, действовавшие южнее Екатеринодара, для того, чтобы обеспечить возможность переправы на левый берег реки Кубань и увеличить запасы патронов и снарядов за счет большевистских складов.

Во-вторых, внезапным ударом захватить большую станицу Елизаветинскую в 18 верстах к западу от Екатеринодара. Это

был пункт, в котором имелась только паромная переправа, но белых здесь красные не ожидали. Кроме того, елизаветинские казаки сторонниками большевиков не считались, и можно было рассчитывать на их поддержку.

В-третьих, переправиться, пусть даже с боем, через реку Кубань и атаковать сам город Екатеринодар, штурмуя его без устали до победного конца.

Закончив изложение плана екатеринодарской операции, генерал Корнилов заметил следующее:

— Ближайших к Екатеринодару переправ имеется две. Это деревянный мост у станицы Пашковской, где вел бой Покровский. Но там большевики должны нас поджидать. И железнодорожный мост у самого города. Но атака его, как мне подсказали наши инженеры, представляет непреодолимые технические трудности. Сегодня же командиры бригад получают от меня боевые распоряжения.

Генерал Алексеев сказал:

— Мы с Лавром Георгиевичем верим в ваших бойцов. В их мужество, стойкость в бою, в твердость духа. И в то, что их не надо агитировать за кровавый штурм...

Бои за столицу Кубанского казачьего войска оказались намного тяжелее, чем предполагало белое командование.

Екатеринодарская операция началась успешно. В двадцатых числах марта бригада генерала Богаевского после упорного и кровопролитного боя захватила станицы Григорьевскую и Смоленскую. Конная бригада генерала Эрдели налетом успешно овладела большой станицей Елизаветинской, часть казаков которой сразу же примкнула к белым, вооружившись припрятанными винтовками и шашками и сев на коней.

Но на рассвете 24-го числа внезапной атаки станицы Георгие-Афипской бригадой генерала Маркова не получилось. Когда голова наступающей колонны подошла к станице, быстро рассвело. Дозоры красных сразу же заметили наступающих в открытом поле. Была объявлена тревога.

Марковцев, еще не успевших развернуться для атаки, накрыл убийственный артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь. В обстреле участвовал и показавшийся за поворотом бронепоезд. Из станицы, расположенной на возвышенном

месте, хорошо просматривались группы людей на заснеженном поле. В числе первых пулевое ранение в ногу получил генерал Романовский, находившийся в окружении командующего армией.

Положение спас бригадный командир. Генерал Марков приказал колонне укрыться за высокой насыпью железной дороги, которая проходила поблизости по заливным лугам. Эта насыпь и надежно укрыла добровольцев от обстрела на несколько часов. Впереди виднелась окраина станицы, опоясанная протекавшей в совершенно отвесных, хотя и в не очень высоких, берегах речки Шебш с единственным через нее мостом.

Только начинающееся наступление на Екатеринодар приостановилось. Тогда генерал Корнилов приказал генералу Богаевскому обойти станицу Георгие-Афипскую с запада.

Станица Георгие-Афипская была взята атакой двух пехотных бригад добровольцев. Ее гарнизон насчитывал свыше пяти тысяч красногвардейцев с артиллерией и бронепоездами. На железнодорожной станции белые захватили склад боеприпасов с почти 700 артиллерийскими снарядами. Они и оказались самыми драгоценными трофеями. Снаряды у добровольцев были уже на исходе.

На площади Георгие-Афипской станицы генералы Корнилов и Алексеев провели благодарственное построение бригад, участвовавших в победном бою. Когда Лавр Георгиевич стал благодарить командира Партизанского донского казачьего полка генерала Бориса Ильича Казановича, командовавшего на фронте дивизией сибирских стрелков, за взятие станицы и железнодорожной станции, тот ответил так:

— Никак нет, ваше превосходительство. Всем успехом мы обязаны Митрофану Осиповичу Неженцеву, командиру ударного полка, который носит ваше имя...

Войска Добровольческой армии стали стягиваться к станице Елизаветинской, к паромной переправе через Кубань. Встал вопрос, какими силами форсировать реку и переходить на левобережье, где стоял Екатеринодар. Было решено переправить на противоположный берег бригаду генерала Богаевского и конницу генерала Эрдели. Они составляли первый атакующий эшелон. Марковцам предстояло прикрывать армейские тылы

со стороны аула Панахес, где скапливались силы красных. В такой ситуации треть войск добровольцев оставлялась на левобережье. Они могли принять участие в общем штурме только тогда, когда армейский обоз, сотни раненых окажутся на противоположном берегу.

Переправа Добровольческой армии через полноводную Кубань в станице Елизаветинской шла трое суток, днем и ночью. Местный паром брал или около 15 конников, или 4 повозки с лошадьми, или полсотни человек с оружием. Обнаружили еще один небольшой паром, правда с неисправным тросом, а также с десятков рыбацких лодок.

За трое суток на противоположный берег перевезли около девяти тысяч добровольцев, обозников, беженцев, до четырех тысяч лошадей и 600 повозок, артиллерийских орудий с упряжками, зарядных ящиков. Красные батареи подошедшего к станице Елизаветинской отряда сорокинских войск стали обстреливать место переправы только в самый последний день, 27 марта. Но было уже поздно.

В тот день командование белых вместе с кубанским правительством обсудило вопросы, связанные с занятием Екатеринодара. О том, что он будет взят, в Добровольческой армии говорили как о чем-то неизбежном и не допускающем сомнений. Кубанцы-автономисты больше слушали своих коллег, сами предлагали мало. Совещание в отсутствие Корнилова вел генерал Алексеев. Оно закончилось назначением генерал-лейтенанта А.И. Деникина екатеринодарским генерал-губернатором.

В тот же день генерал Л.Г. Корнилов приказал правлениям окрестных станиц выставить и немедленно прислать в состав Добровольческой армии определенное число вооруженных казаков, пеших и конных. Больше всего людей, как и ожидалось, выставила станица Елизаветинская.

Это был хороший признак: Кубанский казачий край откликнулся на призыв командующего белой армией. Теперь многое зависело от того, будет или не будет взята столица Кубани.

Глава 15

ШТУРМ ЕКАТЕРИНОДАРА. ГИБЕЛЬ. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ

Атака Екатеринодара началась еще до окончания переправы всех армейских сил и обозов. Наступление на город повела бригада генерала Богаевского. Корниловский ударный и Партизанский полки, пластунский батальон кубанцев, развернувшись в цепи, пошли вперед. Красногвардейцы стали отступать и остановились только в трех верстах от окраины Екатеринодара на линии пригородных хуторов. Здесь они имели выигрышную позицию.

Партизанские батальоны донцев генерала Казановича, наступавшие вдоль дороги на Екатеринодар, захватили пригородный кирпичный завод. К ночи командир 2-й бригады оставил здесь только усиленное боевое охранение с пулеметами, а остальных людей, измотанных за день боя, отвел на ночлег в близкую станицу Елизаветинскую.

Под вечер в армейский штаб пришло донесение, что действующие на правом крыле добровольческие батальоны в жестком бою на городской окраине взяли кожевенный завод. В схватке за него отличился батальон 1-го Кубанского стрелкового полка под командованием полковника П.К. Писарева, бывшего помощника 42-го Донского казачьего полка, в начале Гражданской войны записавшегося рядовым в партизанский отряд Краснянского. Во врангелевской русской армии он был комендантом Севастополя и командиром 1-го армейского (Добровольческого) корпуса.

Затем начались кровавые схватки за одиноко стоявшую на берегу Кубани образцовую ферму екатеринодарского сельскохозяйственного общества. Ее брали комбинированной атакой ударники-корниловцы Неженцева, кубанские пластуны пол-

ковника Улагая и донские партизаны Барбовича. В том бою с обеих сторон «пало много храбрых».

Корниловский штаб незамедлительно перебрался на ферму и разместился в ее единственном небольшом жилом домике в четыре комнаты, замаскированном небольшой рощицей безлистных тополей. Было тревожно: от конной бригады генерала Эрдели, которая пошла в обход Екатеринодара, до сих пор не поступало никаких известий. А штурм города откладывать никак было нельзя. Упущенное время с самого начала боев за столицу Кубанского края играло против белой армии.

С фермы открывалась панорама многолюдного города. Отчетливо виднелись контуры отдельно стоявших домов предместий, кладбище и Черноморский вокзал. Все это опоясывала неровная линия окопов. По частым вспышкам оружейных выстрелов угадывались позиции артиллерийских батарей. В отличие от противника, красные пушки снарядов не жалели. От больших потерь добровольцев спасала только низкая точность стрельбы.

На рассвете следующего дня 2-я бригада генерала Богаевского, покинув гостеприимных елизаветинцев, стала вновь выдвигаться на позиции для атаки. Стоявшие на высотке у фермы генералы Корнилов, Алексеев, Деникин и Романовский в напряженном ожидании начала нового боя наблюдали, как недалеко от фермы, утопая в грязи, проходили роты Корниловского ударного и Партизанского полков.

Перед атакой Корнилов усилил ударников Неженцева двумя сотнями пеших кубанских казаков: полк его имени в предыдущий день понес большие потери. Лавра Георгиевича беспокоило то, что среди мобилизованных казаков оказалось мало фронтовиков, все больше молодежь, которая хотела драться с большевиками, но боевого опыта не имела.

Наконец от генерала Эрдели, не сразу розыскав армейский штаб, прискакал долгожданный гонец. Он доложил о том, что белая конница захватила северное городское предместье под названием «Сады», перерезала там железнодорожный путь и сейчас направляется к станице Пашковской, стоявшей на речном берегу к востоку от Екатеринодара, в десяти верстах от него. Станица была известна своим враждебным отношением к советской власти.

Это была обнадеживающая весть. От пашковцев добровольцы ожидали весомой помощи. Действительно, казачье восстание в ближнем тылу у многотысячного екатеринодарского гарнизона сулило белым самые благоприятные перспективы.

Посоветовавшись со штабистами, генерал Корнилов назначил штурм Екатеринодара на 16 часов 30 минут. Переправившаяся через Кубань последней 1-я бригада генерала Маркова должна была атаковать полевые позиции красных у артиллерийских казарм. Генерал Богаевский должен был наступать на хорошо видимый с поля Черноморский вокзал.

Начался штурм Екатеринодара. Белые батареи редким огнем подготовили штурм артиллерийских казарм на окраине города. Марковцы яростной атакой берут окопы и закрепляются у оставленных противником казарм. Дальше для добровольцев последовали полные драматизма события.

Во время атаки Корниловского полка погиб его командир — полковник Митрофан Осипович Неженцев, когда он поднимал своих бойцов в атаку на окопы красных, которые опоясывали рваной линией городскую окраину. Потеря Неженцева значила для добровольцев страшно много.

Смерть командира полка ударников потрясла Лавра Георгиевича. Он лишился не только бесстрашного человека, но и одного из самых способных своих военачальников. Корнилов сразу стал угрюм и задумчив. Ни разу с момента получения печального известия шутка не срывалась с его уст, никто не видел больше его улыбки. Когда к штабу на повозке подвезли тело полковника Неженцева, командующий склонился над ним, долго с глубокой тоской глядел ему в безжизненное лицо. Потом перекрестил погибшего и поцеловал его, прощаясь как с любимым сыном...

Партизанский полк генерала Казановича с ходу ворвался в город, дошел до Сенной площади и в суматохе боя оказался в тылу у екатеринодарского гарнизона, который почти весь «сидел» в окопах. Белым партизанам-донцам пришлось с боем прорываться из Екатеринодара назад: поддержать их успех было некому.

Четвертый день кровопролитных боев за столицу Кубани результата штурмующим добровольцам не дал. Вечером в тес-

ной комнатке командующего на ферме собрался военный совет. Присутствовали: генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Романовский, Марков, Богаевский и донской атаман полковник Филимонов.

Помрачневший за эти дни Корнилов предоставил слово начальнику штаба армии Романовскому. Тот доложил военному совету, что, по данным разведки штаба, силы большевистского командования составляют в боевой линии до 18 тысяч бойцов при 2—3 бронепоездах, 2—4 гаубицах и 8—10 легких орудиях. Отряды противника постоянно пополняются и сменяются в окопах.

Дальше Романовский обрисовал безрадостную картину состояния Добровольческой армии. Противник во много раз превосходит белогвардейцев. Корниловские войска понесли тяжелые потери, в особенности в командном составе. Части до крайности утомлены физически и морально трехдневным боем.

Офицерский полк еще сохранился. Кубанский стрелковый сильно потрепан. От Партизанского в строю оставалось чуть более 300 штыков. Еще меньше людей набиралось в Корниловском ударном полку. Полк понес наибольшие потери. Корниловцев после гибели Неженцева принял полковник Кутепов.

Генерал Романовский был откровенен:

— Замечается редкое для добровольцев явление — утечка из боевой линии в тыл. Мобилизованные казаки расходятся по домам.

Боевое обеспечение армии выглядело просто удручающим. Снарядов в обозе уже не имелось: последний их запас разделили между батареями. Такая же картина была и с винтовочными патронами: их раздали бойцам. Романовский не скрывал правды, что и без того скудный армейский боезапас к этому дню был исчерпан. Этой фразой начальник штаба Добровольческой армии и закончил свой доклад.

В комнате наступило молчание. Все понимали, что командующий, заставив начальников лишний раз прочувствовать бедственную картину положения, не отказался от штурма Екатеринодара. Корнилов глухим голосом, но резко и отчетливо сказал:

— Положение действительно тяжелое. И я не вижу другого выхода, как взятие Екатеринодара. Поэтому я решил завтра

на рассвете атаковать по всему фронту. Как ваше мнение, господа?

Все участники военного совета, кроме одного генерала Алексева, ответили отрицательно. Михаил Васильевич сказал тихим, но твердым голосом:

— Город Екатеринодар является целью Кубанского похода Добровольческой армии. Если мы откажемся от назначенной цели, значит, признаем поход нашей боевой и моральной неудачей.

Генерал-лейтенант А.И. Деникин так описывает тот военный совет:

«Мы чувствовали, что первый порыв прошел, что настал предел человеческих сил и об Екатеринодар мы разобьемся: неудача штурма вызовет катастрофу; даже взятие Екатеринодара, вызвав новые большие потери, привело бы армию, еще сильную в поле, к полному распылению ее слабых частей для охраны и защиты большого города. И вместе с тем мы знали, что штурм все-таки состоится, что он решен бесповоротно.

Наступило тяжелое молчание. Его прервал Алексеев:

— Я полагаю, что лучше будет отложить штурм до послезавтра; за сутки войска несколько отдохнут, за ночь можно будет произвести перегруппировку на участке Корниловского полка; быть может, станичники еще подойдут на пополнение.

На мой взгляд, такое половинчатое решение, в сущности прикрытое колебание, не сулило существенных выгод: сомнительный отдых в боевых цепях, трата последних патронов и возможность контратаки противника. Отдаляя решительный час, оно сглаживало лишь психологическую остроту данного момента. Корнилов сразу согласился.

— Итак, будем штурмовать Екатеринодар на рассвете 1 апреля.

Участники совета разошлись сумрачные. Люди, близкие к Маркову, рассказывали потом, что, вернувшись в свой штаб, он сказал:

— Наденьте чистое белье, у кого есть. Будем штурмовать Екатеринодар. Екатеринодара не возьмем, а если и возьмем, то погибнем.

После совещания мы остались с Корниловым вдвоем.

— Лавр Георгиевич, почему вы так непреклонны в этом вопросе?

— Нет другого выхода, Антон Иванович. Если не возьмем Екатеринодара, то мне останется пустить себе пулю в лоб.

— Этого вы не можете сделать. Ведь тогда остались бы брошенными тысячи жизней. Отчего же нам не оторваться от Екатеринодара, чтобы действительно отдохнуть, устроиться и скомбинировать новую операцию? Ведь в случае неудачи штурма отступить нам едва ли удастся.

— Вы выведете...

Я встал и взволнованно проговорил:

— Ваше превосходительство! Если генерал Корнилов покончит с собой, то никто не выведет армии — она вся погибнет.

Кто-то вошел, и мы уже не dokonчили этого разговора.

В тот же вечер Корнилов как будто продолжил его с прибывшим с позиций в резерв Казановичем:

— Я думаю, — сказал Корнилов, — завтра повторить атаку всеми силами. Ваш полк (Партизанский. — *А.Ш.*) будет у меня в резерве, и я двину его в решительную минуту. Что вы скажете?

Казанович ответил, что, по его мнению, тоже следует атаковать, и он уверен, что атака удастся, раз Корнилов лично будет руководить ею.

— Конечно, — продолжал Корнилов, — мы все можем при этом погибнуть. Но, по-моему, лучше погибнуть с честью. Отступление теперь тоже равносильно гибели: без снарядов и патронов это будет медленная агония».

В последующем исследователи Гражданской войны скажут, что генерал Алексеев на том военном совете поддержал Корнилова только из солидарности.

Новый штурм города не состоялся. На рассвете 31 марта артиллерия красных обстреляла район фермы, где находился штаб белых. Один из снарядов пробил стену в комнате, где за столом сидел Корнилов, и разорвался. Один осколок поразил Лавра Георгиевича в висок, второй ударил в правое бедро. Через несколько минут военного вождя Белого движения не стало.

«Неприятельская граната попала в дом только одна, только в комнату Корнилова, когда он был в ней, и убила только его одного».

Тело Корнилова вынесли на носилках из штабного домика. Вокруг него собрались все, кто находился в эти минуты на ферме. Подъехал генерал Алексеев, который с утра был у бойцов донского Партизанского полка. О смерти Корнилова он узнал только в последнюю минуту. Михаил Васильевич, стараясь не терять присутствия духа, обратился к помощнику погибшего командующего Добровольческой армией генерал-лейтенанту Деникину:

— Антон Иванович, принимайте тяжелое наследство. Помоги вам Бог!

Первым нарушил молчание Михаил Васильевич:

— Скрыть гибель Лавра Георгиевича от бойцов армии до вечера мы не сможем. Надо готовить приказ по армии о нашей общей с вами утрате.

Такой приказ был написан, незамедлительно разослан в добровольческие части и там оглашен при полном молчании слушавших его людей. Приказ гласил:

«Параграф 1.

Неприятельским снарядом, попавшим в штаб армии, в 7 часов 30 минут 31 сего марта убит генерал Корнилов. Пал смертью храбрых человек, который любил Россию больше себя и который не смог перенести ее позора.

Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине. Бегство из неприятельского плена, августовское наступление, Быхов и выход из него, вступление в ряды Добровольческой армии и славное командование ею — известны всем нам.

Велика потеря наша, но пусть не смутятся тревогой наши сердца и пусть не ослабнет воля к дальнейшей борьбе. Каждому продолжать исполнение своего долга, памятуя, что все мы несем свою лепту на алтарь Отечества.

Вечная память Лавру Георгиевичу Корнилову — нашему незабвенному вождю и лучшему гражданину Родины. Мир праху его!

Параграф 2.

В командование армией вступить генералу Деникину...»

Этот приказ внес известную долю успокоения в сердца добровольцев. В тяжелую минуту добровольцы потеряли своего военного вождя. Не случайно Добровольческая армия называлась корниловской. От смерти Корнилова в рядах белых бойцов — «Впечатление потрясающее. Люди плакали навзрыд, говорили между собой шепотом, как будто между ними незримо присутствовал властитель их дум. В нем, как в фокусе, сосредоточилось ведь все: идея борьбы, вера в победу, надежда на спасение. И когда его не стало, в сердца храбрых стали закрадываться страх и мучительное сомнение...»

Так писал доброволец прапорщик Роман Гуль, рядовой Корниловского ударного полка:

«...Подходит бледный, взволнованный капитан Ростомов. «Ты ничего не знаешь?» — «Нет. Что?» — «Корнилов убит, — глухо говорит он, — но, ради Бога, никому не говори, просят скрывать...»

Куда-то оборвалось, покатилося сердце, отлила кровь от головы. Нельзя поверить! ...»

В ночь на 2 апреля тела генерала Л.Г. Корнилова и полковника М.О. Неженцева, двух кавалеров ордена Святого Георгия, были тайно преданы земле на пустыре за немецкой колонией Гнадау в 50 верстах севернее Екатеринодара. На месте захоронения не поставили ни полагающихся по такому случаю даже безымянных крестов, не устроили обязательных могильных холмиков. Лишь разрытая земля свидетельствовала о существовании здесь захоронений.

Была составлена карта местности с координатами захоронения, которая была размножена в трех экземплярах. Карты отдали на хранение трем разным лицам, которые никак не могли погибнуть все вместе. Число лиц, посвященных в эту тайну, было небольшим.

...Вопрос о возобновлении штурма Екатеринодара уже никто из генералов не поднимал. Об этом не говорили вслух, но каждый понимал, что армия должна уйти от города. Новый командующий А.И. Деникин обсудил ситуацию с генералом М.В. Алексеевым, за которым он безоговорочно признавал авторитет зачинателя Белого движения. Они, хорошо понимая друг друга и настроение добровольцев, и решили не терять больше бойцов в безуспешных атаках.

От Екатеринодара Добровольческая армия совершила быстрый марш-бросок на север, к станице Старовеличковской. Командование красными войсками прозевало отход белых и потому организовать преследование не смогло.

Была еще и другая, не менее веская причина. В красном лагере в эти дни царила эйфория по поводу успешной защиты Екатеринодара от «кадетов» и гибели самого «белого» вождя генерала Корнилова. В газетах печатались сообщения о «разгроме и ликвидации белогвардейских банд, рассеявшихся по всему Северному Кавказу».

В Совет народных комиссаров из Екатеринодара было отправлено телеграфное донесение об отражении нападения контрреволюционера генерала Корнилова:

«г. Екатеринодар.
18 апреля 1918 г.
9 час. 20 мин.

Только что вернулся с обследования фронта. Сегодня в ночь произошли крупные перемены: наши в ночной энергичной атаке отбросили контрреволюционные войска Корнилова от Екатеринодара на 12 верст и окружили его кольцом. Контрреволюционеры понесли большие потери. В настоящее время банды Корнилова преследуются. Я находился в штабе. В станице Елизаветинской наши войска надеются сегодня в ночь выбить противника. Ввиду открытых позиций наступление тормозится за неимением бронированных автомобилей.

В беседах главнокомандующий Автономов жалуется на недостаток снаряжения и неимение в достаточном количестве винтовок, автомобилей и аэропланов, а также неимение денег. Силы имеются — свыше 75 тысяч, содержать нечем.

Прошу при получении немедленно разобраться и выслать деньги на содержание армии срочно, промедление высылки задержит борьбу с контрреволюционерами.

Ответственный комиссар
Юго-Восточного района России,
член Центрального исполнительного комитета
Тарасов».

...В станице Егорлыцкой в Добровольческую армию пришло «стороной» известие, немало поразившее всех, от кадетов до заслуженных фронтовых генералов. Совет народных комиссаров РСФСР и ВЦИК утвердили подписанный в Брест-Литовске сепаратный мир с Германией и ее союзниками — Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. Добровольцы расценили такой политический акт одностороннего выхода России (теперь Советской) из Первой мировой войны как прямое предательство союзников по Антанте, полное нарушение союзнических обязательств. Как позорный для России мир.

С еще большим возмущением узнали они о том, какой ценой покупался этот сепаратный мир с неприятелем. Германии и Австро-Венгрии отдавали всю Прибалтику, большую часть украинских и белорусских земель, корабли Балтийского и Черноморского флотов.

Договор считался позорным для России еще и потому, что она выплачивала Германии, которая победительницей в войне не была, «скрыто» наложенную на нее контрибуцию в размере 6 млрд марок золотом «за все финансовые обязательства, предусмотренные договором...»

В счет этой огромной суммы советское правительство успело выплатить проигравшей Первую мировую войну Германии только 325 млн рублей золотом. Впоследствии это золото по Версальскому мирному договору перешло к бывшей российской союзнице по Антанте Франции.

Брест-Литовский сепаратный мир не остановил Берлин и Вену в планах относительно территориальных приобретений России. Когда белая Добровольческая армия, которая считала Антанту своей союзницей по еще продолжавшейся Первой мировой войне, вышла к станице Егорлыцкой, в Ростове-на-Дону уже стояли немецкие войска...

«Ледяной» 1-й Кубанский поход принес корниловской Добровольческой армии боевую славу, но не дал ей желанной победы на кубанской земле.

3 октября 1918 года командующий Добровольческой армией генерал-лейтенант А.И. Деникин учредил серебряный «Знак отличия 1-го Кубанского похода». Он представлял собой меч в терновом венке. Знак, приравненный к орденской награде,

носился, естественно, на почетнейшей среди русских военных черно-оранжевой Георгиевской ленте.

Всего было зарегистрировано 3698 участников «Ледяного» похода, так называемых «первопроходцев». Знак за № 1 по праву принадлежал первому командующему армией белых добровольцев генералу Лавру Георгиевичу Корнилову. Это была дань его светлой памяти.

Сменивший его на командном посту «быховец» А.И. Деникин всегда был верен памяти зачинателя Белого движения, ставшего одной из первых «именитых» жертв Гражданской войны. В одном из своих обращений к армии и согражданам он говорил:

«От Добровольческой армии»

Полный развал армии, анархия и одичание в стране, предательство народных комиссаров, разоривших страну дотла и отдавших ее на растерзание врагам, привели Россию на край гибели.

Добровольческая армия поставила себе целью спасение России путем создания сильной, патриотической и дисциплинированной армии и беспощадной борьбы с большевизмом, опираясь на все государственно мыслящие круги населения.

Будущих форм государственного строя руководители армии (генералы Корнилов, Алексеев) не предрешали, ставя их в зависимость от воли Всероссийского Учредительного собрания, созданного по водворении в стране правового порядка.

Для выполнения этой задачи необходима была база для формирования и сосредоточения сил. В качестве таковой была избрана Донская область, а впоследствии, по мере развития сил и средств организации, предполагалась вся территория так называемого Юго-Восточного союза. Отсюда Добровольческая армия должна была идти историческими путями на Москву и Волгу...

Расчеты, однако, не оправдались...»

Дальше генерал-лейтенант А.И. Деникин указал на мотивы «исхода» армии белых добровольцев с тихого Дона. Затем следовал краткий очерк 1-го «Ледяного» Кубанского похода. В конце политического обращения к русским людям новый командующий Добровольческой армией подчеркивал:

«...Предстоит и в дальнейшем тяжелая борьба. Борьба за целостность разоренной, урезанной, униженной России; борьба за гибнущую русскую культуру, за гибнущие несметные народные богатства, за право свободно жить и дышать в стране, где народоправство должно сменить власть черни.

Борьба до смерти.

Таков взгляд и генерала Алексеева, и старших генералов Добровольческой армии (Эрдели, Романовского, Маркова и Богаевского), таков взгляд лучшей ее части. Пусть силы наши невелики, пусть вера наша кажется мечтанием, пусть на этом пути нас ждут новые тернии и разочарования, но он — единственный для всех, кто предан России.

Я призываю всех, кто связан с Добровольческой армией и работает на местах, в этот грозный час напрячь все силы, чтобы немедленно организовать кадры будущей армии и в единении со всеми государственно мыслящими русскими людьми свергнуть гибельную власть народных комиссаров.

Командующий Добровольческой армией
генерал-лейтенант Деникин».

...В штабе Добровольческой армии подводили итоги 1-го Кубанского похода, который «первопроходцы» обычно называли «Ледяным». Было над чем, на будущее, задуматься белым военачальникам, которые прекрасно понимали, что Гражданская война еще не «набрала для российской истории оборотов».

И Деникина, и Алексеева, и их сподвижников по Белому движению, по белому воинству интересовали прежде всего реальные, потенциальные возможности созданной их трудами армии корниловцев-добровольцев. От этого зависели их планы на дальнейшее ведение Гражданской войны.

Белая Добровольческая армия, ведомая на Кубань генералом Корниловым и уводимая с нее другим командующим, выступила в поход 9 февраля 1918 года и вернулась на Дон 30 апреля того же года.

«Первопроходцы» прошли (именно прошли, поскольку конницы у них было мало) по основному маршруту 1050 верст труднейшего пути зимнего времени и начавшейся весенней

распутицы. Поход проходил по задонским и кубанским степям, отчасти по предгорьям Главного Кавказского хребта.

За восемьдесят походных дней Добровольческая армия 44 дня вела бои с превосходящими силами противника. То есть почти весь поход она, как говорится, не выходила из боя.

Вышла армия из Ростова в составе четырех тысяч бойцов, а вернулась на донскую земли в составе пяти тысяч, пополнившись кубанцами — добровольцами и казаками. То есть большие людские потери, прежде всего в ходе неудачного штурма Екатеринодара, не сократили численность армии, что было немаловажно для последующих событий в Гражданской войне.

Начала поход с несколькими сотнями снарядов, имея по 150—200 патронов на человека. Вернулась армия почти с тем же: все снабжение для войны белые добровольцы добывали ценой собственных смертей. И только в неравных боях.

В кубанских степях Добровольческая армия лишилась своего испытанного вождя, потеряв до полутысячи человек. Она вывезла с собой на Дон свыше полутора тысяч раненых бойцов.

Добровольческая армия после неудачного штурма Екатеринодара по собственной воле ушла с Кубани обратно на Дон. Потери в людях для нее, и без того малочисленной, были огромны. Но все же на первом военном совете, который состоялся в станице Мечетенской, генерал Алексеев мог сказать присутствующим:

— Наша армия пришла с Кубани более сильной, чем вышла из нее. В этом заслуга прежде всего ее первого командующего. Добровольчество не ослабло даже с учетом утраты генерала Корнилова Лавра Георгиевича...

И закончил свое выступление Михаил Васильевич следующими словами:

— Выйдя из одного похода, нам надо готовиться к новому. Главная борьба еще впереди.

На Дону белая Добровольческая армия соберется с новыми, значительными силами. Перед 2-м Кубанским походом она будет состоять из трех пехотных дивизий, одной конной и одной кубанской конной бригады. Поход «прикрывался» четырьмя бронепоездами: «Офицер», «Единая Россия», «Гене-

рал Корнилов» и «Вперед за Россию». Сохранял свое название Корниловский ударный полк, который будет развернут сначала в пехотную бригаду, а затем в одну из четырех «цветных» дивизий Добровольческой армии. Ими были Корниловская, Алексеевская, Марковская и Дроздовская пехотные дивизии.

Имя Лавра Георгиевича Корнилова осталось почитаемым в рядах белой Добровольческой армии до последних дней ее существования. В огненном вихре Гражданской войны добровольцы-корниловцы пытались увековечить память о нем на родной земле, но не смогли устроить даже перезахоронение останков героя Белого движения. Тому были свои причины.

В декабре 1918 года по при главнокомандующем Добровольческой армии на Юге России генерал-лейтенанте А.И. Деникине была создана так называемая Особая комиссия. В ее задачу входил сбор материалов о преступлениях большевиков в освобожденных от них областях. Состав комиссии отличался представительностью: здесь были опытные юристы, известные общественные деятели, офицеры Генерального штаба, бывшие сотрудники Министерства иностранных дел, члены союзных миссий...

Работа Особой комиссии велась в строгом соответствии с Уставом уголовных преступлений. Производился опрос свидетелей и потерпевших, изучались документальные материалы. Члены комиссии работали добросовестно и скрупулезно. Сами ее сотрудники говорили, что задача у них чисто пропагандистская, агитаторская — показать «злодеяния большевизма».

Особой комиссией было вскрыто немало фактов массовых убийств и истязаний, гонений на русскую православную церковь. Из собранных материалов белых следственных органов сложились, к примеру, такие громкие дела, как дело об убийстве в Екатеринбурге царской семьи и дело распространенной на советской Кубани «социализации девиц от 16 до 25 лет» (официально санкционированное властями изнасилование девушек и молодых женщин из «буржуазных классов»). Известность приобрело и расследование кровавых дел в городе Таганроге, где военным комиссаром был бывший каторжник, отбывавший наказание за убийство, а председателем контрольной комис-

сии по перевозке «бриллиантов для диктатуры пролетариата» — известный в недавнем прошлом грабитель по кличке «Пузырь».

Работниками Особой комиссии среди прочего было проведено расследование факта «глумления большевиков над телом убитого генерала Корнилова». Этот материал стал одним из многих в архиве «Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков» и сохранился до наших дней. Вот его содержание:

«31 марта 1918 года под городом Екатеринодаром, занятым большевиками, был убит командующий Добровольческой армией, народный герой генерал Корнилов.

Тело его было отвезено за 40 верст от города в колонию Гнадау, где оно и было 2 апреля предано земле, одновременно с телом убитого полковника Неженцева.

В тот же день Добровольческая армия оставила колонию Гнадау, а уже на следующее утро, 3 апреля, появились большевики в предшестве разъездов Темрюкского полка.

Большевики первым делом бросились искать якобы «зарытые «кадетами» кассы и драгоценности». При этих розысках они наткнулись на свежие могилы. Оба трупа были выкопаны, и тут же большевики, увидев на одном из трупов погоны полного генерала, решили, что это генерал Корнилов. Общей уверенности не могла поколебать замедлившаяся по нездоровью в Гнадау сестра милосердия Добровольческой армии, которая при предъявлении ей большевиками трупа для опознания хотя и признала в нем генерала Корнилова, но стала их уверять, что это не он. Труп полковника Неженцева был обратно зарыт в могилу, а тело генерала Корнилова, в одной рубашке, покрытое брезентом, повезли в Екатеринодар на повозке колониста Давида Фрука.

В городе повозка эта въехала во двор гостиницы Губкина на Соборной площади, где проживали главари советской власти Сорокин, Золотарев, Чистов, Чуприн и другие. Двор был переполнен красноармейцами; воздух оглашался отборной бранью — ругали покойного. Отдельные увещания из толпы не тревожить умершего человека, ставшего уже безвредным, не помогли; настроение большевистской толпы повышалось. Через некоторое время красноармейцы вывезли на своих руках повозку на улицу. С повозки тело было сброшено на панель.

Один из представителей советской власти Золотарев появился пьяный на балконе и, едва держась на ногах, стал хвастаться перед толпой, что это его отряд привез тело Корнилова, но в это время Сорокин стал оспаривать у Золотарева честь привоза Корнилова, утверждая, что труп привезен не отрядом Золотарева, а темрюкцами. Появились фотографы, и с покойника были сделаны снимки, после чего тут же проявленные карточки стали бойко ходить по рукам.

С трупа была сорвана последняя рубашка, которая рвалась на части и обрывки разбрасывались кругом. «Тащи на балкон, покажи с балкона, кричали в толпе, но тут же слышались возгласы: не надо на балкон, зачем пачкать балкон. Повесить на дереве». Несколько человек оказались уже на дереве и стали поднимать труп. «Тетя, да он совсем голый», — с ужасом заметил какой-то мальчик стоявшей рядом с ним женщине.

Но тут же веревка оборвалась, и тело упало на мостовую. Толпа все прибывала, волновалась и шумела. С балкона был отдан приказ замолчать, и когда гул голосов стих, то какой-то находившийся на балконе представитель советской власти стал доказывать, что привезенный труп без сомнения принадлежит Корнилову, у которого был один золотой зуб. «Посмотрите и увидите» — приглашал он сомневающихся. Кроме того, он указывал на то, что на покойнике в гробу были генеральские погоны и что в могиле, прежде чем дойти до трупа, обнаружили много цветов, «а так простых солдат не хоронят», — заключил он.

И действительно, приходилось считать вполне установленным, что все это безгранично дикое глумление производилось над трупом генерала Корнилова, который был тут же опознан лицами, его знавшими.

Глумление это на Соборной площади, перед гостиницей Губкина, продолжалось бесконечно долго.

После речи с балкона стали кричать, что труп надо разорвать на клочки. Толпа задвигалась, но в это время с балкона послышался грозный окрик: «стой — буду стрелять из пулемета», — и толпа отхлынула.

Не менее двух часов тешился народ. Отдан был приказ увезти труп за город и сжечь его. Вновь тронулась вперед все та же повозка, с той же печальной поклажей. За повозкой двинулась огромная, шумная толпа, опьяненная диким зрелищем

и озверевшая. Труп был уже неузнаваем: он представлял собой бесформенную массу, обезображенную ударами шашек, бросанием на землю и пр. Но этого все еще было мало: дорогой глумление продолжалось: к трупу подбегали отдельные лица, наносили удары шашкой, бросали камнями и землей, плевали в лицо. При этом воздух оглашался грубой бранью и пением хулиганских песен.

Наконец, тело было привезено на городские бойни, где его сняли с повозки, и, обложив соломой, стали жечь в присутствии высших представителей большевистской власти. Языки пламени охватили со всех сторон обезображенный труп; подбежали солдаты и стали штыками колоть тело в живот, потом подложили еще соломы и опять жгли. В один день не удалось закончить все работы: на следующий день продолжали жечь жалкие останки; жгли и растаптывали ногами.

Имеются сведения, что один из большевиков, рубивший труп генерала Корнилова, заразился трупным ядом и умер.

Через несколько дней по городу двигалась какая-то шутовская процессия ряженных, ее сопровождала толпа народа. Это должно было изображать похороны Корнилова. Останавливаясь у подъездов, ряженные звонили и требовали денег «на помин души Корнилова».

5 апреля в екатеринодарских «Известиях» на видном месте была помещена заметка, начинавшаяся следующими словами: «...в 12 часов дня отряд т. Сорокина доставил в Екатеринодар труп героя и вдохновителя контрреволюции — ген. Корнилова». Далее в заметке говорилось: «после фотографирования труп Корнилова был отправлен за город, где и был предан сожжению».

Когда 6 августа 1918 года представители Добровольческой армии прибыли в Екатеринодар в колонию Гнадау для поднятия останков генерала Корнилова и полковника Неженцева, то могила Корнилова оказалась пустой; нашелся в ней один только небольшой кусок соснового гроба.

Председатель Особой комиссии по расследованию
злodeяний большевиков, состоящей
при главнокомандующем Вооруженными силами
на юге России
(штамп, подпись)».

После гибели при штурме Екатеринодара Лавр Корнилов не удостоился ни положенных ему воинских почестей, ни даже простого деревянного могильного креста.

Восстановленный в рядах Добровольческой армии в конце декабря 1917 года под своим названием — Славянский корниловский ударный — полк принял участие в 1-м Кубанском «Ледяном» и 2-м Кубанском походах. Вскоре с началом боев он получил свое прежнее, первое название — Корниловский ударный. История Гражданской войны свидетельствует, что это была одна из самых стойких, боеспособных частей белых войск.

Корниловский ударный полк имел собственный марш, который стал маршем и для всех последующих корниловских воинских формирований Добровольческой армии. Вот его слова:

Пусть вокруг одно глумленье,
Клевета и гнет —
Нас, корниловцев, презренье
Черни не убьет.

Припев: Вперед на бой!
Вперед на бой!
На бой, кровавый бой!

Русь поймет, кто ей изменник,
В чем ее недуг,
И что в Быхове не пленник
Был, а верный друг.

Припев

За Россию и свободу,
Если в бой зовут,
То корниловцы и в воду,
И в огонь пойдут.

Припев

Верим мы, близка развязка
С чарами врага.

Упадет с очей повязка
У России, да!

Припев

Загремит колоколами
Древняя Москва,
И войдут в нее рядами
Русские войска!

Припев.

В июле 1918 года формируется 2-й Корниловский ударный полк, а в августе — 3-й. Они составили Корниловскую ударную бригаду 1-й пехотной дивизии Добровольческой армии. В декабре того же года формируется 4-й полк, который в феврале 1919 года в тяжелом бою был фактически уничтожен красными и после этого больше не воссоздавался.

14 октября 1918 года корниловцы выводятся из состава 1-й пехотной дивизии. Из них формируется так называемая «цветная» (по цвету фуражек и погон — красно-черные) Корниловская ударная дивизия. 10 ноября создается Артиллерийская генерала Корнилова бригада. Она составила дивизионную артиллерию. При дивизии имелась отдельная Инженерная рота.

В годы Гражданской войны Корниловская ударная дивизия имела семь боевых знамен. Первой святыней, разумеется, являлось знамя, полученное ударниками капитана М.О. Неженцева с надписью «Корниловский ударный отряд». Имелось три наградных знамени, к трем орденам Святого Николая Чудотворца, пожалованных 30 мая 1920 года. В апреле того же года дивизии приказом главнокомандующего русской армией были переданы знамена пехотных 75-го Севастопольского и 133-го Симферопольского полков. 1 сентября 1920 года корниловцы получили знамя Георгиевского пехотного батальона.

Артиллерийская генерала Корнилова бригада в Гражданской войне тоже имела боевые награды. Ими стали Николаевские орденские трубы, которые получили за отличия в боях 1-я, 5-я, 6-я и 7-я батареи бригады ударников-корниловцев.

Трубы были сродни таким же наградным серебряным георгиевским трубам Российской Императорской армии и Российского Императорского флота. В старой русской армии такая почетная «полковая музыка» считалась предметом гордости воинской части.

Корниловцы имели свою отличительную форму одежды: черные гимнастерки с белыми выпушками, цветные красно-черные фуражки. Погоны у пехотинцев и конников были черно-красные, у артиллеристов — черные. Но поскольку пошив одинаковой униформы в годы Гражданской войны для белых был практически невозможен, то корниловцы носили не только гимнастерки «своего» черного цвета. Чаще носили обычные защитные рубахи, белые косоворотки и английские кители покроя «френч», произвольно украшенные выпушками белого или черного цвета.

После эвакуации из Крыма врангелевской белой русской армии остатки дивизии были сведены в Корниловский ударный полк. А ее артиллеристы составили Корниловский артиллерийский дивизион. Свою полковую историю корниловцы получили уже в эмиграции. Она была опубликована в Париже. Ее написал полковник М.Н. Левитов, который закончил Гражданскую войну командиром 2-го Корниловского ударного полка.

Корниловцы имели свой кодекс чести на войне. Он был изложен в двух наставлениях. Первый назывался «Наказ корниловцам о законах и обычаях сухопутной войны»:

«1. Воюешь с неприятельскими войсками, а не с мирными жителями. Неприятели могут быть и жители неприятельской страны, но лишь в том случае, когда видишь их с оружием в руках.

2. Безоружного врага, просящего пощады, не бей.

3. Уважай чужую веру и ее храмы.

4. Мирных жителей неприятельского края не обижай, их имущества сам не порти и не отнимай, да и товарищей удерживай от этого. Жестокость к обывателям только увеличивает число наших недругов. Помни, что солдат — Христов воин.

5. Когда кончилось сражение, раненого жалея и старайся по мере сил помочь ему, не разбирая — свой он или неприятельский. Раненый уже не враг твой.

6. С пленными обращайся человеколюбиво; не издевайся над его верою; не притесняй его.

7. Обиране пленных, а еще хуже того раненых и убитых — величайший стыд для честного солдата, польстившемуся на такое действие грозят тягчайшие наказания, как за разбой.

8. Если приставлен будешь к пленным, охраняй их от приставания посторонних. При попытке пленного бежать — задерживай его, зови на помощь, в крайности действуй оружием.

9. Палатки и дома, где находятся раненые и больные, обозначены всегда белым флагом с красным крестом, — в эти места не стреляй и не ломись.

10. Не трогай людей, хотя бы и в неприятельской форме, у которых на рукаве белая повязка с красным крестом, — они ухаживают за больными и ранеными и лечат их.

11. Увидишь неприятеля с белым флагом — не стреляй в него, а направь к начальству — это переговорщик — лицо неприкосновенное...»

Второе наставление называлось так: «Поучение воину-корниловцу — перед боем». Оно имело и второе название (или подзаголовок): «Каждый воин должен твердо усвоить следующие руководящие основания для боя»:

«1. Сам погибай, а товарища выручай.

2. Иди вперед, хотя бы передних и били.

3. Не бойся гибели, как бы ни приходилось трудно, наверное побьешь.

4. Если тебе трудно, то неприятелю не легче, а может труднее твоего. Только свое трудное ты видишь, а неприятельского не видишь, но оно непременно есть, и потому никогда не унывай, будь дерзок и настойчив.

5. При обороне надо бить, а не только отбиваться. Лучший способ обороны — самому напасть.

6. В бою бьет тот, кто упорнее и смелее, а не кто сильнее и искуснее. Победа сразу не дается, враг тоже бывает стоек: иной раз не удастся взять и с двух и с трех раз — тогда нужно лезть и в четвертый и далее, пока не добьешься своего.

7. Более или менее искусные распоряжения облегчают достижение цели с меньшими потерями, но только облегчают;

достигает же ее только тот, кто решился скорее погибнуть, чем не добиться своего.

8. Какие бы неожиданные препятствия ни встретились на пути к цели, надо думать о том, чтобы их преодолеть, а не о том, что дело плохо.

9. У порядочной части нет ни тыла, ни флангов, а везде фронт, откуда неприятель.

10. Как бы неожиданно ни появился неприятель, не нужно забывать одного: его можно бить штыком или огнем. Из двух выбор не труден, а строй — уже дело второстепенное. Если враг близко — всегда штык; если подальше — сначала огонь, а потом штык.

11. Нет того положения, из которого нельзя было бы выйти с честью.

12. В бою нет смены. Раз попал в бой, останешься в нем до конца: поддержка будет, смена никогда.

13. Пока дерешься, выручай здоровых; только побив врага, вспоминай о раненых. Кто о них хлопочет во время боя и оставляет ряды — трус, а не сердобольный человек. Для подбора раненых всегда есть особые команды.

14. Будучи начальником, не залезай в дело младшего, когда видишь, что его толково ведут, в бою и своего дела довольно будет. Кто погонится за тем, что другие должны делать, упустит свое. Всякий чин должен иметь свой круг самостоятельности и ответственности. Не признавая первой, снимаешь и вторую. Но начальник должен следить, чтобы всякий делал свое дело и спуску не давал...»

Эти два наставления белогвардейцам-корниловцам по духу своему схожи с содержанием известной суворовской «Науки побеждать». Такое не случайно: творение «препрославившегося в свете всегдашними победами генералиссимуса российских войск князя Италийского графа Суворова-Рымникского» на протяжении более чем столетия являлось настольной книгой для русского офицерства. И в Красной армии на основе идей полководца Александра Васильевича Суворова была создана в виде боевого наставления «Книжка красноармейца».

Корниловцы, доблестно воевавшие за Белое движние в рядах вооруженных сил Юга России, не раз блиставшие стойко-

стью и победами в составе южной группы войск Добровольческой армии, до самого своего «ухода» из Крыма заставляли говорить о себе. И противника, и своих военачальников.

Генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель в своих «воспоминаниях» всегда тепло отзывался о действиях корниловцев в рядах русской армии. Вот как он описывает их перед началом белого наступления в Северной Таврии:

«...Вечером мы (Врангель и представители союзнических миссий. — А.Ш.) прибыли в Мелитополь, где в штабе 1-й армии начальник штаба армии генерал Достовалов сделал краткий доклад о нашем общем положении и познакомил слушателей с историей борьбы войск генерала Кутепова в Северной Таврии. После ужина мы вернулись в поезд и выехали на станцию Федоровка, откуда 1 сентября утром проехали на автомобилях в колонию Кронсфельд, где смотрели оттянутую в резерв командуемую армией Корниловскую дивизию.

От края до края огромной площади растянулись ряды войск. На середине площади поставлен аналой и в блестящих ризах духовенство служит молебен. В тихом осеннем воздухе несутся звуки церковного пения, и где-то в небесной выси вторит им запоздалый жаворонок.

Загорелые, обветренные лица воинов, истоптанные порыжевшие сапоги, выцветшие истертые рубахи. У многих верхних рубах нет, их заменяют шерстяные фуфайки. Вот один, в ситцевой пестрой рубахе с нашитыми полотняными погонами, в старых выцветших защитных штанах, в желтых английских ботинках, рядом другой и вовсе без штанов, в вязаных кальсонах. Ужасная, вопиющая бедность. Но как тщательно, как любовно пригнана ветхая амуниция, вычищено оружие, выровнены ряды.

После молебна я вручаю 1-му Корниловскому полку Корниловское знамя, знамя 1-го батальона имени генерала Корнилова.

Это знамя, сохраненное одним из офицеров полка, вырвавшимся от большевиков, является для полка дорогой реликвией.

Части проходят церемониальным маршем. Один за другим идут стройные ряды, бодрый, твердый шаг, веселые радостные лица и кажется, что встали из могилы старые русские полки...»

Гражданская война «смертельным колесом» прошла по всему сибирскому казачьему роду Корниловых. Беженцами стали дети Лавра Георгиевича — дочь Наталья и сын Юрий. Они в полной мере хлебнули эмигрантского горя на чужбине. Хотя всегда чувствовали поддержку и сострадание боевых товарищей своего отца.

В Белом движении и Гражданской войне участвовал и родной брат Корнилова — полковник Петр Георгиевич, фронтовик со стажем. В 1920 году в Туркестанском крае он поднял восстание против власти большевиков, но повстанцы были разгромлены. Корнилов вместе с женой укрылся в Ташкенте, но был схвачен и расстрелян в том же 20-м году.

Сестра генерала Корнилова — Анна Георгиевна стала школьной учительницей. Но имя брата, от которого она упорно не отказывалась, все время висело над ней. В 1926 году она была арестована и приговорена к расстрелу за «антисоветскую агитацию». Другой меры наказания карающие органы советской власти к родной сестре «самого Корнилова» применить не могли.

...Начиная с августа 1917 года по самый конец XX столетия россияне знали Лавра Георгиевича Корнилова как отпетого, идейного врага трудового народа, одного из вождей белогвардейского лагеря. Боевой генерал с полководческими задатками, участник трех войн, представлялся обычно как защитник «буржуазии, помещиков и капиталистов». Но только не как защитник старой российской государственности, старой русской армии. Замалчивался даже тот факт, что он происходил из семьи простого, трудового казака.

Однако правда истории рано или поздно берет свое. Россия теперь знает генерала Л.Г. Корнилова как Верховного главнокомандующего в Первой мировой войне. Как подлинного государственника, кавалера ордена Святого великомученика и Георгия Победоносца на двух войнах. Как талантливого военного разведчика и ученого, владевшего в совершенстве шестью иностранными языками и награжденного малой серебряной медалью Русского географического общества. Как человека офицерской чести и личного бескорыстия. И наконец, как бескомпромиссного патриота России, в которого верила и которого боготворила часть наших соотечественников.

Но как российского правителя история Отечества Лавра Георгиевича Корнилова не знает. А по пути к этому титулу в 1917 году с его двумя революционными потрясениями несостоявшийся диктатор шел волей судьбы дважды: в августе и декабре. Но переустроить Россию на «белый» лад он не сумел даже ценой собственной жизни, которую выходец из сибирского казачьего сословия положил на алтарь Гражданской войны без колебаний.

Корнилов привнес в историю Российского государства в начале прошлого века собственное «я», хотя и проиграл на военном поприще в противостоянии Белого и Красного движений. Проиграл, но не морально, не нравственно. Этой по крайней мере непреложной истины не могут отрицать ни друзья, ни враги его. Ни тогда, ни сегодня. В этом и состоит историческая правда о генерале Корнилове.